

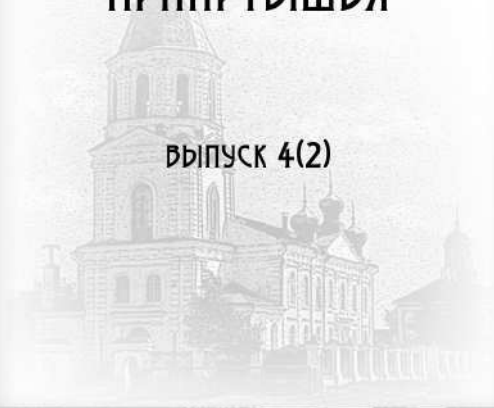
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ ОМСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ

ВЫПУСК 4(2)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. М. А. ВРУБЕЛЯ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ МИНИСТЕРСТВА
КУЛЬТУРЫ РФ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ ОМСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ

ВЫПУСК 4(2)

ОМСК
2010

ББК 63.5(2)
И240

Сборник научных трудов. Рекомендован к печати учёным советом Сибирского филиала Российского института культурологии.

Редколлегия:

к. и. н. Б. А. Конигов (отв. редактор, сост.), к. и. н. А. В. Ремизов,
А. П. Сорокин (отв. секретарь, сост.), д. и. н. Н. А. Томилов

Рецензенты:

д. и. н. Д. А. Алисов, д. и. н. П. П. Вибе

И Историко-культурное наследие Омского Прииртышья : сборник научных трудов / сост. А. П. Сорокин ; под ред. Б. А. Конигова [и др]. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. – Вып. 4 (2). – 236 с.

ISBN 978-5-8268-1444-4

Сборник научных трудов продолжает серию, посвящённую сохранению и изучению объектов регионального культурного наследия. Статьи омских историков, археологов, архивистов, архитекторов и краеведов посвящены актуальным вопросам сохранения и возрождения памятников истории, культуры и археологии, истории городской монументальной скульптуры, историческим некрополям города Омска.

Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, краеведам, учителям и учащимся средних школ, а также всем интересующимся историей и культурой Омского региона.

ББК 63.5(2)

ISBN978-5-8268-1444-4 © БУК «Музей имени М. А. Врубеля», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Сорокин А. П., Мусияк В. В. Круглый стол «Проблемы сохранения памятников истории и культуры Прииртышья»	7
Сорокин А. П. Общественное движение за сохранение памятников истории и культуры в Омске в конце XX – начале XXI веков	
Словами документа. «Работать дальше... невозможно». (Архивные документы о работе памятникоохранительной комиссии при ЗСО РГО в 1920-х гг.)	

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

Конигов Б. А. «Белые пятна» омской археологии	
Татауров С. Ф. Археологические исследования утраченных памятников в историческом центре г. Тары	
Борисов А. В. Культурный слой как предмет государственной охраны	

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Каримов А. М. Формирование принципов омской архитектурной школы, основанное на сохранении и развитии исторического наследия	
Лебедева Н. И. Лютеранская кирха во имя святой Екатерины на территории Второй Омской крепости	
Хахаева Ж. М. Из истории зданий пожарной каланчи в Омске в XIX – XX вв	
Коновалов И. Л. Как восстанавливали Серафимо- Алексеевскую часовню (Заметки реставратора)	
Олейникова А. В. История разрушения Воскресенского собора в документах личного фонда А. Ф. Палашенкова в Омском государственном историко-краеведческом музее	

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ И ГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА ОМСКА

- Лосунов А. М., Огородникова Л. И.**
 «Царю-Освободителю – благодарные омичи...» (К истории
 проекта памятника Александру II в городе Омске).....
- Огородникова Л. И.** Несостоявшийся памятник А. С. Пушкину.....
- Мордкович Т. П.** Памятники жертвам политических
 репрессий в Омской области.....
- Череднякова А. С.** Городская декоративная пластика Омска:
 творчество А. Н. Капралова.....

ОМСКИЕ НЕКРОПОЛИ

- Лосунов А. М.** История и современность Казачьего кладбища.....
- Бродский И. Е.** Старые омские некрополи: история
 и современность.....

ПАМЯТЬ МЕСТА

- Дежурова Л. Н., Шкурихина А. С.** Памятники истории
 и культуры Троицкого сельского поселения Омского
 муниципального района Омской области.....
- Лосунов А. М.** Свято-Никольский храм в с. Большекулаче:
 от церкви к монастырю.....
- Афанасьев А. С.** Нагрудные знаки, жетоны и настольная медаль
 Омского кадетского корпуса (1907–2003).....
- Список сокращений**.....
- Сведения об авторах**.....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внимание читателей представлен очередной выпуск историко-краеведческого сборника, состоящего из статей омских историков, археологов, архитекторов и краеведов. Три предыдущих сборника были с интересом встречены общественностью, став библиографической редкостью¹. Основополагающая цель издания - представить широкой общественности результаты исследования прошлого нашего региона.

Последние десятилетия отмечены постоянно нарастающим интересом к истории и культуре своей малой родины. Это и понятно. В силу ряда политических и идеологических установок XX века краеведческая тематика в нашей стране носила ограниченный, преимущественно узкопартийный характер. Так, многие важнейшие периоды и биографии замечательных подвижников и деятелей местной истории оставались за бортом советского краеведения. Между тем, эти периоды, как и вклад деятелей науки, культуры, а также политических и общественных личностей, заслуживают внимания. Росту интереса к прошлому края, безусловно, способствует приближающееся 300-летие Омска (2016).

В сборнике представлен раздел, связанный с проблемой сохранения культурного наследия нашего региона. Эта тема во все времена являлась актуальной. В настоящее время, когда нарастают темпы воссоздания и музеефикации памятников старины, ее значение очевидно (статьи и публикации А. П. Сорокина и В. В. Мусияк). На страницах сборника идет речь и о памятниках археологии. Статья С. Ф. Татаурова посвящена такому разделу, как церковная археология, набирающая в нашем регионе вес и значение. Серия статей (Н. И. Лебедевой, Ж. М. Хахавой, И. Л. Коновалова) содержит результаты исследования и процесса воссоздания памятников гражданской и церковной архитектуры. Отдельный раздел сборника отведен скульптуре Омска (статьи А. М. Лосунова, Л. И. Огородниковой, Т. П. Мордкович, А. С. Чердняковой).

В отдельную главу сгруппированы статьи, раскрывающие историю омских некрополей (А. М. Лосунов, И. Е. Бродский).

О памятных местах омского региона повествует еще одна глава сборника в статьях Л. Н. Дежуровой, А. С. Шкурихиной, А. М. Лосунова, А. С. Афанасьева.

Б. А. Конигов

¹Памятники истории и культуры города Омска: – Сб. статей / Сост. П. П. Вибе. – Омск, 1992. – Вып. 1.

Памятники истории и культуры Омской области. / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск, 1995.

Проблемы сохранения и изучение историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК Музей, 2005.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Алексей Сорокин, Вера Мусияк

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПРИИРТЫШЬЯ»

Центральным событием Дней культуры в Омской области, посвященных общероссийскому празднику Дню работника культуры в нашем регионе, стала выставка «Омская культура: время созидания», организованная Министерством культуры Омской области с 20 по 25 марта 2009 г. в выставочном комплексе «Континент-2».

Основной задачей выставки «Омская культура: время созидания» стало привлечение внимания широкой общественности к достижениям омских деятелей культуры и искусства, создание площадки для диалога создателей и потребителей культурных услуг. Экспозиция, представляющая достижения культуры, впервые проводилась в таком широком масштабе и была призвана отразить поступательное и системное развитие этой отрасли – многообразную деятельность театров и филармонии, музеев, библиотек, дворцов культуры и клубов, творческих союзов и национальных культурных центров по созданию единого культурного пространства.

«Главная цель выставки, – отметил в своём выступлении министр культуры Омской области В. А. Телевной, – показать роль культуры в жизни именно нашего региона, поэтому мы отказались от идеи приглашения участников из других городов страны. У нас отношение к культуре было и остается особым, приоритетным, поскольку – и это позиция регионального руководства – культура есть то, что делает нас народом. Поэтому сегодня такая выставка необходима и важна».

Для формирования экспозиции, ориентированной на широкий круг участников, организаторами были привлечены представители областных и муниципальных учреждений культуры, общественных организаций, а также бизнес-структур, чей профессиональный интерес лежит в сфере культуры. Техническим оператором выставки являлось региональное Агентство рекламно-выставочной деятельности. В работе выставки приняли участие государственные и многие муниципальные учреждения культуры, учебные заведения, общественные организации, творческие союзы.

Каждый день работы выставки получил определенное тематическое направление: День народных культур, День театрального искусства, День музеев и художественного творчества, День музыки, дни открытия и закрытия выставки. Одной из важных задач организаторов выставки стало налаживание механизма обратной связи, чтобы каждый посетитель мог почувствовать себя участником общего культурного процесса. В программе выставки была организована демонстрация достижений омских театров, музеев, творческих коллективов, экспонирование работ художников, фотомастеров и дизайнеров, изделий народных промыслов и ремесел, презентация издательских проектов, выступления профессиональных и самодеятельных творческих коллективов, проведение круглых столов, мастер-классов, конкурсно-игровых программ.

24 марта 2009 г. в рамках региональной отраслевой выставки «Омская культура: время созидания» в конференц-зале 2-го этажа состоялся круглый стол «Проблемы сохранения памятников истории и культуры Прииртышья». Организаторами мероприятия выступили Министерство культуры Омской области, Омский филиал Российского фонда культуры.

В качестве соорганизаторов круглого стола в его работе участвовали Омский государственный историко-краеведческий музей, Омский союз профессиональных археологов, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Омское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», Сибирский филиал Российского института культурологии, Тарская районная общественная организация историко-краеведческий центр «Тарский уезд».

В рамках круглого стола представители культурной и научной общественности обсудили насущные проблемы сохранения и использования памятников истории и архитектуры Омского региона.

В работе круглого стола приняли участие более 70 человек – члены различных общественных организаций, ученые, студенты – все,

кому небезразлична судьба историко-культурного наследия региона. Открыл работу круглого стола председатель Совета ОФ РФК, директор СФ РИК и ОФ ИАЭт СО РАН, академик Н. А. Томилов. В своём докладе «Социальные функции историко-культурного наследия и возрастание его роли в регионе» он указал на наиболее значимые проблемы, касающиеся сохранения памятников истории и культуры. С докладами также выступили: председатель Омского отделения ВООПИК А. М. Каримов, председатель общественной организации «Тарский уезд» С. А. Алферов и специалист-археолог Омского филиала ИАЭт СО РАН С. Ф. Татауров, а также ученый секретарь Омского отделения Русского географического общества Ф. И. Новиков.

Открыли работу Круглого стола его ведущие: заместитель Министра культуры Омской области А. В. Ремизов и профессор, доктор исторических наук Н. А. Томилов.

В своём вступительном слове Н. А. Томилов отметил, что «...хотя у каждой организации могут быть свои взгляды на существующие проблемы, но нельзя отрицать, что все мы обеспокоены тем, что происходит с культурным наследием. По всей стране мы можем наблюдать страшную тенденцию уничтожения памятников истории и культуры. Борьбу с уничтожением пытаются вести, например, специалисты и заинтересованные жители Санкт-Петербурга и Москвы, но этому мешают развитые в нашей стране коррупция и бюрократия».

Далее в своём докладе на тему «*Социальные функции историко-культурного наследия и возрастание его роли в регионе*» Николай Аркадьевич Томилов обратил внимание собравшихся на то, что существуют различные классификации социальных функций культуры. Согласно одной из них можно выделить следующие функции: а) интеграция: обеспечение связи между прошлым и будущим; б) идентификация: поиск социально-культурных знаков, соответствий; в) познавательная; г) образовательная: передача знаний; д) мировоззренческая; е) коммуникативная; ж) дифференцирующая; з) экономическая; и) политическая; к) воспитательная; л) эстетическая; м) созидательная.

Если не будет культуры, то не будет и людей. Мы должны говорить о проблемах культурного наследия своего региона! Нужно помнить не только о сохранении, но и о преумножении культурного наследия. Например, в 1980-е гг., накануне перестройки, мы наблюдали всплеск демократии, а вместе с тем и рождение множества свежих, интересных идей, большая часть которых, тем не менее, не была осуществлена. В 1990-е гг., несмотря на тяжёлую финансовую и политическую обстановку, царившую в стране, в Омске в рамках программы музеефикации началось строительство библиотеки им. Пушкина. Вот

и сейчас нам нужны новые идеи, нам нужно увеличивать культурное наследие!

Завершая своё выступление, докладчик отметил, что «с историей нашего города связаны имена многих ярких личностей, таких, как, например, М. В. Певцов, А. А. Алябьев, А. Н. Туполев, однако у нас очень мало мемориальных музеев. Их создание увеличило бы культурную роль Омска. Также важной задачей для нас является установка памятников многим выдающимся людям, работавшим в нашем городе. Например, путешественнику Михаилу Васильевичу Певцову, который из четырёх своих азиатских экспедиций три организовывал в Омске.

Следующим выступил Альберт Минниханович Каримов – председатель Омского отделения ВООПИК, профессор, академик РААСН с докладом *«Формирование принципов Омской архитектурной школы, основанное на сохранении и развитии исторического наследия».*

А. М. Каримов начал свой доклад с цитаты:

«Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка или своевольной дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительной пестротой украшений. Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры? Неужели величие и гениальность больше не посетят нас...»

Эти строки написаны Николаем Васильевичем Гоголем в 1831 г.

Далее докладчик сказал: «Если духовная культура – каркас личности, то городская архитектура – каркас общечеловеческой культуры. Архитектура – бесценный исторический источник, ведь благодаря ей мы узнаём о многом уже давно прошедшем.

Всем известная «Саламандра», здание ТЭЦ-1 украшают наш город, а вот, например, здание, выстроенное недавно Шушубаевым, магазин «METRO» не говорят о высокой культуре... А если взять в пример нашу столицу? Подумайте сами, как будет выглядеть Москва, когда определяющим в её облике станет этот ужасный «Москва-сити»!

Снижение уровня архитектуры говорит о снижении уровня общечеловеческой культуры. Своеобразие города определяется тем, насколько органично он вписывается в природную среду. В городе должна быть возможность смотреть восходы и закаты солнца. Именно поэтому идея строительства насыпной дороги возле Речного вокзала мне кажется довольно нелепой.

Архитектура формирует историко-культурное наследие города. Я считаю, что у современной архитектуры нет лица, мы видим вокруг очень много безвкусных зданий, лишённых культурной идеи. Однако

могу привести несколько положительных примеров из современной застройки: центральное здание Сбербанка на перекрёстке улиц Жукова и 10 лет Октября, а также жилые дома по улице Масленникова».

В содержательном, однако несколько превышающем регламент, докладе А. М. Каримова прозвучали предложения, направленные на формирование общих принципов застройки Омска:

Историко-градостроительная доминанта должна быть основой любой градостроительной программы, в которой и здания, и топонимика ориентированы на память людей.

Омской архитектурной школе необходимо возродить такие понятия, как масштабность и масштаб. (Сравните, например, продуваемые всеми ветрами девятиэтажные микрорайоны Левобережья и уютные кварталы городка нефтяников).

Нецелесообразно строить жилые дома выше пяти этажей. Застройка воспринимается панорамно; городу необходим не лес высоток, а гармоничные ансамбли. На правом берегу не стоит размещать высотки, акцент должен быть не на небоскрёбах, а на храмах.

Необходимо сделать вызов глобализации духа и архитектуры. Современным архитекторам стоит игнорировать моду и делать акцент на исторических традициях.

Нужно оформить правила землепользования и застройки с выделением особых охранных зон.

Необходимо заняться подготовкой специалистов-архитекторов, для которых Омск – это родной город, которые будут работать именно здесь. Омску необходимо развитие и совершенствование архитектурной критики.

Следует также провести конференцию, на которой обсудить проблемы состояния территории Второй Омской крепости, конкурс среди молодых архитекторов на лучший проект застройки улицы Бударина, а также не застраивать территорию Крестовоздвиженского собора.

Третий докладчик – Сергей Александрович Алфёров – председатель Совета Историко-краеведческого центра «Тарский уезд», депутат Тарского городского Совета рассказал собравшимся о *«Проблемах сохранения памятников исторического города, отдалённого от регионального центра»*.

«Существует угроза того, что Тара потеряет часть культурного наследия. Причины этого следующие:

– износ старинных зданий (Телеграф, Женская гимназия, дом Чернакова);

- активизация частной застройки;
- появление новых отделочных материалов, нарушающих облик зданий (пластиковые окна, установленные в Спасском соборе, Уездном училище, Кулешском доме; сайдинг, которым неумело отделяют частные дома).

Возникают сложности в выявлении памятников истории и архитектуры: некоторые ценные здания, не зафиксированные в реестре памятников, подвергаются переделке и хищническому использованию собственников. Возникает вопрос: кто обязан следить за сохранением памятников непосредственно в Таре? Например, районному отделу культуры новый закон о защите памятников вообще помогает самоустраниться. На наш взгляд, в Таре наблюдается неверное распределение средств властями. Прошу прощения за то, что мой доклад оказался столь пессимистичным, однако мне важно было изложить свой взгляд на существующие в Таре проблемы культуры».

Докладчиком были внесены следующие предложения:

Тара требует дальнейшего изучения, выявления новых памятников. Городу необходимо введение охранных зон, проведение археологической экспертизы в Таре. Требуется разработка специальной охранно-правовой базы. В целом, Таре требуется программа по сохранению историко-культурного наследия, которую будет претворять в жизнь грамотный руководитель.

Далее выступил с.н.с. Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук Сергей Филиппович Татауров с докладом *«Перспективы развития и исследования историко-культурного центра г. Тары»*.

Татауров, в частности, сказал: «Тара уникальна хотя бы тем, что ни один археолог до 2007 г. не проводил на его территории изысканий, и мы можем лишь приблизительно говорить о многих фактах, имевших место в истории города. Не менее пяти раз Тара почти полностью сгорала и заново восстанавливалась практически с нуля. Проводя раскопки, мы так и не дошли до конца культурного слоя, достигающего более трёх метров».

В подтверждение своих слов С. Ф. Татауров продемонстрировал зрителям фотографии: Успенской церкви и Никольского собора, разобранного в 20-х числах марта 1938 г., но обладающего уцелевшими фундаментом и подводами, а также процесса раскопок.

Докладчиком были также внесены предложения о необходимости фиксировать местоположения фундаментов всех снесённых соборов, не допускать застройки культурно и археологически ценных зон; провести археологическую экспертизу для дальнейшего фиксирования

памятников и создания охранных зон. Только ни в коем случае не стоит обозначать их крестами, иначе город превратится в кладбище.

«Так как в Таре в 1930-х г. прекратили своё существование партии политзаклочённых, этапировавшихся на север Омской области, в городе есть много мест массовых расстрелов. В связи с этим выделяется необходимость проведения археологических раскопок в этих зонах».

В заключение доклада докладчик сказал, что «одной из наших археологических находок стал серебряный крестик. Мы считаем это добрым знаком, значит, нашим начинаниям суждено завершиться успешно».

Заключительный доклад заместителя председателя Омского регионального отделения Русского географического общества Фёдора Ивановича Новикова был посвящён вопросу *«О создании национального парка на территории Омской области»*.

Он отметил, что членами Русского географического общества совместно с учащимися гимназии № 140 ведётся деятельность по сохранению памяти путешественника Михаила Васильевича Певцова.

«Изучив особо охраняемые территории, мы пришли к выводу, что в Омске нет ни одного заповедника и национального парка. Лишь Птичья гавань и Дендропарк имеют закреплённые юридические статусы – статусы памятников природы. Возможно ли создание на территории Омской области национального парка? Да, но сделать это будет весьма сложно. В качестве предположительного района расположения парка мы рассматривали Муромцево.

Свои идеи мы изложили в письме губернатору; ответом нам было: интересно, но пока трудноисполнимо, требует больших вложений. Национальный парк объединит 30 охраняемых территорий, финансироваться будет из бюджета Российской Федерации».

Общество предлагает выделить такой объект, который своими критериями соответствовал бы национальному парку, и поддержать идею создания национального парка на территории Омской области.

Далее работа была продолжена краткими выступлениями участников круглого стола, в которых нашёл отражение весь спектр мнений, сложившихся в среде научной и культурной общественности Омска.

Так, в частности председатель «Общества коренных омичей» В. И. Селюк отметил, что «Омичом можно стать по прописке или по рождению, а гражданином Омска – только по воспитанию. Лучшие здания Тары и Омска разрушаются, а хибары остаются, например, в том районе, где я живу (пересечение улиц Масленникова, 6-й Линии и 10-летия Октября), я не знаю ни одного хорошего дома».

Директор Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, председатель Омского союза профессиональных

археологов, профессор Б. А. Конилов отметил, что «Мы не сможем вести работу, не основываясь на надёжной законодательно-правовой базе. Нам необходимо развитие законодательно-правовых актов; нужно сосредоточить своё внимание именно на этой стороне защиты культурного наследия. Нужно создать полный свод памятников истории и культуры. В своих действиях нам очень важно опираться как на мнение общественности, так и на мнение специалистов. Давайте не мечтать, а строить реальные планы действий!»

Представитель Военно-патриотического клуба «Белая гвардия» О. П. Томилов предложил задуматься над вопросом создания в Омске музея гражданской войны. По его мнению на территории Омской крепости можно было бы разместить муляжи военной техники, характерной для той эпохи, а также смоделировать штабы Красной и Белой армий, на что ведущий круглого стола профессор Н. А. Томилов возразил, что, по его мнению, городу нужен музей гражданской войны, однако территорию Второй Омской крепости не следует занимать только памятными объектами, посвящёнными гражданской войне, ведь не только эти события происходили здесь.

Заместитель председателя Омского отделения ВООПИК И. Л. Козвалов ознакомил собравшихся с предложениями первоочередных мер по охране памятников, внесёнными ВООПИК:

а) необходимо принять меры по сохранению территории Второй Омской крепости: обеспечить охрану и консервацию существующих памятников, уточнить их статус; объявить Омскую крепость охраняемой территорией в целом; б) нужно начать работать в направлении реставрации Тобольских ворот, казарм; восстановления оборонительных сооружений крепости; в) ВООПИК предлагает принять предложение общественности по разработке экскурсионных маршрутов на территории Омской крепости; г) в своих исследованиях нам важно уделять внимание не только истории гражданской войны в Омске, но и другим событиям, ведь, начиная с 1812 г., в Омске отложилось множество исторических пластов; д) нужно увековечить память таких выдающихся деятелей, как Ф. М. Достоевский, К. Ф. Клодт, И. Черепанов, П. М. Капшевич, Г. Х. Гасфорд, М. В. Певцов, Н. М. Ядринцев.

Писатель-краевед В. П. Утев напомнил собравшимся о предложении, прозвучавшем в 2006 г. на Всероссийском научном конгрессе: увековечить память героя Отечественной войны 1812 г. М. Л. Булатова (1760–1825), похороненного в Омске на Бутырском кладбище (нынешняя территория завода Козицкого).

Присутствующие были проинформированы ведущими, что установка мемориальной доски Булатову запланирована на 2011 г.

Директор ОФ РФК А. П. Сорокин ознакомил участников с основными положениями проекта резолюции, в частности по вопросу сохранения деревянного зодчества: следует ли предоставлять некоторые льготы жителям ценных с исторической и культурной точки зрения домов; с проблемой судьбы военного госпиталя: территория которого может в чём-то повторить судьбу Омской крепости; из исторической территории необходимо сформировать охранную зону; нужно произвести пообъектную расшифровку всех находящихся на территории госпиталя зданий и закрепить их юридический статус; на территории госпиталя необходимо провести археологическую экспертизу; возможно, госпиталь следует сохранить как медицинское учреждение, как, например реабилитационное отделение психиатрической больницы...

Член Общественной палаты Омской области д. ф. н. Н. К. Козлова проинформировала участников о том, что сформированная Общественная палата Омской области заинтересована в сотрудничестве по вопросам, возникающим вокруг проблемы сохранения памятников.

Далее развернулась продолжительная дискуссия между представителями профессионального археологического сообщества по проблеме сохранения культурного слоя и памятников археологии.

К. и. н. Б. В. Мельников с тревогой отметил, что в Омске за длительное время строительства многочисленных объектов не было выявлено ни одного памятника, хотя, например, Палашенков, пожилой человек, в одиночку выявил 56 памятников! «В городе Омске 12 памятников археологии, а паспорта есть только на 5. Где границы Второй Омской крепости? Кто будет проводить археологическую экспертизу на её территории?! Почему общая площадь раскопок на территории Омска не превышает 150 квадратных метров?! Необходимо остановить выдачу разрешений на строительство и провести ревизию уже выданных разрешений!»

Директор «ГЭПИ-Центр-2» В. В. Дрягин предложил Министерству культуры создать открытую горячую археологическую линию, чтобы принимать звонки от граждан, имеющих какие-то вопросы или предложения или заметивших те или иные нарушения, например, в эксплуатации памятников; и оперативно действовать в связи с поступившими звонками – тем самым мы сможем возложить на граждан некоторые обязанности по патрулированию памятников.

По его мнению, охрана памятников должна вестись не только над, но и под поверхностью земли. «Снос культурного слоя в Птичьей гавани – это вообще из области анекдота. Существует множество мер по сохранению памятников, которые можно принять, не прибегая к специальным затратам».

Директор Омского музея просвещения И. Е. Скандаков резюмировал, что в ближайшее время появится учреждение, которое будет проводить реставрационные работы на территории Омской крепости. Оплата реставрационных работ может быть за счёт собственников Омской крепости. Планируется проведение археологических раскопок, в частности, будут изучены фундаменты Иртышских и Омских ворот, Воскресенского собора. Работа распланирована на год вперёд. Сначала проведение археологических раскопок, а затем – строительство и реставрация.

Директор НК «Батаково» Л. И. Погодин возразил Б. В. Мельникову: «Лишь немногие памятники, обнаруженные Палашенковым, действительно являются памятниками. Цитируя одну из песен В. Бутусова: "Мы должны спасти то, что ещё можем спасти". Городская археология – это изучение не древности, а значительно более новых периодов истории».

Доцент ОмГПУ Е. М. Данченко обратил внимание на «страшную болезнь» – «чёрную» археологию. «А наша задача – исследовать и защищать не точки, а целый культурный слой. Чёрный археолог выковыривает изюм из булки, а мы добываем не вещи, а информацию. У нас не работает существующий закон об обязательности проведения археологической экспертизы».

В завершении работы круглого стола Резолюция была принята в целом; доработка поручена оргкомитету.

Таким образом, в ходе обсуждения проблем сохранения, использования и популяризации памятников истории и культуры Омского региона как приоритетного направления реализации государственной культурной политики особо остро был поставлен вопрос о так называемой «городской археологии» – проблеме обеспечения сохранности археологических памятников при возведении объектов нового строительства. Было выявлено два подхода к ее решению. Сторонники первого считают, что необходимо охранять культурный слой на территории всего города в его нынешних границах, и предлагают разработать специальный законопроект о защите культурного слоя. Второй подход предполагает проведение тщательной инвентаризации городских территорий на предмет наличия памятников археологии, после которой можно будет ставить вопрос об охране определенных мест.

Приоритетными темами круглого стола также стали вопросы сохранения частной жилой застройки конца XIX – начала XX веков в историческом центре Омска (историко-культурный заповедник «Казачья слобода») и городе Таре, а также необходимости формирования охранной зоны на территории военного госпиталя по улице Гусарова в процессе его реконструкции.

Кроме того, был озвучен ряд конкретных предложений по развитию исторических территорий – Второй Омской крепости и военного госпиталя. В преддверии 300-летия города предложено восстановить Воскресенский крепостной собор, Иртышские ворота Омской крепости, часть крепостного вала. За территорией госпиталя предложено закрепить статус учреждения здравоохранения. В настоящее время здесь сформировался историко-архитектурный и природный ансамбль, сохранение которого для будущих поколений омичей в преддверии 300-летия Омска является приоритетной задачей региональной культурной политики.

*Дополнение.
Резолюции круглых столов 2007–2009 гг.*

*Резолюция Круглого стола «Проблемы сохранения
памятников истории и культуры Прииртышья»*

(г. Омск, 24 марта 2009 г.)

Участники круглого стола, обсудив основные проблемы сохранения и использования памятников истории и архитектуры Омского региона в современных условиях, предлагают обратить внимание органов власти и местного самоуправления, представителей средств массовой информации, общественности омского региона на необходимость скорейшего решения важнейших узловых проблем сохранения культурного наследия, а именно:

1. Город Тара является старейшим городом на территории Омского Прииртышья. Несмотря на это, на сегодняшний день в значительной мере историко-культурный потенциал Тары остается невостребованным. Незученными остаются большое количество памятников архитектуры и истории, практически никак не разработан важнейший источник информации по истории города – археологический культурный слой. Удаленность Тары от областного центра зачастую негативно сказывается на возможности оперативного решения вопросов государственной охраны памятников.

В связи с этим необходимо разработать и принять областную программу изучения и сохранения уникальной историко-культурной среды исторического центра старейшего города Омской области – Тары, включающую выявление, постановку на учёт, консервацию и реставрацию историко-архитектурных и археологических памятников уездной Тары XVIII–XX веков, в том числе археологических комплексов фундаментов снесённых тарских храмов, неповторимых памятни-

ков деревянной архитектуры. Основными участниками реализации данной программы должны стать специалисты Тары и Омска – археологи, историки, архитекторы. Этот же круг специалистов должен принять участие в создании нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту и соответствующее использование Тарского наследия, в том числе в разработке зон охраны объектов культурного наследия.

Для успешной реализации этих предложений необходимо ходатайствовать перед Министерством культуры Омской области о создании в Таре государственного органа, уполномоченного в сфере охраны культурного наследия.

2. История многопланова, каждый из памятников раскрывает одну из её граней. Деревянное зодчество в прошлом определяло лицо города Омска, именно оно отражает всю глубину и многообразие народной жизни, сохраняет живую историческую традицию. Снос памятников частной жилой застройки конца XIX – начала XX веков в историческом центре Омска подрывает репутацию Омска как культурного центра Сибири. Каждый памятник уникален и по-своему интересен, утрата любого из них – это вырванная из истории города страница.

Поэтому в рамках подготовки к 300-летию города Омска необходимо обеспечить комплексную реновацию исторической среды Казачьей слободы и других сохранившихся участков деревянной застройки конца XIX – начала XX веков. При этом необходимо приоритетное решение проблемы расселения памятников деревянного зодчества, относящихся к ветхому жилому фонду, с последующей их реставрацией, в т. ч. с привлечением частных инвесторов.

3. Необходимо срочно принять практические меры по спасению разрушающихся памятников и возрождению одного из самых значимых достояний культуры и архитектуры Омска – историко-культурного и общественного комплекса «Омская крепость». Для этого в первую очередь следует:

- Обеспечить охрану и консервацию существующих на территории «Омской крепости» исторических памятников.
- В соответствии с существующим законодательством установить статус «Омской крепости» как «зоны особо охраняемой территории».
- Обеспечить комплекс исторических, археологических, культурологических исследований и разработок на научной основе.
- Рассмотреть возможность исключения прохождения транзитной автомагистрали вдоль границы «Омской крепости» и набережной Тухачевского.

Мы считаем, что законодательная и исполнительная власть нашего региона должна наиболее полно использовать потенциал науч-

ных и общественных организаций для скорейшего решения практических вопросов по регенерации территории «Омской крепости», в обязательном порядке привлекать представителей общественности для экспертной оценки конкретных решений по этому вопросу.

4. Вблизи Омской крепости в XVIII–XIX веках возник целый ряд ансамблей военного ведомства. Наиболее ярким из них является ансамбль Омского военного госпиталя. Он основан ещё в 1792 г., а на нынешней территории находится с начала XIX века. Госпиталь неразрывно связан не только с историей города, но и с многими именами великих людей, среди которых наиболее ярким примером является Ф. М. Достоевский. Военный госпиталь более 200 лет являлся местом реабилитации военнослужащих Омской крепости. Он был первым учреждением здравоохранения в Омске. На его территории в разные годы побывали Ф. М. Достоевский, Г. Н. Потанин и другие выдающиеся деятели культуры. Среди работников госпиталя – родоначальники омского здравоохранения доктора И. А. Чуловский, П. А. Соломин и другие.

От времени Достоевского в омском госпитале сохранился целый ряд объектов. В первую очередь, это арестантские палаты. Современный вид они приобрели в 1860-е гг., но в основе дома сохранился сруб 1-й половины XIX века, в котором и проходил лечение арестант Достоевский. На сегодняшний день это одна из старейших деревянных построек Омска.

Раньше всех на территории госпиталя было построено здание аптеки (1825), которое сохраняет своё назначение и поныне. Это был один из первых в городе образец классицизма с богатым декором. Со временем здание понесло немало утрат, однако сохранился проект, по которому можно восстановить первоначальный облик здания. «Следующим по возрасту» является амунитчик военного госпиталя (1847). Первоначально построенный как каретный сарай Омской почтовой станции, он вскоре был передан госпиталю и служит ему более 150 лет. Это яркий образец деревянного классицизма с колоннадой тосканского ордера из цельных лиственничных брёвен. Немного не застал Достоевского Дом главного лекаря, построенный в 1870-х гг. Этот единственный в Омске образец деревянного классицизма с мезонином стал логичным продолжением уже сложившегося ансамбля госпиталя.

Помимо этих наиболее интересных построек, на территории госпиталя находятся ещё около двух десятков исторических объектов, которые создают неповторимую атмосферу середины XIX века. Ансамбль госпиталя в целом нужно рассматривать как историко-архитектурный заповедник. Вторжение любых чужеродных объектов может разрушить неповторимую среду. Заслуга военного ведомства в том, что оно смогло

сохранить уникальный памятник архитектуры пусть и не в лучшем, но в неискаженном виде. Закрытие госпиталя и уход военных может привести к повторению судьбы Омской крепости.

На современной территории, помимо ценнейших памятников военно-гражданской и культовой архитектуры: аптеки (1825), амунитника (1847); хирургического корпуса (1916); фельдшерского корпуса – дома главного лекаря (1876); Скорбященской церкви (1904), находится также неизвестный памятник истории, требующий применения археологических методик для изучения – гражданское городское кладбище, функционировавшее в первой четверти XIX века.

В настоящее время здесь сформировался историко-архитектурный и природный ансамбль, в целях сохранения которого для будущих поколений омичей в преддверии 300-летия Омска необходимо:

- Сформировать мемориальную «зону особо охраняемой территории» Омского военного госпиталя по ул. Гусарова, в границах: ул. Тюменская (берег Оми), Больничный переулок, ул. Гусарова, ул. Фрунзе;

- Произвести пообъектную расшивку с комплексным историко-архитектурным и археологическим обследованием территории, выявление и постановку на учёт всех исторических построек ансамбля, уточнение и закрепление их юридического статуса;

- Обратиться к представителям Министерства обороны и СибВО, Министерству здравоохранения Омской области для определения возможного будущего назначения территории и сохранения ансамбля в качестве рекреационной мемориальной зоны, учреждений здравоохранения и реабилитации.

5. В Омской области на государственном учете стоит более 1300 памятников археологии – курганов, древних поселений и стоянок, отражающих историю Прииртышья в широком временном диапазоне – от палеолита (X тыс. до н. э.) до XVIII века. Несмотря на большую работу по выявлению памятников истории и культуры, проводившуюся учеными ОмГУ, ОмГПУ и ряда омских музеев, процессы разрушения археологических памятников (как естественные, так и антропогенные) продолжают и в скором времени могут стать необратимыми.

В связи с предстоящим 300-летним юбилеем города необходимо срочно проводить исследования сохранившихся и обследование и выявление ранее неизвестных памятников археологии, в первую очередь, тех из них, которые относятся к XVIII–XIX векам и началу XX века. Особое внимание обратить на территорию, на которой находились 1-я и 2-я Омские крепости. В городе Омске на учете находится 12 объектов археологии, среди которых один памятник XVIII века. Большая часть из них опубликована еще в 1960 г. известным омским краеведом

и археологом А. Ф. Палашенковым, тогда его список насчитывал 54 объекта. С ростом города в 1970–1980-х гг. ситуация кардинально изменилась, и сегодня 23 археологических памятника, практически половина, находятся в зоне промышленной и жилой застройки, а также в зоне дачных массивов. Изменившаяся за полвека градостроительная ситуация делает невозможной картографическую привязку археологических памятников, упоминаемых А. Ф. Палашенковым, поэтому в целях исследования сохранившихся и выявления ранее неизвестных объектов археологического наследия в черте города необходимо обратиться с ходатайством в Администрацию города Омска о выделении средств на инвентаризацию памятников археологии.

6. Участники круглого стола настаивают на необходимости регулярного проведения общественного обсуждения проектов застройки исторического центра города Омска и активного участия представителей общественности в работе областного и городского архитектурно-градостроительных советов.

Необходимо обратиться к органам государственной власти с призывом на насущную необходимость выделения средств для скорейшего завершения и издания «Свода памятников истории и культуры Омской области», разработку охранных зон, укрепления государственной структуры по сохранению памятников, активизацию работы с общественными организациями, действующими в сфере охраны культурного наследия.

Резолюция круглого стола по инициативе Омского филиала Российского фонда культуры и Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Сохранение исторической среды города Омска при размещении объектов нового строительства»

(г. Омск, ОГИК Музей. 18 декабря 2007 г.)

Круглый стол представителей общественности на своем заседании обсудил состояние исторической среды города Омска в современных условиях и проблемы его сохранения. Представители общественности отмечают:

1. Принятие нового Генерального плана города Омска в период подготовки к его 300-летию вопреки ожиданиям не улучшает, а усугубляет сохранность памятников истории и культуры на территории Омска. При разработке проекта планировки исторической части города Омска, выполненного ОАО ТПИ «Омскгражданпроект», с плана горо-

да может исчезнуть более 40 объектов культурного наследия, находящихся на государственной охране, а также ряд исторически значимых зданий. Причиной является сложившаяся градостроительная практика, которая систематически игнорирует как сам факт наличия памятников истории и культуры, так и требования законодательства Российской Федерации по их сохранению.

Предложить Администрации г. Омска и городскому архитектурно-градостроительному совету приостановить рассмотрение проектов точечного коммерческого строительства в историческом центре города до разработки правил землепользования и застройки, определения режимов охранных зон памятников культуры.

2. Поддерживая решение Градостроительного совета Омской области, считать недопустимым размещение высотных объектов на участках в районе Крестовоздвиженского собора как противоречащее ранее принятым планировочным решениям. Новые планы обесценивают значимость Крестовоздвиженского собора как памятника архитектуры, градостроительной и духовной доминанты, уничтожают историческую среду.

3. Предложить администрации г. Омска, главному архитектору города при проектировании сохранить культурное назначение территории губернаторского сада как сложившегося квартала учреждений культуры. Считать приоритетной реновацию здания-памятника «Общественное собрание» по ул. Ленина, 25, с использованием его для целей духовного просвещения и нравственного воспитания. Рекомендовать городскому департаменту архитектуры проектирование застройки на данной территории рассматривать с участием общественности, с проведением консультаций с учетом предстоящей реконструкции Концертного зала и доминантой значимости Никольского собора. Образовать координационный совет из общественности города и представителей уже действующих здесь учреждений культуры и объектов храмового зодчества. Усилить внимание к истории и традициям города Омска. Отметить недопустимость размещения немасштабных объектов.

4. Основываясь на законодательстве Российской Федерации, в связи с утратой памятника деревянного зодчества по ул. Звездова, 16, потребовать от застройщика корпорации «Агро-траст»:

– приостановить строительные работы и внести изменения в проект второй очереди административно-офисного здания в границах ул. Жукова – ул. Звездова – ул. Слободская. Запретить дальнейшее строительство третьей очереди здания в связи с угрозой разрушения архитектурных памятников:

– восстановить разрушенный памятник архитектуры по ул. Звездова, 16 в первоначальном виде на прежнем месте.

5. Департаменту архитектуры и градостроительства обеспечить сохранность целостного архитектурного ансамбля деревянной застройки конца XIX – начала XX веков (дома по адресу: ул. Звездова, 9, 11, 14, 18 и ул. Слободская, 23), являющегося культурным достоянием Омска и находящегося под охраной государства.

6. Обратиться к органам государственной власти с призывом обратить внимание на насущную необходимость скорейшего завершения работы и издания «Свода памятников истории и культуры Омской области», разработки охранных зон, укрепления государственной структуры по сохранению памятников и выделению необходимых средств. Предложить Министерству культуры Омской области активизировать работу с общественными организациями, действующими в сфере охраны памятников истории и культуры.

7. Участники круглого стола выступают с инициативой регулярного проведения общественного обсуждения проектов застройки исторического центра города Омска и активного участия представителей общественности в работе областного и городского архитектурно-градостроительных советов.

8. Отметить активное участие СМИ в освещении проблем сохранности памятников культуры как свидетельство роста общественного сознания и интереса омичей к истории своего города. Продолжение этой работы принципиально важно.

*Принято 18 декабря 2007 г. Присутствовало около 70 человек.
По поручению участников круглого стола члены рабочей группы: Со-
рокин А. П., Коновалов И. Л., Отец Михаил Вивчар, Генова Н. М., Ха-
хаева Ж. М., Петров А. А.*

**УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО
СТОЛА. В ПЕРВОМ РЯДУ
СЛЕВА НАПРАВО:
И. А. КОНОВАЛОВ,
А. В. БОРИСОВ,
Б. А. КОНИКОВ,
Е. М. ДАНЧЕНКО,
В. В. ДРЯГИН;
ВО ВТОРОМ РЯДУ СЛЕВА
НАПРАВО:
В. И. СЕЛЮК,
В. Н. ПАНАСЕНКОВ,
М. А. КОРЧЕНКО,
С. А. АЛФЕРОВ,
А. С. АФАНАСЬЕВ**

**ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕРГЕЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧА АЛФЕРОВА
О ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ
АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
г. ТАРЫ.**

**СЛЕВА НАПРАВО:
А. В. РЕМИЗОВ,
Н. А. ТОМИЛОВ,
С. А. АЛФЕРОВ**

**В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ
КРУГЛОГО СТОЛА**

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА СОХРАНЕНИЕ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ОМСКЕ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Вопрос сохранения и возрождения недвижимых памятников городской среды остаётся на острие общественного интереса в течение всей второй половины минувшего, XX столетия. Особую остроту эта проблема приобрела с начала 1990-х гг. Её финальное обострение мы наблюдаем сегодня: через несколько лет от старого, исторического Омска, увы, останутся лишь одни воспоминания. Поэтому не случаен интерес общественности в лице институтов возрождающегося в России гражданского общества к этому вопросу.

В советское время монопольное право на выражение общественного мнения по проблемам сохранения и реставрации памятников, реконструкции и сносу по уставу принадлежало Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры и его отделениям на местах. Вопрос охраны памятников нашёл закрепление и в Конституции СССР 1977 г. Нельзя сказать, что формальная деятельность общества, куда мы все платили 20-копеечные членские взносы, была безуспешной.

В 1964 г. группа энтузиастов организовала молодежный клуб любителей истории и древнерусского искусства «Родина», который направил свои усилия на возрождение традиций – в живописи, истории, архитектуре, фольклоре, литературе – причем на возрождение непосредственное, деятельное. Обосновался клуб на Крутицком подворье – архитектурном ансамбле XVII века, реставрацию которого поставил себе одной из основных задач. Именно с момента появления «Родины» и берет отсчет практика привлечения широкой общественности к работе по сохранению и восстановлению историко-архитектурного наследия нашей страны.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) – мощная массовая организация, существующая с 1965 г. В конце 1980-х гг. она насчитывала 17,5 млн человек. Ее отделения были во всех областях, краях и республиках РСФСР, а также в Москве и Ленинграде. Задачами Общества являются выявление, изучение, охрана, реставрация, использование и пропаганда памятников истории и культуры, которой занимаются отдел пропаганды при Центральном совете ВООПИК, Центральный дом пропаганды ВООПИК, редакция альманаха «Памятники отечества», местные отделения Об-

щества. Пропаганда памятников осуществляется также и через изготовление производственными предприятиями ВООПИК сувенирной продукции.

Отдел пропаганды при ЦК ВООПИК организует и координирует действия общественных и государственных организаций по пропаганде памятников всех видов. Основными направлениями работы отдела являются: подготовка к выпуску литературы, а также информационных, рекламных материалов, обзоров о деятельности ВООПИК; контроль за выпуском печатной продукции местных отделений Общества (буклетов, плакатов, листовок); контакт с органами массовой информации и пропаганды с целью увеличения публикаций по проблемам культурного наследия; подбор материалов для кинофильмов и выставок о памятниках; организация творческих конкурсов (прессы, кино, фото); проведение ежегодных концертов фольклора в программах Всесоюзного фестиваля «Русская зима»; координация деятельности общественных инспекторов, занимающихся охраной памятников.

Центральный дом пропаганды ВООПИК проводит пропагандистскую работу в г. Москве, а также оказывает методическую помощь местным отделениям. Среди публичных мероприятий: лекции (4–5 циклов в год), встречи с видными учеными, деятелями литературы и искусства, специалистами по охране памятников; отчеты местных отделений ВООПИК; заседания, посвященные знаменательным датам в истории отечественной культуры; литературные, музыкальные вечера, вечера кино; концерты самодеятельных (фольклорных и профессиональных) коллективов, занимающихся изучением и популяризацией народной и старинной классической музыки; дискуссии по различным актуальным проблемам сохранения памятников; выставки профессиональных и самодеятельных художников, фотографов: циклы вечеров «Музей открывает фонды», предполагающие организацию выставок предметов из запасников музеев; устные выпуски альманаха «Памятники отечества». Для молодежи существовали два клуба, созданные совместно с ГИМом: «Юный археолог» и «Клуб любителей истории отечества» (КЛИО).

Местные отделения ВООПИК проводят мероприятия, которые рекомендует Центральный совет. Наиболее распространены лекции и беседы, смотры памятников, выставки, экскурсии, деятельность народных университетов, массовые мероприятия у памятников. В большинстве местных отделений были созданы бюро по связям со средствами массовой информации. Пропагандистская работа отделений имеет специфику, обусловленную местными возможностями, условиями и профессиональными склонностями лидеров¹. Существовали

разные формы воспитания молодежи с использованием памятников. Это – туристические краеведческие экспедиции «Моя Родина – СССР», походы по местам боевой и трудовой славы, месячники по благоустройству и охране недвижимого наследия, проведение у памятников торжественных ритуалов, участие в составлении паспортов на памятники, проведение археологических исследований. При многих местных отделениях ВООПИК создавались научно-методические комиссии по пропаганде наследия, утверждены комплексные планы лекционной работы, функционирует сеть факультетов по изучению памятников в народных университетах культуры².

ВООПИК явился инициатором и организатором множества начинаний по охране памятников. Помимо перечисленных, к ним относятся: закрепление за памятниками общественной инспектуры, шефство, распространение массового общественного движения в помощь реставраторам.

В начале 1990-х гг., в связи с подъемом активности граждан, появился ряд новых форм самоорганизации населения, направленных на сохранение памятников истории и культуры, которые не нашли поддержки ВООПИКа. Это относится к самодеятельным клубам, кружкам и группам, объединяющимся при реставрационных работах (например, клуб «Преображенец» в Москве), которые, особенно на первых порах, нуждаются в помощи опытных работников. ВООПИК должно не только максимально помогать их становлению и развитию, но и направлять их работу, координировать их деятельность с государственными организациями.

Для организации целенаправленной деятельности по привлечению к охране памятников самых широких слоев населения необходимо знать основные мотивы, привлекающие людей к этой работе (помимо главного желания – спасти находящееся под угрозой исчезновения культурное наследие страны). Мотивы эти могут быть как общего порядка, так и характерными для немногих. Основными же (как показали беседы с активистами движения) являлись в 1990-е гг. следующие:

1) любопытство (проявляется обычно при первом выходе на трудовую встречу у всех помощников реставраторов);

2) желание обрести новых друзей, расширить круг знакомств в новой для себя сфере деятельности, отыскать людей со сходными интересами и духовными запросами;

3) стремление к неформальному общению и насыщенному досугу;

4) потребность в самовыражении, стремление социально утвердиться в новой группе, ощутить свою нужность (что особенно важно для тех, кто не имеет такой возможности на основной работе);

5) для молодежи – поиск будущего спутника жизни среди людей определенного круга (большинство молодых людей, принимающих активное участие в движении, не создало еще собственных семей);

6) возможность для людей умственного труда отвлечься, снять психологическое напряжение, переключиться на другую деятельность;

7) желание провести отпуск в интересном месте, заняться общественно полезным трудом в сочетании с отдыхом и общением;

8) намерения расширить свои знания истории и культуры, приобрести новые трудовые навыки (в частности, желание научиться работать руками немаловажно для городской интеллигенции);

9) стремление соприкоснуться с настоящим и вечным, истинной красотой. Сохраняя для будущего памятники – творческое послание предков, человек (неосознанно или сознательно) реализует желание оставить в бессмертном наследии частицу своего «я».³

Важной составной частью деятельности Центрального совета по туризму и экскурсиям профсоюзов являлась также организация самостоятельных туристских походов через систему, охватывающую более чем 3 тыс. туристических клубов и свыше 60 тыс. туристических секций.

Особые проблемы туризма связаны с формой показа памятника и подачи информации о нем. Не секрет, что у нас они достаточно однообразны, лишены индивидуальности в подходе к разным объектам, имеют характер лекций. В результате экскурсий по историко-культурным объектам рядовой турист усваивает не более 10 % видовой, текстовой информации, путает увиденные объекты друг с другом. В программу туристско-экскурсионных маршрутов включают преимущественно наиболее известные историко-культурные объекты, интересные также и в социально-воспитательном отношении. Многообразие же местных памятников данного региона (особенно это касается памятников в мелких населенных пунктах) уделяется недостаточное внимание. В обзорных экскурсиях отсутствует характеристика исторической среды населенных мест, показ ее специфических эстетических особенностей.

В конце 1980-х гг. на официальной охране государства (без учета памятников археологии) находилось 26 тыс. памятников, требующих периодического внимания реставраторов. Реально таких объектов существует гораздо больше. Реставрационные организации не справляются с требуемым объемом работ. Росту мощности реставрационных организаций препятствуют ограниченные материально-технические, финансовые, кадровые ресурсы. Однако при постоянном росте выявленных памятников увеличивается количество объектов, требующих реставрации, растет разрыв между потребностью в реставрационной деятельности и ее возможностями. Если реставрационная практика не изменится, значительная часть памятников окажется под угрозой гибели⁴.

Деятельность по пропаганде памятников ведется в основном общественными организациями. Эта работа страдает поверхностностью информации, однообразием форм подачи памятников.

Для сохранения культурного наследия необходимо максимальное включение его в жизнь современного общества. Лишь при этом условии задачи охраны памятников могут быть успешно решены. *Дело охраны памятников следует нацеливать не только на попытки сохранить все выявленное наследие, но и на подготовку его функционирования в современной жизни*⁵.

В городе Омске в начале 1990-х гг. Омское отделение ВООПИК во главе с его бессменным секретарём В. Г. Титовым финансировало в 1991 г. восстановление снесённых Тарских ворот. Большая заслуга принадлежит обществу и в пропаганде ценности историко-культурного наследия среди населения и власти. Его разветвлённая инфраструктура, включавшая штатных оплачиваемых работников, дотягивалась даже до уровня райисполкомов.

Тем не менее, уже с конца 1980-х гг. в связи с ростом общественной активности стали возникать и неформальные организации. Большая роль в становлении общественного памятникоохранительного движения в Омске принадлежит созданному в 1988 г. при активном участии И. Л. Коновалова и Е. Г. Крекниной «Клубу любителей старины», на счету которого инициатива восстановления Тарских ворот и борьба за спасение Общественного собрания. Не оставались в стороне и профессионалы – работники музеев, историки и археологи. Большая работа по паспортизации памятников истории и культуры в Омске была проделана Историко-краеведческой лабораторией ОГПИ, возглавляемой доцентом П. П. Вибе.

1990-е гг. характеризовались, казалось бы, наметившимся союзом и взаимопониманием общественности, профессионалов (историков, археологов, архитекторов и реставраторов) и власти. Управление культуры Омской области во главе с Н. М. Геновой финансировало и паспортизацию памятников, и охранные раскопки (1990–1994) уникального памятника – Городища «Большой Лог». Чувствовалась поддержка профессиональных архитекторов, особенно со стороны возглавившего ВООПИК М. М. Хахаева. Участие в движении за спасение культурного достояния принимали депутаты всех уровней. Вопросы взаимодействия общественности и власти активно решались в деятельности созданного в 1987 г. Омского отделения Советского фонда культуры во главе с профессором Н. А. Томиловым. Фонд также финансировал ряд памятникоохранительных мероприятий: установку мемориальных досок Н. М. Ядринцеву и Ю. В. Тварковскому и др.

Общественность чувствовала поддержку журналистского сообщества: областных и городских газет, радио и телевидения, от которых большинство омичей и узнавало о своём культурном наследии. Большая работа по возрождению храмовой архитектуры была проделана архиепископом Омским и Тарским Феодосием и нынешним Губернатором Омской области Л. К. Полежаевым. Их заслуга – не только грандиозные стройки последних лет – восстановление Успенского и строительство Христорождественского соборов, но, прежде всего, ставшее первой ласточкой возрождение часовен – Серафимо-Алексеевской (1993–1994) и Иверской (1997).

Тем не менее, этот казался бы уже незыблемый союз гражданского общества и власти в деле сохранения недвижимых памятников к началу нового века дал серьёзную трещину. Если раньше вопрос сохранения и реставрации памятников упирался в отсутствие средств, то сегодня общественное памятникоохранительное движение встречает всё большее непонимание со стороны власти и профессионалов – архитекторов и градостроителей. Непонимание это, переходящее иной раз в озлобление сторон, тем более удручает на фоне подготовки на самом высоком уровне к 300-летию Омска. Важнейшие градостроительные вопросы принимают в узком кругу, общественные обсуждения скорее имитируются, чем существуют в реальности, журналистское сообщество, единственно призванное донести до граждан и власти реальное положение дел, также в большинстве остаётся индифферентным к гибнущему на глазах историческому городу.

Подобная ситуация, которую не в состоянии контролировать ни отдел по охране памятников Министерства культуры Омской области, ни муниципальные власти, которые пока так и не создали специального памятникоохранительного органа, приводит к тому, что вопрос об установке или сносе того или иного памятника (например, В. И. Ленину или А. В. Колчаку) начинает использоваться различными политическими силами в целях саморекламы. Политические партии – тоже составная часть гражданского общества.

Но в последние годы закономерно активизировалось и неополитическое памятникоохранительное движение: возобновил активную деятельность ВООПИК во главе с А. М. Каримовым и И. Л. Коноваловым, подтягиваются старые активисты «Клуба любителей старины», с инициативами выступают Омский отдел Географического общества, филиал Российского фонда культуры, Омский союз профессиональных археологов. Нельзя исключать появления коллективных писем протеста против разрушения исторического лица города и даже возобновления митинговой активности. Всё это в совокупности свидетельствует

о наметившемся серьёзном кризисе гражданских институтов, усилении отчуждения выборной власти и местного самоуправления от общества, является для областных и городских властей своего рода индикатором неблагополучия на фоне наметившейся экономической стабильности. И уроки 1990-х гг. учат нас не пренебрегать мнением людей, сколь немногочисленны они бы ни были на начальном этапе.

Конечно, неблагоприятную роль в процессе отчуждения власти и гражданского общества сыграли объективные обстоятельства: строительный бум, тесно связанный с ценой на землю в исторической части города, а значит, и с большими деньгами. Но власть, как и гражданское общество, не может жить только сиюминутными интересами. И в стратегическом измерении мнения общественности и власти могут и должны быть совмещены, ибо и те, и другие, не забывая о целесообразности, должны думать о будущем нашего города, о сохранении нашего культурного наследия в лице исторического облика города для потомков.

¹ Например, Свердловское отделение интенсивно занималось проектной и реставрационной работой с широким привлечением студентов; во Владимирском отделении упор в работе делается на поиск документальных памятников с помощью школьников и молодежи; в Смоленском существует постоянно действующая экспедиция «Русская деревня», проводящая фиксацию сельского расселения; в Белгородском существует археологический клуб. См.: В. И. Батов, Т. Н. Панкратова, Е. Н. Чернявская. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: 1987. (Сб. науч. тр./НИИ культуры). – С.133–150.

² В 1985 г. было организовано 344 667 лекций, 221 167 экскурсий, более 10 тыс. тематических вечеров, 36 305 выставок. См.: В. И. Батов, Т. Н. Панкратова, Е. Н. Чернявская. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: 1987. (Сб. науч. тр./НИИ культуры). – С.133–150.

³ Г. В. Кокунько, С. С. Сальников. Некоторые аспекты общественного движения охраны памятников // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: 1987. (Сб. науч. тр./НИИ культуры). – С. 150–157.

⁴ Методические указания об использовании памятников истории и культуры как градостроительных факторов при разработке генеральных планов и проектов детальной планировки городов. – М., 1986.

⁵ В. И. Батов, Т. Н. Панкратова, Е. Н. Чернявская. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: 1987. (Сб. науч. тр./НИИ культуры). – С.133–150.

На совете Омского
филиала Российского
фонда культуры.
Слева направо:
И. Л. Коновалов,
И. П. Шихатов,
В. Г. Титов,
М. М. Хахаев.
2005 г.

Митинг Омского
отделения ВООПИК.
6.10.2007 г.

Круглый стол
ОФ РФК
и ОО ВООПИК
в ОГИК Музее.
18.12.2007 г.

**Члены Президиума ОО ВОСПИК на раскопках фундамента
Иртышских ворот Омской крепости.
11.10.2009 г.**

«РАБОТАТЬ ДАЛЬШЕ ...НЕВОЗМОЖНО».
(АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РАБОТЕ
ПАМЯТНИКООХРАНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПРИ ЗСО РГО В 1920-х гг.)

*Подготовка к публикации
и комментарии А. М. Лосунова, А. П. Сорокина*

Начало изучения памятников старины в Омском Прииртышье было положено ещё до революции. Инициатором этого нужного и благого дела выступил Западно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества. На страницах его печатного издания «Известия» за 1914 г. был опубликован «Опросной лист о памятниках и предметах старины в Западной Сибири», который предлагалось заполнить всем тем, кто обладал какой-либо информацией на данный счёт.¹

Через три года в Отделе уже от сбора информации перешли к конкретным шагам. В 1917 г. при музее ЗСО РГО была создана специальная комиссия по охране памятников истории и искусства, в которую вошли знатоки и специалисты по вопросам старины: А. Н. Седельников, С. А. Ковлер, В. В. Едличко, А. М. Клементьев. Сохранились также отрывочные сведения о функционировании при Географическом обществе в годы гражданской войны как отдела охраны памятников старины Сибири, так и историко-археологической комиссии. Руководящую роль в этих двух структурах играл известный омский врач, археолог-любитель, коллекционер и знаток Востока С. А. Ковлер.² Напомним, что именно им в 1918 г. была открыта на левом берегу Иртыша Омская стоянка эпохи неолита. Видимо, данная находка и инициировала создание при Отделе историко-археологической комиссии.

В 1923–1924 гг. во исполнение распоряжений как центральной, так и местной власти, касающихся вопросов учёта и сохранности памятников искусства, старины и природы, в Омске, почти одновременно, возникли две комиссии, осуществлявшие деятельность в этом направлении. Одна – при Омском краевом музее, а другая – при ЗСО РГО.

Предыстория создания последней такова. 6 февраля 1924 г. из Губернского комитета Народного образования Сибирского краевого исполкома г. Ново-Николаевска в Отдел Географического общества поступила копия циркуляра ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. об учёте

и охране памятников искусства, старины и природы. К основному документу прилагалась ещё и сопроводительная записка, адресованная следующим образом: «Всем ГубОНО, ВУЗам, научным обществам, музеям». ³ Далее же всем этим организациям предлагалось «принять циркуляр к неуклонному исполнению». При знакомстве с циркуляром сразу бросается в глаза, что в тексте напрямую вообще не говорится об участии каких-либо обществ в деле охраны памятников. ⁴

Но раз распоряжение было получено свыше, то в ЗСО РГО ослушаться не посмели, что называется «взяли под козырёк» и приступили к его исполнению, совершенно не задумываясь о негативной реакции со стороны других задействованных в этом деле структур, которая, как мы увидим из публикуемого ниже «Отчёта» (Документ 2), в самом скором времени не замедлила сказаться.

2 марта 1924 г. на общем собрании Отдела и был заслушан присланный циркуляр. После чего известный ботаник и председатель ЗСО РГО В. Ф. Семёнов выступил с весьма созвучным тематике письма докладом: «К вопросу об охране природы в Западной Сибири». Воодушевлённые письмом и докладом присутствующие члены тут же незамедлительно приступили к составлению резолюции (Документ 1). Как видим, данная резолюция была составлена с большим размахом, поэтому создаваемой по ней Памятничко-охранительной комиссии, по мнению членов ЗСО РГО, отводилась роль как инициатора, так и организатора в данном вопросе. Что из этого всего вышло, читателю расскажет публикуемый нами документ.

Документ 1.

Резолюция общего собрания ЗСО РГО

«К вопросу об охране памятников природы в Западной Сибири» (извлечение)

16 марта 1924 г.

«1) Ввиду крайне назревшей потребности в охране в Западной Сибири памятников искусства, старины и природы и ввиду почти полной невыясненности подлежащих здесь охране памятников, необходимо организовать при Отделе специальную Памятничкоохранительную комиссию, которая самостоятельно или совместно с другими учреждениями и организациями должна заняться выяснением и учётом подлежащих охране объектов, пропагандой идей их охраны и вовлечением в эту работу широких масс, главным образом учителя и студенчества.

2) Поручить Комиссии в ближайшее же время выяснить путём специальных докладов, справок в надлежащих учреждениях и др. способами положение вопроса о намеченных и образованных ранее в Западной Сибири заповедниках, немедленно возбудить ходатайство об их регистрации и действительной охране в порядке циркуляра ВЦИКа через Омское и др. соответствующие ГубОНО...

3) Связавшись с различными организациями, владеющими обширными территориями Западной Сибири (Г.З.У., Управление курортами, Сибирская сельскохозяйственная академия), узнать места, которые следовало бы обратить в «Заповедники»...

4) Немедленно же приступить к составлению описи подлежащих охране памятников искусства, старины и природы г. Омска и его ближайших окрестностей и повести работу по их защите в порядке инструкции ВЦИКа, а также путём энергичной пропаганды в школах и печати».

Документ 2.

Отчёт о работе Памятникоохранительной комиссии Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества.⁵

11 ноября 1924 г.

Комиссия по охране памятников искусств и старины при ЗСО РГО составила из членов общества, избранных общим собранием. Организационное собрание Комиссии, состоявшееся 18 мая с. г., распределило должности (составило президиум) в следующем виде. Председатель – Н. А. Сардонников, члены: В. В. Барышевцев, П. Б. Яперов, М. Ф. Отрошкевич и секретарь И. И. Загрявко.

Задачи, поставленные перед Комиссией, уясняются отчасти из самого назначения комиссии и состоят в следующем: 1) Выявлять в районе Западной Сибири памятники искусства, архитектуры, живописи, скульптуры, художественных и ручных изделий, рукописей и т. д., имеющих то или иное историческое значение и представляющих ценность по работе, стилю, формам, содержанию и т. д. 2) Агитировать среди населения и пробуждать интерес к охране имеющихся памятников старины и искусств на местах и уведомлять комиссию о подобного рода находках. 3) Содействовать нахождению и выявлению древностей и раскопок археологических ценностей. 4) Собирать вышеуказанные сведения и сообщать в центр.

Выполнение представленных перед комиссией задач с первых же шагов её работы натолкнулось на крупные препятствия. Оказалось, что при местном Краевом музее также имеется аналогичная Комиссия, работающая от ГубОНО, юридически и материально более обеспеченная, чем комиссия Географического общества. При попытке с нашей стороны войти в контакт с Музеем в работах получен отказ и предложено прислать в их комиссию нашего представителя.⁶ Вопрос о дальнейшей судьбе и роли нашей комиссии должен был выяснен обществом в ближайшее время.

Несмотря на неблагоприятные объективные условия в работе, за сравнительно небольшой период деятельности Комиссией проделана некоторая работа:

1) Проведено общих собраний 3; собеседований 3.

2) Средактировано воззвание к населению об охране памятников старины и искусств (не напечатано в газетах по независящим от комиссии причинам).

3) Сделаны фотографические снимки т. Сардонниковым старинных церквей и одного дома в г. Таре.

4) Найден в г. Омске скелет мамонта секретарём т. Загривко и им же оказано содействие по откапыванию.

5) Произведено ознакомление со старинными ценностями, находящимися в Воскресенском соборе в г. Омске. Там имеются:

а) 2 комплекта риз и облачения престола и жертвенника – подарки Екатерины II.

б) древний требник – рукопись митрополита Галицкого Петра Могилы – 1647 г.

в) 2 древних Евангелия.

г) труды митрополита Сибирского Иоанна Максимовича.

д) метафизика на латинском языке.

е) воинские знамёна различных полков с 1711 г. – 3 шт.

ж) богослужебные книги на мусульманском языке.

Работать дальше по изучению древних исторических ценностей в Омских церквях и зданиях невозможно, т.к. там уже знают о существовании второй комиссии от ГубОНО и Краевого музея, которая о себе заявила, однако никаких работ не проводит. Остаётся небольшой ограниченный круг деятельности: работать по Западной Сибири, вне предела Омской губернии, как подведомственных уже комиссии Краевого музея, что при отсутствии материальных возможностей у Географического общества не даст практических результатов.

Председатель Комиссии (*Подпись*)

Секретарь (*Подпись*)

Документ 3.

Постановление комиссии по выявлению исторической, художественной и архитектурной значимости крепостного собора в г. Омске, созданной Государственным Западно-Сибирским музеем 25 октября 1928 г.⁷

В составе представителей:
Зарецкого, М. И. Шухмана, С. М. Игнатовича,
К. И. Трофимова, В. В. Гулецкого, Т. П. Белоногова,
Ф. Г. Виноградова, С. И. Кочнева, Е. А. Клодта
и А. В. Харчевникова

Комиссия в указанном составе, произведя обследование крепостного собора, пришла к следующим заключениям:

1. Крепостной собор закончен постройкой в 1775 г., т. е. насчитывает за собой 153 г. В условиях Сибири такой памятник представляет, безусловно, большой исторический интерес и значение.

2. Как произведение зодчества крепостной собор выделяется характерными стилистическими и техническими особенностями своего времени, почему является ценным архитектурным памятником.

3. Общий архитектурный ансамбль – гауптвахта в стиле барокко, казармы начала XIX века, уцелевшие крепостные ворота – представляет собой главнейшую историческую часть города, что ещё более подчеркивает необходимость сохранения в полной неприкосновенности занимающего видное место в этом ансамбле крепостного собора.

4. Что касается внутреннего убранства, то архитектурные украшения, как карниз на потолке, пилястры, тяги, лепные арки и др., отличающиеся хорошим качеством выполнения и соответствием с архитектурой здания, должны быть сохранены в полной мере.

5. Особую художественную ценность по своей общей композиции представляет резной иконостас, отдельные части которого гармонично связываются друг с другом. Иконы иконостаса переписывались, художественного значения не имеют, но в отдельных случаях дают ряд любопытных моментов

в отношении трактовки тех или других деталей, сюжета, например, архангелы с казачьими шашками.

6. Стенная роспись никакого значения не имеет ни в художественном, ни в историческом отношении, почему сохранению не подлежит. Будучи позднейшей по происхождению, она нарушает общую цельность впечатления.

7. Как памятник искусства и старины крепостной собор должен быть использован под музей, книгохранилище, архивохранилище и т. п., но с неперемным условием сохранения его наружного и внутреннего вида. Использование собора под клуб или аудиторию не представляется возможным, так как, помимо указанных причин исторического и художественной характера, он невелик по размерам, плох в отношении акустики, имеет ряд других архитектурных неудобств.

8. Помимо крепостного собора, Комиссия находит нужным обратить внимание на необходимость большей охраны и изыскание средств на реставрацию других крепостных сооружений, представляющих собой исторический интерес, как Гауптвахта, крепостные ворота, казарменные сооружения.

В первую очередь здесь д. б. выдвинут вопрос о ремонте башни над зданием Гауптвахты как пришедшей в ветхость и наиболее угрожаемой.

П. П. Члены комиссии:

ГУ ИСА ОО Ф. Р-1075. Оп.1. Д. 55.

/Л. 81 и об., Л. 116 и об./ – машинописный дубликат с подписями⁸

¹Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачёва Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994 С. 196.

²Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2003. С. 96.

³ГУ ИСА ОО. Ф. Р-1075. Оп.1. Д. 55. Л. 1 е.

⁴Там же, Л. Л. 2–2 Об.

⁵Текст публикуемого нами документа приводится по следующему архивному источнику. ГУ ИСА ОО. Ф. Р-1075. Оп.1. Д. 55. Л. Л. 30–31.

⁶Причина конфликта, на наш взгляд, состояла в том, что ЗСО РГО стремился взять на себя координирующую функцию, а это не было прописано в присланном «Циркуляре». Со своей стороны ГубОНО как государственное учреждение видело только себя в роли руководителя и координатора данного направления деятельности. Исходя из этого, советские чиновники отдавали предпочтение сотрудничеству по этому вопросу с каким-либо государственным подразделением (в нашем случае – с Краевым музеем), нежели с общественной организацией, каковой являлся ЗСО РГО.

⁷ГУ ИСА ОО Ф. Р-1075. Оп.1. Д. 55. Л. 81 и об.; Л. 116 и об.

⁸Лебедева Н. И. Указ соч. С. 99.

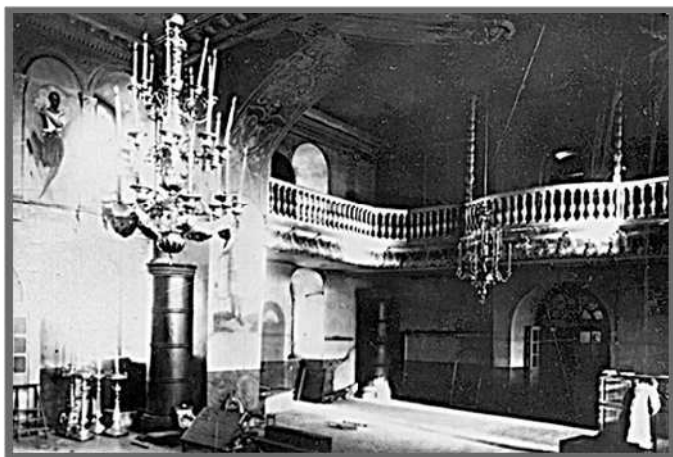
ОМСКЪ .Старый Соборъ — Крепость.

11.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ СОБОР

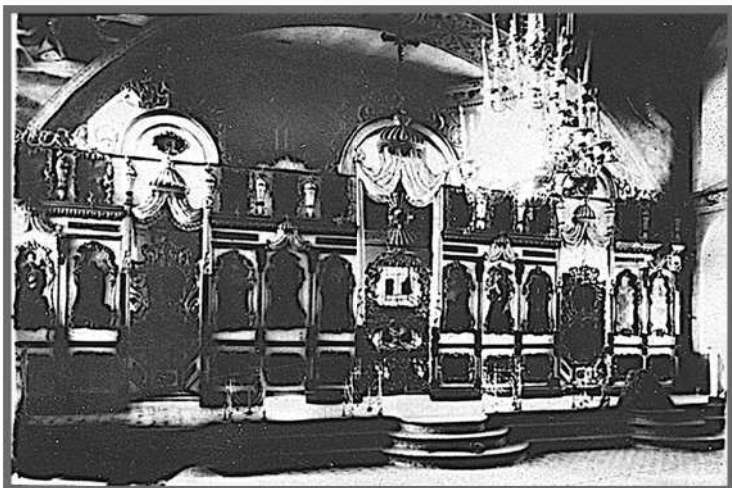

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ВОЕННЫЙ СОВОР. г. Омск, 1930-е гг.

ИНТЕРЬЕР ВОСКРЕСЕНСКОГО ВОЕННОГО СОВОРА. г. Омск, 1930-е гг.

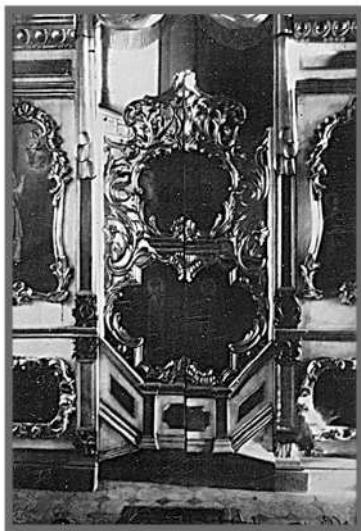
ФОТОГРАФ - Н. Н. МАРТЫНОВ

АЛТАРЬ ВОЕННОГО СОБОРА. 1930-Е ГГ.

ФРАГМЕНТ АЛТАРЯ.
1930-Е ГГ.

ЦАРСКИЕ ВРАТА.
ФРАГМЕНТ АЛТАРЯ. 1930-Е ГГ.

ФОТОГРАФ - Н. Н. МАРТЫНОВ

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

Борис Конилов

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ОМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Археологические исследования на территории Омского Прииртышья, с разной степенью интенсивности, проводятся свыше 150 лет. Это и любительские раскопки, которые были преобладающими на протяжении второй половины XIX века, и исследования археологов на протяжении XX века; список последних исчисляется десятками имен, среди которых особо выделю профессора, доктора исторических наук В. И. Матющенко (1928–2005), основателя омской школы археологии. Его перу принадлежит и одна из немногих обобщающих работ по древней истории Сибири¹.

За истекшее время проделана значительная работа по изучению различных эпох древней и средневековой истории Омского Прииртышья. В последние десятилетия также много сделано и для исследования материальных останков и духовной культуры эпохи Нового времени. В омских фондах – музеях, университетах, научно-исследовательских институтах – хранится огромное количество археологических материалов от верхнего палеолита до XIX века. Этот бесценный источник еще ждет того, чтобы быть подвергнутым тщательному и всестороннему (под этим я понимаю привлечение к работе смежных с археологией специалистов) анализу. Будучи опубликованным, такой материал станет надежной базой для реконструкции прошлой истории нашего края.

К настоящему же времени добротной истории Омского Прииртышья на протяжении каменного века – Нового времени нет. Эту констатацию можно распространить и на «письменную историю» края. В этом

мы существенно отстаем от своих соседей по региону – будь то Урал, Новосибирская или Томская области. Изданные в свое время «Очерки истории города Омска» лишь отчасти восполняют этот пробел². В вышеуказанных регионах изданы многотомные истории, исторические энциклопедии и сборники, выполненные на академическом уровне. Причин несколько. Одна из них – отсутствие в наших вузах и в научных центрах традиции к обобщению, нет того, что можно обозначить словом «академизм» в подходе к историческим исследованиям.

В статье ставится цель – очертить некоторые пробелы в дорусской истории Омского Прииртышья и, по возможности, обозначить пути их заполнения.

Имеющиеся ныне археологические материалы позволяют уверенно говорить о том, что наш край стал заселяться в эпоху верхнего палеолита, примерно 10 тыс. до н.э. Это событие документируют многократно издававшиеся материалы стоянки Черноозерье II, расположенной в 140 км к северу от г. Омска, на левобережье Иртыша³. К верхнему палеолиту относятся и случайные костяные поделки времени мамонтовой фауны, обнаруженные в разных районах Омского Прииртышья. Возможно, с этой эпохой связана и часть материала с комплекса памятников «Омская стоянка», находящихся в черте г. Омска. Во всяком случае, ряд каменных изделий с нее были, в свое время, истолкованы блестящим знатоком каменного века академиком А. П. Окладниковым (1908–1981) как относящиеся к эпохе верхнего палеолита.

Таким образом, заселение нашего края в верхнем палеолите сомнений в научной среде не вызывает. Однако знакомство с достижениями в области изучения каменного века сопредельных регионов (Алтай, Республика Казахстан), где обнаружены памятники среднего палеолита (примерно 100–40 тыс. до н. э.) делает вероятным обнаружение и по среднему Иртышу древностей подобного рода. Причина нынешней единичности памятников эпохи палеолита в нашем крае – отсутствие целеустремленного и систематического их поиска. Вспомним, что, по данным замечательного краеведа А. Ф. Палашенкова (1886–1971), останки мамонтовой фауны представлены здесь многочисленными следами. Следовательно, и палеолитический человек должен был оставить на рассматриваемой территории больше следов, вероятнее всего, в виде стоянок и погребений. По заключению палеогеологов и палеоклиматологов, Среднее Прииртышье было непригодно для проживания людей среднего и большей части верхнего палеолита⁴. Однако мы должны принять во внимание, что их наблюдения, в силу понятных причин, носят обобщенный характер. Поэтому не исключено и другое. В истории природной среды были такие благоприятные про-

межутки (длющиеся тысячи и десятки тысяч лет), когда могло иметь место появление в крае людей среднего и верхнего палеолита.

До сих пор не ясны и пути заселения Омского Прииртышья. Материалы Черноозерья II указывают на Юг – Казахстан, с которым Омское Прииртышья связано р. Иртыш. Однако не исключены и другие исходные территории, в частности, юго-восточные – Южная Сибирь и Алтай.

Ждет своего решения и вопрос о степени художественной одаренности обитателей западносибирских палеолитических стоянок. Черноозерцы обладали искусством гравировки на костяных изделиях (вспомним костяную основу кинжала с каменными вкладышами, украшенную геометрическими рисунками), но умели ли они вырезать женские статуэтки из кости и камня, которые встречены на памятниках верхнего палеолита Европы и Восточной Сибири? Остается также открытым и вопрос о физическом облике первых жителей края – были ли они европеоидами или монголоидами? Материалы раскопок могильника в районе комплекса памятников «Омская стоянка», относящегося, по нашему мнению, к эпохе раннего неолита, допускают версию присутствия здесь уже в верхнем палеолите смешанного, европеоидно-монголоидного населения⁵.

Немало пробелов в наших знаниях и о следующей эпохе – мезолите. Это время, когда повсеместно устанавливается климат, а также растительный и животный мир, близкие к современному. Археологических памятников мезолитической эпохи в нашем крае известно значительно больше – они открыты по Иртышу, его притокам, на степных озерах. Однако, обобщающих работ нет. Работа московского археолога В. Ф. Старкова лишь в малой степени заполняет указанный пробел⁶. Может, поэтому авторы академического тома, посвященного мезолиту СССР, утверждают: «Совершенно неизвестны раннеголоценовые (т. е. мезолитические – Б. К.) памятники Западной Сибири»⁷. Между тем, практика изучения уральскими археологами мезолитических памятников на сопредельных территориях, например, на р. Конде (левый приток р. Иртыша, Тюменская область), показывает, что уровень культуры мезолитического человека на севере Западной Сибири был чрезвычайно высок. И в этой связи заслуживает особого внимания часть каменных орудий труда с комплекса памятников «Омская стоянка», которые, на наш взгляд, созданы в мезолитическое время, по своим основным характеристикам они соответствуют параметрам мезолитических изделий сопредельных регионов. Если эта версия получит свое подтверждение, то можно говорить о начале преемственности нашего города, по крайней мере, с VIII–VII тыс. до н. э.

Значительные успехи в последнее время сделаны в области изучения эпохи неолита (VI–IV тыс. до н. э.). В предыдущие десятилетия были открыты памятники этой эпохи в южно-таежном и лесостепном Прииртышье (Артын I, Бичили I, комплекс памятников «Омская стоянка» и другие). В настоящее время ведутся целенаправленные исследования неолитических поселений в южно-таежном Прииртышье (омский археолог И. В. Толпеко). Получены определенные данные о материальной культуре и образе жизни. Но материалы раскопок пока в полном объеме не введены в оборот. Поэтому нет достаточной ясности с местом и ролью неолита в культурной истории нашего края. По данной эпохе, повторюсь, имеются лишь сведения об отдельных памятниках, неолитические материалы такого уникального памятника, как «Омская стоянка», не препарированы должным образом и не введены в научный оборот. И здесь омские исследователи отстают от своих коллег из соседних регионов. Так, по Барабинской лесостепи или по Тюменской области есть монографические издания и защищены докторские диссертации⁸. Затрону и вопрос, который неоднократно поднимался в научной литературе, а именно о бедности каменным инвентарем культур Западно-Сибирской равнины. «Охотники-рыболовы Западно-Сибирской равнины (неолитическое время – Б. К.) могли пользоваться лишь редкими и в основном низкосортными месторождениями камня, что обусловило сравнительно бедный набор каменных изделий по типологическому составу и по качеству обработки»⁹. С этими утверждениями согласиться в полном объеме трудно. Материалы с палеолитических памятников Западно-Сибирской равнины представлены в коллекциях тысячами экземпляров, только на стоянке Черноозерье II собрано свыше 3000 каменных предметов¹⁰. Это разнообразные по назначению/типу орудия труда. Далее. Обработка каменных наконечников стрел эпохи неолита с комплекса памятников «Омская стоянка» свидетельствует о достойном уровне мастерства их создателей. Анализ каменной индустрии с памятника Окунево V в Муромцевском районе Омской области, проведенный И. В. Толпеко, свидетельствует о широте функционального назначения орудий¹¹.

Исследование памятников раннего металла (III тысячелетие до н. э. – VIII века до н. э.) велось прежде, и ведется ныне в более широких масштабах, и с большей целенаправленностью, чем предыдущих эпох. Прделанная работа нашла свое отражение в многочисленных научных изданиях, а также в диссертационных исследованиях. И тем не менее, в истории и этой эпохи присутствует множество пробелов. Один из них – время и механизм появления на территории Среднего Прииртышья производящего хозяйства, в частности, скотоводства.

Остается в сфере предположений вопрос: действительно ли найденные на стоянках екатерининской общности эпохи меднокаменного века кости домашних животных являются свидетельствами зарождения элементов скотоводства? Другой вопрос, связанный с той же общностью. Существовала ли на Иртыше местная металлургия меди? Или здесь была культура, лишь хронологически совпадающая с энеолитической эпохой? В области гипотезы находится и вопрос, связанный с происхождением екатерининской общности.

В распоряжении специалистов имеется богатейший материал по эпохам развитой и поздней бронзы, а также по переходному от бронзы к раннему железному веку времени. Однако целостной картины развития социально-экономических сообществ этого времени на данной территории нет. Преобладает научная мозаика, сложенная из отдельных монографий, статей, заметок и диссертаций. Хронологическая шкала культур бронзового века весьма условна, взаимоотношение культур остается в сфере предположений, характер хозяйства представлен увы, как правило, банальными констатациями, ремесла и искусство, ярко воплощенные в сотнях изделий из металла, глины, камня, стекла, целенаправленно не исследованы.

Методологически и методически не проработана схема трансформации культур позднего бронзового века в культуры раннего железного века. Одна из причин этого – характер природно-географической среды Омского Прииртышья. Дело в том, что она благоприятствовала сравнительно свободному передвижению населения в разных направлениях. В известном смысле Омское Прииртышье на протяжении, по крайней мере, каменного века – развитого средневековья было «проходным двором». Неслучайно именно на его территории одни и те же закрытые археологические комплексы содержат такое разнообразие изделий с Юга, Севера, Запада, которое, насколько мне известно, не встречается на сопредельных территориях: на Алтае и Урале, в Сургутском, Новосибирском и Томском Приобье.

Одна из незаполненных страниц в истории нашего края связана с оценкой места и роли саргатской культурно-исторической общности раннего железного века, которой посвящено огромное количество различных изданий – статей, сборников, монографий, диссертаций. При таком кажущемся обилии внимания остаются невыясненными кардинальные вопросы в ее истории: происхождение, этнический состав, хронологические рамки, судьба. Установлено, что саргатская общность на протяжении, по меньшей мере, тысячелетия (VII века до н. э. – IV–V веков н. э.) занимала доминирующие позиции на Среднем Иртыше и на прилегающих территориях¹². «Слом» общности произошел к сере-

дине I тыс. н. э. Однако судьба ее населения до сих пор остается в сфере предположений и остроумных догадок.

Немало пробелов и в истории другой культурной общности раннего железного века – кулайской. Сейчас все больше накапливается данных о полнокровном присутствии ее носителей в южно-таежном и в лесостепном Прииртышье. Более того, нам представляется, что часть северо-восточных районов Омского Прииртышья входила в зону ее формирования. Однако и здесь можно указать на множество пробелов в наших знаниях, например, о взаимоотношениях кулайцев со своими соседями – богочановской культурой южно-таежного Прииртышья и саргатской общностью. Открыт вопрос: кем были «омские» кулайцы – охотниками и рыболовами, или в их экономике существенная роль принадлежала скотоводству и, коневодству в частности.

В южно-таежных районах Омского Прииртышья на протяжении второй половины I тыс. до н. э. проживало население богочановской культуры¹³. В ее исследовании достигнуты определенные успехи. Но и здесь есть вопросы, на которые еще только предстоит ответить. В частности, не ясно, почему именно ко II веку до н. э. прекращают свое существование ее поселения и могильники, тогда как другие культурные образования раннего железного века Прииртышья завершают свой жизненный цикл к середине I тыс. н. э.?

Пробел в истории края связан и с событиями перехода от раннего железного века к средневековью (IV–VI века н. э.). Омское Прииртышье пережило те же катаклизмы, что имели место на всем евразийском степном и лесостепном пространстве в рассматриваемый период. По авторитетным заключениям, в немалой степени это обусловлено Великим переселением народов. И тогда встает вопрос о роли кочевых народов хуннов/гуннов в истории Среднего Прииртышья середины I тыс. н. э. Применительно к нашей территории назову следующие пробелы. С одной стороны, отсутствуют добротные археологические комплексы данного периода, с другой стороны, не ведется целенаправленный поиск древностей этого времени. Возможно, что материал, который маркирует данный период, уже «включен» в хранящиеся в фондах коллекции. Их инвентаризация позволит, на наш взгляд, выявить предметы и коллекции, имеющие прямое отношение к обозначенному времени и поставленной проблеме.

Эпоха раннего средневековья (вторая половина I тыс. н. э.) характеризуется сложными и динамичными процессами формирования, существования и сосуществования на обозначенной территории различных культурно-исторических образований. Южно-таежные районы тогда освоило население потчевашской культуры. Одновременно здесь

же проживало, вероятно, пришлое с севера и северо-запада население – карымское и бакальское. Характер взаимоотношений, культурная и этническая принадлежность этих общностей по-разному толкуется специалистами. Очевидно одно. Культурная и этническая ситуация в таежном крае была далека от однородности и монотонности. Происхождение потчевашской культуры рассматривается исследователями как результат синтеза нескольких культурных образований предшествующего времени. Однако собственно сам процесс перехода (качественный скачок) археологически не засвидетельствован. Надо сказать, что указанная проблема существует не только в «омской археологии».

Далее. Археологи Екатеринбурга считают, что в это время Омское Прииртышье было территорией, которая осваивалась с севера, из Сургутского Приобья, и те сотни памятников второй половины I тыс. н. э., что расположены практически на всей территории края, «оставлены пришельцами с севера». Подобные массовые нашествия в истории имели место, и они общеизвестны. Однако применительно к конкретной ситуации такая гипотеза вряд ли получит свое подтверждение. И вот почему. В генезисе Потчеваша основательно участие кулайцев, которые, как отмечалось выше, занимали лесостепные и южные правобережные районы Омского Прииртышья. Иными словами, есть серьезные археологические факты в пользу местного формирования Потчеваша. Следовательно массового нашествия «северян» не было.

Не менее сложные процессы протекали в раннем средневековье в степном Прииртышье. В середине VI века н. э. на Алтае и прилегающих к нему территориях возникает первое раннефеодальное государство в Сибири – Тюркский каганат¹⁴. История и культура этого образования изучены довольно хорошо. Для каганата была характерная активная наступательная политика. Подвижные и воинственные кочевники энергично вторгались на соседние территории. Не обошли они своим вниманием и Среднее Прииртышье, северные районы которого были тогда богаты столь привлекательной для кочевников пушниной. Однако тюркская страница в истории Омского Прииртышья еще не прочитана. Степное Прииртышье пока не стало объектом систематического и постоянного внимания исследователей, множество археологических (курганные насыпи) свидетельств былого пребывания здесь кочевников либо уничтожены, либо нивелированы в ходе многолетней распашки земель.

Развитое средневековье (X–XIV века н. э.) в истории Омского Прииртышья представлено несколькими археологическими образованиями – на севере – усть-ишимская культура, отождествляемая специалистами с южными хантами, степные и лесостепные районы были

основательно обжиты тюрко-язычными кочевниками – кимаками. В изучении этого периода проделана большая работа¹⁵. Однако и здесь есть пробелы, заполнение которых способно существенно изменить взгляды на историю нашего края. Укажу только на один сюжет – наличие на территории Омского Прииртышья в рассматриваемое время городов. Таковую точку зрения отстаивал в ряде своих работ Л. Р. Кызласов¹⁶. Им мобилизовано большое количество разнотипных источников – письменных и археологических. Однако масштабы раскопок поселений и городищ в пределах края не дают, увы, оснований для столь заманчивого вывода. Так, Ананьевское, Новоникольские (у автора Никольские), что фигурируют на страницах монографий и учебных пособий Л. Р. Кызласова, раскопаны на небольшой площади. Следовательно, материала для столь ответственных выводов пока мало.

Очевидно, что южные и лесостепные районы Омского Прииртышья в рассматриваемое время были весьма основательно освоены тюрко-язычными кочевниками. И есть предпосылки для вывода, что значительные территории Омского Прииртышья в развитом средневековье были субъектом феодального государства. «Белым пятном» является и характер проникновения степных кочевников в южно-таежные районы Прииртышья, хотя можно и предположить, что оно выливалось в разные формы.

Один из «туманных периодов» в истории края – XIII–XIV века. Сейчас он активно изучается омскими археологами (С. С. Тихоновым, С. Ф. Татауровым и др.). Здесь пробел – в понимании процесса трансформации культуры южных хантов в культуру тоболо-иртышских татар.

В последние годы местными исследователями много сделано для изучения истории Сибирских ханств по археологическим и письменным источникам. В этом сказалось благотворное влияние научной школы, основателем которой является Н. А. Томилов. Кроме того, омским исследователем Е. М. Данченко проведены исчерпывающие (и первые в истории омской археологии!) исследования Красноярского поселения в Усть-Ишимском районе Омской области. Памятник многослойный. Значительная часть материалов позволяет выйти на фундаментальные реконструкции истории края в эпоху существования сибирских ханств.

Безусловным достижением омской археологии, в том числе и питомцев школы Н. А. Томилова, является результативное изучение археологических памятников и археолого-этнографических комплексов Нового времени. Издано значительное количество разноплановых исследований, которые показывают, сколь сложной и многофакторной была жизнь населения края в эпоху освоения его выходцами из Европейской России.

Таким образом, с одной стороны, в распоряжении исследователей прошлого Омского края имеется богатейший фонд источников по большинству периодов древней – Новой истории края. Многие из них введены в научный оборот. Однако, с другой стороны, все еще нельзя говорить о том, что мы имеем в своем распоряжении полноценные исследования, в которых была бы восстановлена история Омского Прииртышья в том объеме, в котором это позволяют нынешние источники. К сожалению, в Омске нет гуманитарного центра, который бы систематически и целенаправленно занимался созданием фундаментальных обобщающих работ по истории края. Отсутствие последних приводит к тому, что археология Омского Прииртышья по-прежнему не имеет «прописки» в общероссийских и общемировых изданиях. В качестве примера укажу на многотомную «Историю человечества», выходящую по инициативе ЮНЕСКО на русском языке, где характеризуются, в частности, памятники археологии разных районов Западной Сибири, за исключением Омского Прииртышья¹⁷.

¹ Матюшенко В. И. Древняя история Сибири. – Омск, 2004.

² Очерки истории города Омска. – Омск, 1997. – Т.1.

³ Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск, 1986.

⁴ Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья. – Омск, 2002. – С. 27.

⁵ Конилов Б. А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. – Омск, 1998.

⁶ Старков В. Ф. Мезолит и неолит Зауралья. – М., 1980.

⁷ Мезолит СССР. Археология СССР. – М., 1989. – С. 197.

⁸ Полосьяк Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск, 1989.

⁹ Косарев М. Ф. К вопросу о неравномерности исторического процесса (по сибирским археолого-этнографическим материалам) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. – Томск, 2009. – С. 36.

¹⁰ Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск, 1986. – С. 47.

¹¹ Толпеко И. В. Отходы производства в каменной индустрии как информативный источник // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск, 2000.

¹² Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология. – М., 1992.

¹³ Данченко Е. М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск, 1996.

¹⁴ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Древней Евразии. – СПб., 2005.

¹⁵ Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск, 2007; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Указ. соч.; Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. – М., 2006.

¹⁶ Кызласов Л. Р. Указ. соч.

¹⁷ История человечества. Доисторические времена и начала цивилизации. – М., 2003. – Т. 1.

Кинжал. Стоянка Черноозерье II, XIII – XII тыс. до н. э. (поздний палеолит). Кость, кварц

Кинжал
(фрагмент)

Омская стоянка. Левый берег Иртыша напротив Ленинградского моста. Ранняя бронза. Конец III – начало II тыс. до н. э.

Открыта в 1918 г. С. А. Ковлером. Исследовалась П. Л. Драверт, Е. Н. Липеровской, В. П. Левашиной, А. Ф. Палащенко, В. Н. Чернецовым, В. И. Мошинской, С. Р. Лаптевым, А. И. Петровым, Б. В. Мельниковым, О. А. Паустином, В. Н. Касаткиным, экспедицией ОмГПИ.

Находки в экспозиции ОГИК Музея:

I ряд: 1) Нуклеусы. Камень. 2) Ножевидные пластины. Камень. 3) Гарпуны и фрагменты гарпунов. Кость. 4) Талисман – зуб медведя. 5) Игла четырехгранная. Бронза. 6) Бусина. Камень. 7) Фрагмент стамески. Бронза. Литье.

II ряд: 8) Скребки. Камень.

III ряд: 9) Ретушер. Мелкозернистый песчаник. 10) Рыболовный стерженек. Яшмовидный камень. 11) Фрагмент изделия. Камень. 12) Наконечник дротика листовидной формы. Яшма. 13) Проколки. Кость. 14) Фрагменты колец. Бронза. 15) Перстень (серьга). Бронза.

IV ряд: 16) Наконечники стрел и дротиков. Кость. 17) Челюсти животных.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
УТРАЧЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ
ЦЕНТРЕ Г. ТАРЫ

Малые города Сибири, основанные в XVI–XVII вв., являются перспективными объектами для изучения процессов русского освоения этого края. Не имея крупных промышленных зон, они в значительной степени сохранили свою первоначальную планиграфию. Отсутствие больших технологических подземных коммуникаций способствовало сохранению культурного слоя. Как правило, исторические центры в таких городах мало застроены, значительная часть отведена под зеленые зоны, площади, что делает возможным, в отличие от крупных центров, проведение широкомасштабных археологических раскопок. На территории Омской области наиболее актуальным является изучение исторического центра г. Тары. Это один из старейших городов Западной Сибири, который совсем недавно отметил свое 415-летие. Он имеет свою богатую, пусть во многом трагичную историю. За годы своего существования Тара пережила и неоднократные разрушительные пожары, и мощные наводнения, и осады кочевников, и бунт староверов, гражданскую войну и воскресники комсомольцев по уничтожению церкви и многое другое... И, как ни прискорбно отметить, до этого года не была предметом целенаправленных археологических исследований. По этой причине совершенно неизвестна картина возникновения и развития этого исторического центра. Письменные источники, в лучшем случае, дают приблизительную схему расположения кремля и городских построек в отдельно взятые моменты XVII – начала XX веков.

Летом 2007 г. археологической экспедицией Омского филиала ИАЭТ СО РАН были проведены исследования предполагаемого местонахождения самого большого и красивого собора г. Тары – Никольского.

Храм был построен в 1771–1774 гг. на средства тарского купца Якова Перминова. Находился он в нагорной части, близ спуска к речке Аркарке, при впадении её в Иртыш на бывшей Никольской улице, ныне Советской. Имел два придела: правый – святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, левый – во имя священномученика Харлампия. Внешний вид и убранство храма подробно описаны в работе Н. И. Лебедевой¹. Снесли храм в марте 1938 г.

Согласно архивным материалам и свидетельствам очевидцев, собор не взрывали, а разобрали на кирпичи для строительства педучи-

лица. Затем на этом месте были построены школьные производственные мастерские и гаражи. Со слов старожилов, во время строительства экскаваторы выворачивали из земли деревянные колоды с останками. Тогда никого это не беспокоило. Дети вытаскивали из земли черепа и, наигравшись, развешивали их неподалёку на заборе.

Зимой 2007 г. сотрудниками сектора археологии ОФ ИАЭт СО РАН был обработан и подготовлен архивный и картографический материал по историческому центру г. Тары, который позволил в августе этого же года провести на предполагаемом месте расположения собора археологические работы. На месте возможного нахождения Никольского собора посредством ряда шурфов производились исследования культурного слоя, которые позволили выйти на фундамент храма. Культурный слой насыщен археологическими находками, аналогичными для уже исследованных русских памятников XVII–XIX веков этого региона. В ходе работ были обнаружены кованые гвозди, фрагмент ножа, ручка от сундука, фрагменты кожаной обуви, фрагменты русской гончарной посуды, глиняный шарик с волосами (скатанный при крещении) и детский серебряный крестик. При зачистке фундамента стены собора были обнаружены остатки захоронений храмового кладбища. Колоды были выворочены из земли землеройной техникой в ходе позднейшего строительства на этом месте капитального гаража. Возможно, часть кладбища уцелела и требует перезахоронения.

Проведенные летом 2007 г. работы показали перспективность дальнейшего археологического обследования исторического центра г. Тары. Многие разрушенные памятники архитектуры находятся на незастроенных местах, что позволяет провести их научное изучение.

В 2009 г. Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Омским государственным университетом были продолжены работы по исследованию исторического центра г. Тары. На начало года в органах по охране культурного наследия РФ г. Тара не фигурировал, ни одного квадратного метра исторического центра города в качестве охраняемой зоны не значилось. Поэтому основной задачей было определение состояния культурного слоя, сохранности исторических объектов для выделения охранных зон. Еще одной задачей было определение перспективности проведения на этой территории археологических исследований. Практическими задачами археологических исследований полевого сезона стали:

Поиск границ Тарского кремля по состоянию на 1775 г. (мы взяли за основу план города за этот год по той причине, что более ранние схемы города оказались очень неточными). Установление степени повреждения культурного слоя на территории кремля современной застройкой и коммуникациями.

Поиск фундаментов тарских храмов, разрушенных в 1930-х гг. XX века – Никольского и Успенского соборов, Казанской, Пятницкой и Тихвинской церквей, а также одной из первых в Сибири каменной мечети.

Выявление мест массовых захоронений жертв белогвардейских и сталинских репрессий на территории города.

Для этого зимой 2009 г. была проведена работа в архивах Омска и Тобольска по поиску и обработке планов города, планов разрушенных архитектурных комплексов и их фотографий, свидетельств об их судьбе. После этого было сделано соотнесение этих комплексов с современным градостроительным планом города.

В соответствии с заявленными задачами были осуществлены работы по трем направлениям.

Мы провели исследования по выявлению расположения Спасских ворот и береговой стены кремля. В результате работ была обнаружена башня, защищавшая кремль со стороны реки Аркарки. Высота террасы в данном месте составляет 12 м. Башня расположена в 10 м от ее края и представляет собой правильный восьмигранник с длиной грани около 2 м. Сохранилось четыре венца, углы срублены с наружной стороны без выпусков. Судя по сохранившейся части, башня имела коническую форму или, по крайней мере, таким было ее основание. Диаметр бревен – 0,30–0,37 см. Материал – лиственница, сохранность очень хорошая. На дне башни лежали две плахи шириной 40 см и толщиной 8 см. Перед строительством башни верхние слои почвы были сняты и нижний венец был установлен на слое твердой глины.

Перед башней был зафиксирован небольшой вал из светлой глины, он непосредственно примыкает к башне, где достигает максимальной мощности и постепенно уменьшается к периферии. В настоящий момент мощность вала составляет 0,6 м, ширина – 3 м. Внутри башни находок не зафиксировано. В заполнении культурного слоя над башней найдены лепная и гончарная керамика. Обнаружены несколько фрагментов чернолощеной посуды. В верхних слоях находится большое количество обломков кирпича от разрушенного в конце 1930-х гг. XX века Успенского собора.

Поиск Спасских (Тобольских) ворот по схемам тарского кремля XVII – первой половины XVIII веков оказался не совсем удачным. Проведенные исследования показали, что ворота, по-видимому, располагались ближе к краю террасы, тем самым можно сказать, что все планы города до 1775 г. имеют большие погрешности.

В месте раскопок на глубине 1,7 м нами найден сегмент мостовой города, которую мы предварительно датируем первой половиной

XVIII века. Мостовая состоит из пятиметровых листовенничных плах шириной 0,4–0,5 м и толщиной 0,8–0,10 м. Рядом с ней проходила дорога, фрагмент которой нами исследован. Толщина грязи, которая была на дороге, составляет 60 см, в этом слое большое количество фрагментов керамики, древесины, мусора и т. д.

Под мостовой ранее располагалась сапожная мастерская, об этом свидетельствует найденная коллекция обуви и большое количество обрезков кожи, которую В. Б. Богомолов относит к допетровскому времени. Найденные образцы демонстрируют широкий диапазон моделей мужской и женской обуви. В этом слое зафиксировано большое количество слюды, причем много целых фрагментов, что позволило сделать реконструкцию окна. Окно 40 х 60 см с железным переплетом. В центре цветок из четырех лепестков, по краю неправильная сетка.

Мощность культурного слоя в данном месте превышает 2 метра (2,2–2,4 м). В слое фиксируется 4 мощных угольных прослойки, что подтверждает исторические сведения о пожарах, полностью уничтоживших город. Культурный слой насыщен находками. Большое количество керамики, лепной и гончарной, некоторые фрагменты орнаментированы. Найдено около 100 предметов из железа самого различного назначения: святцы, подковки на сапоги, гвозди и скобы разных размеров, ножи и т.д. Керамические и каменные грузила, свистулька «курица». Предметы быта – ложка, заколки, булавки. Наиболее интересной находкой стал серебряный перстень с вставкой из янтаря, на которой вырезан родовой герб с инициалами на латыни L и W.

Проведенные в этом сезоне исследования показали: значительная часть кремля (фактически вся береговая линия укреплений) не повреждена более поздними строениями, тем самым у ученых есть уникальная возможность изучения исторического центра одного из первых городов Сибири.

Поиск фундаментов тарских храмов, разрушенных в 1930-х гг. XX века дал следующие результаты. Найден фундамент разрушенной в 1963 г. Тихвинской церкви, на первом городском кладбище, где в 1963–1964 гг. был создан парк, а на месте церкви построен летний кинотеатр (сгорел через несколько лет). Затем на этом месте был установлен памятник героям-партизанам, погибшим при освобождении города от колчаковцев. Памятник был спилен и сдан на металлолом в начале нашего века. В данный момент парк заброшен. Установлено расположения Успенского собора, он находится между зданием районной администрации и местной телекомпания. В данный момент это заасфальтированная площадка, под которой в двух кирпичных колодцах находится развязка кабелей узла связи. Значительная часть фунда-

мента собора уничтожена. На месте расположения Казанской церкви и мечети в настоящий момент стоят дома постройки 1960-х гг. XX века.

Важным моментом в плане дальнейшего изучения храмовых комплексов, а в дальнейшем, возможно, их воссоздания, является то, что места расположения Никольского собора, Пятницкой и Тихвинской церквей в настоящий момент не застроены и не используются хозяйственных целях.

Выявление мест массовых захоронений жертв белогвардейских и сталинских репрессий на территории города дало следующие результаты: по улице 11-я линия одноэтажные кирпичные дома № 33, 35 построены на месте карьеров кирпичного завода (ныне недействующего). В карьерах в середине 1930-х гг. XX века были «захоронены» расстрелянные заключенные Тарской пересыльной тюрьмы. Официально признан расстрел 1440 человек. В настоящий момент глубина залегания костяков на приусадебных участках не превышает 0,4 м, поэтому при вспашке земли стали выворачиваться человеческие кости, которые и были зафиксированы в ходе обследования.

Проведенные исследования показали, что г. Тара представляет собой уникальный исторический комплекс, который должен иметь статус особой охраняемой территории. Исторический центр города перспективен для проведения комплексных археолого-исторических исследований. Эти работы могут дать импульс развитию города, превратят его в культурно-исторический центр Западной Сибири, сделают г. Тару более привлекательным для развития туристического бизнеса.

¹ Лебедева Н. И. Храмы г. Тары // Культурологические исследования в Сибири. – Вып. 2. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 1999. – С. 25 – 38.

г. ТАРА. НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА
(НИКОЛЬСКИЙ СОВОР В ЦЕНТРЕ)

НИКОЛЬСКИЙ СОВОР НАХОДИЛСЯ
В НАГОРНОЙ ЧАСТИ, БЛИЗ
СПУСКА К РЕЧКЕ АРКАРКЕ, ПРИ
ВПАДЕНИИ ЕЁ В ИРТЫШ НА
БЫВШЕЙ НИКОЛЬСКОЙ УЛИЦЕ,
НЫНЕ СОВЕТСКОЙ

ХРАМ БЫЛ ПОСТРОЕН В 1771–1774 ГГ.
НА СРЕДСТВА ТАРСКОГО КУЩА ЯКОВА ПЕРМИНОВА

ПОКЛОННЫЙ КРЕСТ НА ФУНДАМЕНТЕ
НИКОЛЬСКОГО СОВОРА В Г. ТАРЕ.
2007 Г. ФОТО АВТОРА

Место раскопок 2009 г.

План г. ТАРЫ. МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ ТАРСКОГО КРЕМЛЯ.
1775 г.

РАСКОП ФУНДАМЕНТА БАШНИ ТАРСКОГО
КРЕМЛЯ

НИЖНИЕ ВЕНЦЫ БАШНИ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ КАК ПРЕДМЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

Предметом настоящего исследования является культурный слой, представляющий интерес, с точки зрения археологии, как источник получения определенной исторической информации, а целью – определение правовой природы культурного слоя и правового механизма его защиты от разрушения и уничтожения.

В археологической научной литературе данному предмету посвящено много работ. К сожалению, этого нельзя сказать о юридической литературе. На мой взгляд, такая ситуация сложилась в связи с тем, что отрасль российского законодательства, регулирующая отношения в данной сфере (охраны и использования объектов культурного наследия), практически начинает формироваться¹ в отличие от других отраслей права (гражданское, уголовное, административное, земельное и др.), которым в научной юридической литературе традиционно уделяется большее внимание. Поэтому в настоящем исследовании в правовом плане я буду опираться на нормы российского законодательства и собственный профессиональный опыт работы в государственном органе по охране объектов культурного наследия.

Если в археологии понятие культурного слоя определено достаточно четко: «культурный слой есть исторически сложившаяся система напластований, состоящая в основном из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека. Образование культурного слоя – это медленный и сложный процесс...»², то в юридическом плане оно отсутствует.

В Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) термин «культурный слой» встречается всего один раз в статье 3. При этом законодателем вообще не дается само определение культурного слоя. Не имеется его и в подзаконных нормативных актах, принятых на уровне Российской Федерации.

Недостаток понятийного аппарата в данном случае толкает нас к попытке толкования Федерального закона.

Из абзаца 1 статьи 3 Федерального закона следует, что к объектам культурного наследия относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними предметами материальной культуры, возникшие

в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения археологии и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Ценность культурного слоя как категории и объекта исследования и получения информации, с точки зрения археологии, не подвергается сомнению: «Изучение поселений минувших эпох дает археологу наиболее полные и важные сведения о развитии производительных сил данного общества и о других сторонах его жизни. Все эти сведения черпаются из изучения найденных в земле вещей, раскопанных сооружений, связанных между собой особого рода наслоениями»³.

Вместе с тем законодатель по какой-то причине напрямую не включил культурный слой в перечень объектов археологического наследия. Так, в соответствии с абзацем 3 статьи 3 Федерального закона объекты археологического наследия выступают в качестве разновидности такого вида объектов культурного наследия, как памятники (памятники – ...частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия)). В соответствии с пунктом 8 статьи 45 Федерального закона работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия (археологические полевые работы) проводятся только на основании специального разрешения – открытого листа⁴.

Но, как уже было сказано выше, основным источником информации о культурном слое могут выступать именно археологические полевые работы, и его ценность как объекта культурного наследия может быть определена только исследователем-археологом. Вместе с тем, в соответствии с абзацем 5 статьи 3 Федерального закона законодатель отнес культурный слой в качестве разновидности к такому виду объектов культурного наследия, как достопримечательное место (достопримечательные места – ...культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов), без конкретизации его относительно объектов археологического наследия.

На мой взгляд, данный неконкретный статус культурного слоя вносит некое неудобство, в том числе связанное с определением категории культурного слоя как объекта культурного наследия. В соответствии с абзацем 2 статьи 4 Федерального закона объекты археологического наследия относятся исключительно к объектам культурного на-

следия федерального значения. Таким образом, остается открытым вопрос о категории объекта культурного наследия – достопримечательного места в виде культурного слоя, представляющего интерес с точки зрения археологии.

Вместе с тем, в соответствии с подпунктом «б» пункта 2 Положения об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденным Постановлением Совета министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865 (в соответствии с пунктом 1 статьи 63 Федерального закона данное Положение не отменено и продолжает действовать, но не позднее чем до 31 декабря 2010 г.), участки исторического культурного слоя относятся к памятникам археологии (объектам археологического наследия).

Таким образом, анализ вышеизложенных норм позволяет сделать вывод о том, что достопримечательное место в виде культурного слоя, представляющего интерес с точки зрения археологии, может являться только объектом культурного наследия федерального значения.

С учетом изложенного правовой статус культурного слоя и объектов археологического наследия требует определенной доработки – более четкой терминологии, предполагающей отнесение культурного слоя, представляющего интерес с точки зрения археологии, как к объектам археологического наследия, так и к достопримечательным местам (в том числе в целях исключения возможности неоднозначного толкования данного статуса).

Именно таким образом (в плане определения места нахождения культурного слоя в системе координат относительно объектов археологического наследия) данный вопрос решался в Законе РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (далее – Закон РСФСР), который имел силу федерального закона и регулировал указанные отношения до вступления в силу Федерального закона. В соответствии с абзацем 3 статьи 6 Закона РСФСР к памятникам археологии (объектам археологического наследия) были отнесены городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, лабиринты, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов.

Вместе с тем, законодатель, условно разграничив таким образом виды объектов культурного наследия, на мой взгляд, в некотором смысле ввел в действие «презумпцию охраны» еще не освоенных в научном (археологическом) плане объектов археологического наследия (в том числе культурных слоев) путем возможности придания территориям, на которых они находятся или могут находиться, статуса

достопримечательного места. Это следует из статьи 36 Федерального закона, предусматривающей необходимые мероприятия по сохранности объектов культурного наследия на территориях, подлежащих хозяйственному освоению. В настоящее время на территории Омской области нет ни одного объекта культурного наследия, имеющего такой статус⁵.

Следует отметить, что ранее на территории Омской области «презумпция охраны» действовала в отношении как выявленных и поставленных на государственный учет и охрану объектов археологического наследия, так и не выявленных (еще не известных) объектов, представляющих интерес с точки зрения археологии. В соответствии с одной из редакций статьи 33 Закона Омской области от 3 апреля 1996 г. № 48-ОЗ «Об охране и использовании памятников истории и культуры Омской области», действующей с 2000 г. по апрель 2004 г., было предусмотрено, что отвод (предоставление) земель и земельных участков под строительство, расширение, реконструкцию предприятий и объектов капитального строительства, которые были способны изменить местность, территорию в окружении памятника культуры, а также производство земляных, мелiorативных, сельскохозяйственных, строительных, дорожных и других работ, градостроительная и хозяйственная деятельность могли осуществляться только по предварительному согласованию с государственным органом охраны памятников культуры области после обследования отводимых земель и земельных участков на предмет нахождения на них как ранее выявленных и поставленных на государственный учет памятников культуры, так и неизвестных археологических объектов.

Закон РСФСР позволял на уровне субъектов Российской Федерации регулировать отношения в области охраны объектов археологического наследия, не урегулированные на федеральном уровне. Чем в свое время и воспользовался областной законодатель, введя данную норму⁶. В дальнейшем в связи с изменением федерального законодательства она утратила силу. В настоящее время Федеральный закон такой нормы не предусматривает и не позволяет ее вести на уровне субъекта федерации (в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закона данные отношения могут регулироваться исключительно федеральным законодательством).

Здесь, на мой взгляд, и кроется один из основных «конфликтов интересов» ученых-археологов, обеспокоенных сохранностью объектов археологического наследия и заявляющих о необходимости сплошного обследования территорий, подлежащих хозяйственному освоению⁷, субъектов хозяйственной деятельности, пытающихся осуществ-

лять свою деятельность с наименьшими для себя финансовыми потерями, и государственных органов, стоящих на страже закона. При этом и у первых, и у третьих единая цель – сохранение культурного наследия (в соответствии с абзацем 4 преамбулы Федерального закона государственная охрана объектов культурного наследия является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления).

Таким образом, в настоящее время в рамках действующего законодательства представляется возможным использовать следующие правовые механизмы государственной защиты культурного слоя:

- как части отдельного объекта археологического наследия;
- как самостоятельного объекта культурного наследия⁸.

В первом случае предполагается, что культурный слой находится под государственной охраной как часть объекта культурного наследия (объекта археологического наследия), имеющего статус памятника. Во втором же случае культурный слой может выступать в качестве самостоятельного объекта государственной охраны – достопримечательного места.

¹ Карякин В. В. Современное состояние и перспективы развития правового регулирования сферы культуры // Культура: управление, экономика, право. – 2006. – № 1.

² Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. – Москва, 1980. – С. 25

³ Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. – Москва, 1980. – С. 24.

⁴ Приказ Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 3 февраля 2009 года № 15 «Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия». // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 08.06.2009. – № 23, (вступает в действие с 1 ноября 2009 года).

⁵ Список памятников истории и культуры Омской области, находящихся на государственной охране.

⁶ Борисов А. В., Мельников Б. В. Возможности расширения правовой базы охраны культурного наследия коренных народов Сибири // Сборник материалов IV Сибирского симпозиума «Культурное наследия народов Западной Сибири». – Тобольск, 2001. – С. 261–262.

⁷ Конигов Б. А. Союз археологов: защита славного прошлого от невежества и варварства // Омский археологический вестник. – № 1. – Омск, 2008. – С. 3; Матвеев А. В. Археологическая экспертиза строительных объектов: порядок осуществления, вопросы стоимости // Там же. – С. 8.

⁸ Постановление Администрации Смоленской области от 30 января 2009 года № 36 «О территории выявленного объекта культурного наследия – культурного слоя средневекового города Дорогобужа Смоленской области» // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 10.02.2009. – № 1. – Ч. II. – С. 284 (без приложения № 3).

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Альберт Каримов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ, ОСНОВАННОЕ НА СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Эпиграфом своего доклада я хотел бы сделать следующее высказывание: *«Если культура – это духовный каркас личности, то архитектура – это пространственный каркас культуры»* (а Вио де Люк писал: *«Архитектура – это безжалостное зеркало состояния культуры и экономики нации»*).

Показательно, что во Франции архитектура относится к культуре, а в Италии создано Министерство культуры и градостроительства.

К сожалению, в Омске традиционно недооценивается роль архитектуры в деле формирования духовности, патриотизма, национального самосознания – вечных ценностей, которые вновь провозглашены главными ценностями человечества. В противовес идеологии общества потребления, основанного на либерально-рыночной экономике.

Архитектура – это, прежде всего, носитель культуры своего времени, отражение менталитета нации, выражение принципа гения места. Именно по архитектуре будут судить о нашем времени. В связи с этим уместно привести слова Н. В. Гоголя: *«Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе»* (пример тому – архитектура Месопотамии, которая оставила память о народах, которых сегодня нет: азиатский народ шумеры, семитский народ аккады).

Наше историко-культурное наследие, которое и определяет образ города, формирует его архитектурно-градостроительное достояние – досталось нам от купцов и предпринимателей (Любинский проспект, здания на ул. К.Либкнехта, здания «Треугольника», «Саламандры», склады «Эльворти», машинный зал ТЭЦ-1).

И абсолютным отсутствием культуры отличаются здания, созданные современными предпринимателями (банк Шушубаева, торговые комплексы «Континент», «Лента», «METRO» и т.п.).

Разрабатывая теорию градостроительного проектирования, мы сформулировали термин: историко-градостроительная доминанта, которая должна быть основой разработки любой градостроительной документации (т.е. сохранение и развитие пространства Ермака, Достоевского, Врубеля, Мартынова, Клодта и др.). Пребывание людей в нашем городе, имена которых известны всему миру, должны быть отражены в городской среде: зданиями, топонимикой, памятниками, памятными знаками: например, во многих городах Италии есть копии коней Клодта, установленных на Аничковом мосту.

Своеобразие архитектурных региональных школ определяется прежде всего тем, насколько органично планировочная структура города вписана в природный ландшафт, а принципы Омской архитектурной школы должны основываться на стилистических особенностях историко-культурного наследия и памятников архитектуры.

Уберите Любинский проспект, храмы города, Успенский кафедральный собор с зоной «свободного выстрела», где разместилось зеленое ожерелье бульваров – исчезнет образ города.

Уберите так называемый «Банк Шушубаева», некоторые здания на ул. Маршала Жукова, безликие микрорайоны Левобережья – архитектура города только выиграет.

В современной Омской архитектурной школе (основанной на исторических корнях) необходимо возродить такие фундаментальные понятия, как масштаб, масштабность, пропорциональность, которые потеряны в современной архитектуре (сравните огромные, продуваемые ветрами микрорайоны Левобережья и уютные кварталы Нефтегородка).

В Декларации-обращении Международного союза архитекторов к мировому сообществу сказано: «Признать, что самой возмутительной слабостью современной архитектуры является «теория больших масштабов» (основанная на концепции миллионных городов Ле Корбюзье, в связи с чем приводились слова великого Ф. Л. Райта, сказанные еще в 1958 г.: «...капиталистический город более не является безопасным. Он стал эквивалентом массового убийства»).

Необходимо кардинально изменить градостроительную парадигму и основой Омской архитектурной школы должно стать малоэтажное жилищное строительство.

Еще один постулат Всемирного конгресса МСА (Международный союз архитекторов), который состоялся в Турине в июне 2008 г.: «Осудить появление феномена «вертикальных мегагалактик, основная цель которых – получение сверхприбыли (небоскребы – это эрекция отсутствия здравого смысла, затратности и безопасности)».

Городской ландшафт Омска специфичен тем, что застройка левого и правого берегов Иртыша (главной улицы города) воспринимается панорамно цельным архитектурным объемом (это можно увидеть на видовой площадке в парке Советского округа), а с набережных левого берега, мостов хорошо воспринимается исторический центр.

Поэтому необходим не лес высоток на левом берегу, а высотные акценты единой архитектуры и богатого силуэта (по принципу высотных домов Москвы, расположенных на семи холмах и формировавших «интерьер» городского пространства).

На правом берегу недопустимо размещать высотные акценты. Этими акцентами должны быть возрожденные храмы (Ильинская церковь, Воскресенский собор, Успенский собор, Крестовоздвиженская церковь). Выше этих пространственных доминант строить нельзя.

Подтверждением тому, что Омская архитектурная школа должна быть основана на сохранении и развитии исторических корней, служит главный вывод, сделанный Всемирным конгрессом Международного союза архитекторов: «Необходимо сделать вызов глобализации духа и архитектурных стилей, сохранять и развивать свои различия, не забывать свою самобытность, выражая в архитектуре национальные корни, именно различиями мы интересны друг другу (продвижение вперед всегда предполагает возвращение назад). В современной архитектуре нет своего лица, она анонимна, холодна, агрессивна и воспринимается как «большая архитектура». Вывод: «Нужны архитекторы, которые, игнорируя моду, добровольно волокут ярмо великой традиции и обеспечивают комфорт сожительства людей с постройками».

Сегодня весь потенциал историков, культурологов, археологов, краеведов, архитекторов должен быть направлен на возрождение Омской крепости и разработки сценария возрождения исторической среды города в целом, который необходимо утвердить на уровне Законодательного собрания.

Основой формирования Омской архитектурной школы является решение следующих вопросов:

1. Необходимо принципы архитектурного ансамбля и сохранения исторической среды заложить в зонах особо охраняемых территорий.

2. Обеспечить подготовку специалистов-архитекторов, для которых Омск – родной город, т. е. зодчих, имеющих родительские корни и обладающих «генной памятью».

3. Развивать и совершенствовать архитектурную критику.

Омская архитектурная школа должна развить лучшие архитектурные традиции, которые реализованы в современных постройках: здания Сбербанка, Торгового центра, Пенсионного фонда, офиса на пересечении улиц Пушкина – 10 лет Октября, некоторых жилых домов по ул. Масленникова и маршала Жукова.

КИРХА ВО ИМЯ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВТОРОЙ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

*Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.*

Ф.И. Тютчев, «Лютеране в России»

В России Евангелическо-лютеранская церковь существует с 1576 г., когда в Москве была открыта первая лютеранская часовня. К 1917 г. церковь объединяла уже более семи миллионов лютеран и реформатов.

Лютеранство появилось в России почти одновременно с его возникновением в Западной Европе. Великий князь Василий, налаживая связи с европейскими соседями, приглашал в Россию ремесленников, торговых людей и аптекарей. Эту традицию продолжил и Иван Грозный. Среди шведов и немцев было много лютеран. Им было разрешено свободно исповедовать свою веру, в отличие от католиков. В лютеранах русские цари видели союзников Православной церкви, так как они боролись с католичеством. Пленные немцы и шотландцы, расселённые по разным российским городам после Ливонской войны, получили от царя право свободного исповедания своей веры.

Самым благоприятным для протестантов было царствование Бориса Годунова, в центре Москвы на его деньги построили церковь, куда пригласили проповедников из Германии. В период Смуты положение лютеранской общины стало неустойчивым. В царствование Михаила Федоровича лютеране получают разрешение на строительство нового храма, который в благодарность называют Михайловским. Число протестантов в Москве постепенно увеличивается, и к концу царствования Михаила Романова в городе уже насчитывается тысяча семей лютеран и реформатов.

Новый этап в развитии лютеранства наступает в России с правлением Петра I. С его именем историки связывают наплыв иностранцев и европейских идей. В 1721 г. царь разрешил лютеранам свободно исповедовать свою веру. К этому моменту уже насчитывалось 13 лютеранских приходов. Приглашая в Россию иностранных ученых, инженеров, военных, он невольно расширял географию российского лютеранства.

При Екатерине II число лютеран существенно увеличилось, так как императрица привлекла немецких крестьян для освоения Поволжья. «Всем иностранцам дозволяем в империю Нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех наших губерниях», – записала Екатерина II в своем манифесте в 1763 г.

Официальное признание государства лютеранская церковь получила в 1832 г. и была зарегистрирована как Евангелическо-лютеранская церковь в России. По данным статистики за 1904 г., она имела 287 храмов и окормляла более миллиона человек. Лютеранская церковь в России подразделялась на немецкую, финскую, шведскую и эстонскую общины.

Советский период

После 1917 года лютеранская церковь разделилась. Одни пасторы не приняли советскую власть, активно участвовали в борьбе с ней и были уничтожены. Другие эмигрировали или были высланы (этому способствовало отделение Финляндии и Прибалтики).

Во времена нэпа по отношению к лютеранской церкви не проводилось никаких силовых мер, но её деятельность жёстко контролировалась. Затем для лютеран, как и для православных и католиков, наступили тяжелые времена. 1928–1937 гг. были периодом жестоких репрессий, когда многие священнослужители были арестованы и либо расстреляны, либо умерли в лагерях. В 1927 г. было 114 лютеранских пасторов, в 1934 г. – 45, в 1936 г. – 8, а к концу 1937 г. – ни одного.

Со священников государство переключилось на целые народы. Первыми пострадали финны, жившие к северу от Ленинграда: в 1937 г. их депортировали в Среднюю Азию.

В 1940–1941 и 1943–1944 гг. в Сибирь ссылались латыши и эстонцы. В августе 1941 г. насильственному выселению в Сибирь и Казахстан подверглись российские немцы. Выжившие лютеране ушли в подполье. Они собирались на кладбищах и по домам под видом семейных торжеств. Чаще всего проповедовали миряне, но было и несколько пасторов, которым удалось пережить тюрьмы и ссылки. Однако всё это происходило нелегально, основная масса верующих была лишена главного – участия в таинстве Святого Причастия.

Лютеранская церковь была воссоздана в 1991 г. Существующая в настоящее время Евангелическо-лютеранская церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии – «неконфессиональная» лютеранская церковь немецкой традиции – представляет собой сообщество связанных друг с другом региональных церквей, которые состоят из региональных пропств, в которые входят общины и группы.

Сибирская Евангелическо-лютеранская церковь – автокефальная лютеранская Церковь, приходы которой находятся на территории азиатской части России. В мае 2003 г. она получила автокефалию от Эстонской Евангелическо-лютеранской церкви. Развитие церкви началось в нескольких городах и посёлках Сибири и Урала почти одновременно и независимо друг от друга. В 1992 г. она была зарегистрирована в Новосибирске как Западно-Сибирская Христианская миссия. 6 мая 2007 г. в Кафедральном Домском соборе св. Девы Марии в Таллине состоялось поставление первого сибирского епископа Всеволода Лыткина.

Омск

Первая шведская кирха в Омской крепости была возведена вскоре после ее основания. В связи с отъездом военнопленных на родину, после заключения Ништадтского мира в 1721 г., кирху упразднили. В ее здании разместилась канцелярия крепости¹. Строительство в середине XVIII века Пресногорьковской и Кольвано-Воскресенской оборонительных линий привело к увеличению числа военнослужащих-лютеран, что создало предпосылки для возникновения лютеранских приходов в гарнизонах. Командир Сибирского корпуса генерал-лейтенант И. И. фон Шпрингер, назначенный в 1763 г., пригласил на службу в Омскую крепость уроженца Данцига, учителя лютеранской школы в Москве кандидата богословия Иоганна Даниеля Гутмахера (Hutmacher), который прослужил в крепости до 1769 г.²

Каменная лютеранская кирха во имя святой Екатерины на 100 мест была построена в 1790–1792 годы на восточной стороне площади плац-парадов в Омской крепости при генерале Г. Э. фон Штрандмане³, на добровольные пожертвования военных⁴.

Первой публикацией по истории омской кирхи и эволюции ее архитектурного облика является работа автора исследования 1998 г.⁵. Организация духовной жизни лютеран Сибири и хроника событий (XVIII век – 1919 г.) описаны историком И. В. Черказьяновой в статье, опубликованной в «Известиях Омского государственного историко-краеведческого музея» в 2000 г.

Кирха

Здание в стиле барокко прямоугольное в плане с большим полукруглым алтарем. Главный фасад, выходящий на крепостную

площадь, имеет центрально-симметричную композицию: посередине ризалит, прорезанный тремя арочными окнами с пилястрами между ними и завершенный фронтоном, боковые части имеют по два арочных окна, углы здания округлены и раскрепованы пилястрами. Вход в кирху был с южной стороны и первоначально имел портал с колоннами, позднее – высокое крыльцо с парапетом из фигурной решетки и козырек с изящными кронштейнами из кованого металла. До конца XIX века над зданием возвышалась барочная восьмигранная башенка с куполом⁶. В 1906–1908 гг. с южной стороны крыши возвели готическую башенку⁷, которую разобрали в 1970-е гг.

По распоряжению военного министра, с 1837 г. содержание лютеранской церкви и церковных строений возложено на Омскую инженерную команду⁸. В усадьбу входил пасторский дом, перестроенный в XIX веке. Благодаря деятельности пастора Н. Блюмберга и почетного попечителя барона М. А. Таубе в 1899 г. капитально отремонтировано здание пастората на средства казны и приобретен орган за 350 руб.⁹ В 1901 г. было принято постановление военно-окружного совета Сибирского военного округа о прекращении работ по ремонту здания лютеранской кирхи за счет средств военного ведомства в связи с утратой церкви значения военной после ликвидации крепости¹⁰. Через три года Император утвердил ходатайство МВД о безвозмездной передаче земли в бывшей Омской крепости и строений на ней лютеранскому приходу Омска¹¹.

Пасторы

12 августа 1808 г. Министерство внутренних дел известило Сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля о разрешении императора ежегодно отпускать по 3300 руб. из государственной казны на содержание католических и лютеранских священников¹². Служба пастора в Сибири требовала большого мужества и самоотверженности, так как их приходы простирались на тысячи верст. В 1818 г. дивизионный пастор Сибирского отдельного корпуса Роберт Иоганн Валтер, проживавший в Омске, исполнял свой священнический долг в Тобольске, Ишимском уезде, Кольвано-Воскресенских заводах, Томске. В конце года он подал прошение о переводе его «к финским поселянам в Ишимском уезде по благоволению и привязанности тамошнего прихода», на что получил разрешение из Министерства Духовных дел и народного просвещения в мае следующего года. До 1838 г. он служил в колонии с. Рыжково¹³. С этого же года омский пастор начал исполнять обязанности Первого в Западной Сибири лютеранского дивизионного проповедника¹⁴.

В 1861 г. в городе проживало 89 лютеран¹⁵. В 1868 г. Император утвердил положение Военного Совета об упразднении должности Первого дивизионного лютеранского проповедника, а его обязанности возложил на Тобольского губернского проповедника¹⁶.

Во время путешествия по Сибири знаменитые немецкие ученые А.-Э. Брем и О. Финш посетили Омск в 1876 г. Здесь они познакомились с пастором Миквицем, происходившем из остзейских немцев, учителем немецкого языка в военной гимназии Кури и главным доктором военного госпиталя Дитрихсом¹⁷.

В 1885 г. Капеллан Кимитосского прихода Абоской губернии Иоаннес Гране, назначенный сенатом Финляндии пастором финских колоний в Сибири, выехал в Омск¹⁸.

В 1889 г. Главный штаб возбудил вопрос об упразднении в Сибирском военном округе должностей лютеранского дивизионного проповедника и кистера ввиду малочисленности лютеран-военно-служащих¹⁹. Через два года решением МВД должности лютеранского проповедника и его кистера, причисленных к штабу Омского военного округа, упразднены²⁰.

При поддержке Вспомогательной кассы в 1896 г. стало возможным содержать вместо одного двух пасторов, поэтому были объединены приходы Тобольск и Рыжково с местом пребывания пастора в Тобольске, а Омск – с колониями на реке Оми с местом пастора в Омске²¹. В 1898–1899 гг. в Омске уже была церковная школа, учитель находился на содержании Вспомогательной кассы лютеран²².

Приход

Прихожанами храма были многие выдающиеся государственные и местные деятели. Например, генерал-губернатор Западной Сибири с 1851 по 1861 годы Густав Христианович Гасфорд (1794–1874) – герой войны 1812 года, участник военных кампаний на Кавказе, в Польше и Австро-Венгрии. Во время его правления в Сибири были присоединены Заилийский край и другие обширные территории, произведены преобразования в Сибирском казачьем войске, водворено около 80000 переселенцев из Европейской России, построено около 200 церквей, открыто множество учебных заведений²³.

Лютеранами были известные омские архитекторы Фридрих Фридрихович Вагнер (1821–1876) и Эдуард Иванович Эзет (1838–1892)²⁴. В 1890 г. в церковный совет входили степной генерал-губернатор М. А. Таубе, городской голова – Э. И. Эзет, позднее акмолинский губернатор генерал от кавалерии Е. О. Шмидт, генерал Лассе-

ниус и другие²⁵. В 1903 г. пастором являлся Н. Блумберг, кистером Андрей Бем. Церковный совет в 1908 г. возглавлял провизор Ф. А. Розеншлентер. Община участвовала в деятельности Красного Креста²⁶. В 1909 г. в приходе состоялись выборы председателя церковного совета. Вместо выбывшего Ф. Розеншлентера избран акцизный ревизор барон Берг²⁷. В том же году последовало разрешение попечителя учебного округа на открытие при кирхе Св. Екатерины частного училища²⁸.

22 августа 1909 г. при кирхе открыли школу, заведующим был кистер-органист Карл Фридрихович Пуфаль, законоучителем – пастор Константин Францевич Кох²⁹.

С сентября 1909 г. было принято решение о преподавании Закона Божьего лютеранского исповедания в гимназии. В Первой женской гимназии законоучителем лютеранского вероисповедания был К. Ф. Кох³⁰. Он оставался на этой должности до 1914 г.³¹.

На рубеже XIX–XX веков происходила колонизация Сибири лютеранами из западных губерний. С 23973 лютеран (1897), вследствие переселения латышей, эстонцев, финнов и немцев, число их увеличилось к 1911 г. и достигло в Сибири 57676 человек и в Средней Азии 45905, это 0,5 % всего населения. Отметим, что Омская кирха находилась в Акмолинской области, где количество лютеран в течение 13 лет (1897–1910) увеличилось с 5145 человек (0,75 % населения) до 29038 (2 %) за счет переселенческого движения³². С 1897 по 1914 г. немецкое население Омска, среди которого было много лютеран, увеличилось с 437 до 3400 человек.

Изменения в облике здания связаны с особенностями национальной самоидентификации лютеран. Поэтому неслучайна замена интернационального стиля барокко в формах башенки на готический, так как последний казался прихожанам более «немецким».

Кирха в советский период

15 августа 1920 г. здание кирхи было муниципализировано³³. 28 сентября 1921 г. евангелическо-лютеранская церковь вместе с имуществом была передана в аренду общине верующих, состоявшей из 45 человек³⁴. По официальным данным за 1927 – 1928 гг., в общине было 87 (56) прихожан³⁵.

В 1930-м г. произошло изъятие книг: «по распоряжению Омского Городского Административного Отдела Исполнительный орган Омской Евангелическо-лютеранской общины передает старые книги, находившиеся до тех пор в лютеранской церкви, в архив». Передача произошла 9 декабря за подписью Л. Коха, в списке указаны 133 книги на немецком

языке³⁶. В начале 1930-х гг. кирху закрыли. Башенка на крыше здания была разобрана. В деле «Документы... об охране памятников старины, искусства и быта» в списке памятников указана и кирха³⁷.

В 1972 г. здание кирхи реконструировано и соединено пристройкой с домом культуры им. Ф. Э. Дзержинского. С 1977 г. в нем находится музей Управления внутренних дел по Омской области³⁸. Здание было взято на государственный учет как памятник архитектуры решением Омского областного исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся № 239/10 от 26.06.80.

¹ Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960. – С. 8.

² Черказьянова И. В. Организация духовной жизни лютеран Сибири: хроника событий (XVIII в. – 1919 г.) // Известия ОГИК музея. – Омск, 2000. – № 8. – С. 211.

³ РВИА Ф. 349. Оп. 27. Д. 1074.

⁴ РГИА Ф. 821. Оп. 5. Д. 526. Л. 19.

⁵ Лебедева Н. И. Лютеранская община и кирха во имя Святой Екатерины в Омске // Протестантизм в Сибири: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Протестантизм в Сибири». – Омск: ТОО «Полиграф», 1998. – С. 64–67.

⁶ ОГИК Музей. Фотофонд. Альбом Дрейлинга. – № 1. – Фото 15.

⁷ ЦГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8295. Л. 87; ОГИК Музей. Фотофонд. Альбом Дрейлинга. – № 1. – Фото 16.

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 526. Л. 21.

⁹ Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 220; РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 21. Л. 51 об.–52.

¹⁰ Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 221; РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Л. 526. Л. 7 об.

¹¹ Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 221; РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Л. 526. Л. 21.

¹² Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 212; РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Л. 303. Л. 8.

¹³ Лебедева Н. И. Лютеранская община и кирха во имя Святой Екатерины в Омске // Протестантизм в Сибири: история и современность. – Омск, 1998. – С. 65.

¹⁴ Черказьянова И. В. Организация... – С. 213; Gernet A. Geschichte der Allerhochst bestatigten Unterss-tutzungskasse fur evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. – St.-Petersburg, 1909. – S. 197.

¹⁵ Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirehen- und Schulwesens der evangelisch lutherischen Gemeinden in Russland. – St.-Petersburg, 1862 – S. 265.

¹⁶ ПСЗ. Собр. II. Т. XLIII. № 45805.

¹⁷ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь Д-ра О. Финша и А. Брема. – М., 1882. – С. 57, 60.

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 103. 112. 182.

¹⁹ ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 452. Л. 1.

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Л. 1500. Л. 18.

²¹ Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 219–220. Die evangelisch-lutherischen Gemeinde in Russland. – St.-Petersburg, 1909. – S. 90; Gernet A. Geschichte... – S. 201.

²² Черказьянова И. В. Указ соч. – С. 220. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Л. 20. Л. 95.: Д. 21. Л. 57.

²³ Вилбе П. П. Михеев А. П. Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – С. 56–57.

²⁴ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 14. Д. 2. Л. 193; ГАОО Ф. 3. Оп. 6. Д. 10023. Л. 133–138.

²⁵ ГАОО Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Т. 1–3. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАОО. Ф. 80. Оп. 1. Л. 1. Т. 1. Л. 26.

-
- ²⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 7, 69
- ²⁹ Весь Омск. – 1912. – С. 65; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467.
- ³⁰ Весь Омск. – 1912. – С. 44.
- ³¹ Памятная книжка Акмолинской области на 1909 г. – Омск, 1909. – С. 149; то же на 1912; 1913; 1914 гг. – С. 61; 63; 46.
- ³² Азиатская Россия. – С. 241–242.
- ³³ ГАОО. Ф. Р 27. Оп. 1. Д. 201. Л. б.н.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 160–163.
- ³⁵ ГАОО. Ф. Р 437. Оп. 6. Д. 294. Л. 56 об.
- ³⁶ ГАОО. Ф. Р 21. Оп. 1. Д. 159.
- ³⁷ ГАОО. Ф. Р 1076. Оп. 1. Д. 206. Л. 126.
- ³⁸ Омская правда. – 1977. – 8 нояб.

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ
КИРХИ (ТРЕХМЕРНАЯ МОДЕЛЬ АВТОРА)
2007 г.

Кирха. Фото
конца XIX в.

ЛЮТЕРАНСКАЯ КИРХА, 1910 г. (ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА)

ИЗ ИСТОРИИ ЗДАНИЙ ПОЖАРНОЙ КАЛАНЧИ В ОМСКЕ В XIX – XX ВВ.

В любом городе Российской империи, вплоть до уездных, были государственные пожарные команды, или, как их тогда называли, пожарные части. Чаще всего они совмещались на одной территории с полицейскими частями, так как пожарные и полиция находились в ведении Министерства внутренних дел.

В столичных и крупных европейских городах России они были лучше оснащены, имели наемный состав:¹ в малых городах основную «противопожарную силу» составляли добровольные пожарные дружины, которые комплектовались из числа местных жителей, прошедших элементарную подготовку. В отдаленных приграничных областях Империи имелись определенные трудности с финансированием команд из местного бюджета, который, как правило, был весьма ограничен. Следовательно, было невелико и число состоятельных местных жителей, способных сформировать и оснастить пожарные дружины.

Пожарные части размещались во всех районах города равномерно. Часть представляла собой целый городок с обязательной вышкой (чаще каменной), с конюшнями и амбарами для фуража, обозными сараями, казармами для наличного состава с семьями. Посреди двора стоял столб с сигнальным колоколом, который с помощью верёвки сообщался с каланчой.

На смотровой площадке каланчи круглосуточно дежурил пожарный, высматривая, не появился ли где подозрительный дым. Тогда пожарный звонил в сигнальный колокол. На коромысле каланчи он поднимал шары, число которых соответствовало номеру части, где случился пожар.² Если пожар был очень сильный, то с другой стороны коромысла вывешивался красный флаг – сигнал к сбору всех пожарных сил города. Ночью вместо шаров вывешивались фонари: шар – белый фонарь, флаг – красный фонарь.

В Петербурге на каланчах вывешивались также сигналы о наводнениях и о морозах ниже 20 градусов.³ Другим применением каланчи было то, что в ней сушили пожарные «рукава» после пожара, развешивая их внутри башни. На первом этаже в постоянной готовности находилась паровая машина для накачки воды.

До революции пожарный транспорт был конный, только перед Первой мировой войной в столицах (в Москве – с 1908 г.)⁴ стали появ-

латься пожарные автомобили, не намного превосходящие по скорости лошадей. В провинциальных командах чаще всего были гужевые ходы с бочками для воды, которую пожарным приходилось возить с собой, так как водопровода на окраинах (а в Омске – вплоть до 1915 г.) не было. Особенно затруднительным было тушение пожара в зимнее время, когда не работали водозаборные колонки, замерзали рукава.

Воникновение пожарной службы в Омске

Заложенная в 1716 г. первая Омская крепость была целиком деревянной (кроме Ильинской церкви и одного 2-этажного частного дома). Её преемница, вторая крепость, на правом берегу реки Оми, также была выстроена в основном деревянной, с немногочисленными каменными зданиями. Тушение нередких возгораний в крепости производилось своими силами. Наблюдательной вышкой, по-видимому, служила башня на здании гауптвахты – одном из самых высоких в крепости.

К концу XVIII века в Омске существовали крепостная и войсковая казачья пожарные команды. Гражданская пожарная команда отсутствовала в связи с немногочисленностью населения форштадтов. Необходимость в создании таковой, и вообще в реорганизации пожарного дела в городе возникла после двух опустошительных пожаров 1819 и 1823 гг., начавшихся в крепости.

В мае 1825 г. Совет Главного управления Западной Сибири ходатайствует перед первым Западно-сибирским генерал-губернатором П. М. Капцевичем об организации в Омске полицейской и гражданской пожарных команд. Самым разумным виделось создать две пожарные команды – одну в крепости, подчинив ей и войсковую казачью, другую в городе. Однако этому воспротивилась военная администрация, указывая на возможную путаницу из-за разных «источников финансирования» команд. Несмотря на недвусмысленно выраженное мнение П. М. Капцевича о том, что *«для всегдашней готовности полезным нахожу все пожарные команды и инструмент иметь при общей городской полицейской управе. Главный же над всеми командами и инструментом надзор поручить городничему»*,⁵ пожарные команды в крепости и войске, и так основательно устроенные, остались в неприкосновенности.

Первая пожарная часть

Для полицейского управления и пожарной части в 1826 г. был назначен к выкупу в казну⁶ дом полковницы Безносиковой, *«который*

существует в самой середине города». В 1827 г. над ним возвели пожарную каланчу.⁷

Однако приобретение в казну дома задержалось до 1832 г.,⁸ когда был окончательно определен источник финансирования городской команды «из земского сбора по Западной Сибири, по недостатку городских доходов». На местные власти возлагалась обязанность всемерной экономии и «лучшего устройства пожарной части».⁹

Организацией полицейской команды Омска занимался полковник Безносиков, командующий 1-й пехотной бригадой, вербовавший новых полицейских служителей из нижних чинов инвалидной команды.¹⁰ Огнегасильные машины вместе со специалистами были выписаны из Московских пожарных частей; приездом пожарным за усердную службу были присвоены унтер-офицерские чины.¹¹ Полковник Безносиков, вероятно, содействовал покупке дома своей жены в казну.

Дом 1-й пожарной части более известен в краеведческой литературе как дом полицейского управления. Фотографии этого дома часто публикуются в популярной литературе, однако нигде не указывается, что дом был *частным*, построенным не позже 1822 г. и не ранее 1819 г.¹²

Дом стоял действительно в центре тогдашнего Омска, позади Ильинской церкви и гостиного двора, в переулке между улицами Полицейской (*Думской*) и Томской (*Лермонтова*). Переулок впоследствии получил название Костюринского, а в начале XX века – улицы Ядринцева. Дом был высоким, в полтора этажа с мезонином, встроенная пожарная каланча сделала его доминантой форштадта. Облик дома резко отличался от господствовавшего в Омске типа жилого дома; он напоминал московские «послепожарные» ампирные особняки и, вероятнее всего, был выстроен по образцовому проекту.

В 1864 г. пожарная каланча была отремонтирована по проекту городского архитектора Ф. Вагнера. В 1895 г. здание было капитально перестроено с изменением декора фасадов в русском стиле, была увеличена высота каланчи. В 1906 г. в каменном подвале («каталажке») содержались члены Омский организации РСДРП(б), среди которых был и В. В. Куйбышев.¹³

По первоначальному назначению здание использовалось до середины 1960-х гг., пока не было снесено при строительстве Музыкального театра.

Вторая пожарная часть на ул. Александровской

В середине XIX века в Омске насчитывалось более 10 тыс. жителей. Быстро росла правобережная часть города – форштадты Кады-

шевский, Бутырский. Необходима была вторая пожарная часть на правом берегу реки Оми.

Организованная в середине XIX века пожарная часть помещалась «в центре городской части, в частном наемном доме». Предложение перевести 2-ю пожарную управу в здания упраздненного в 1859 г. тюремного острога не встретило понимания коменданта крепости и городского архитектора Ф. Вагнера.

Вагнер, хоть и составил смету на переустройство острога, но высказал сомнение в целесообразности этого из-за ветхости построек и поэтому сомнительной экономии средств. Постройка специализированного здания была отложена «до увеличения городских доходов».¹⁴

После пожара 1 декабря 1868 г. в военном госпитале Омская городская дума рапортовала в Тобольское губернское правление о попорченных вещах пожарного обоза.¹⁵

Пожарная часть была организована в начале 1870-х гг.¹⁶ на улице Александровской (*Интернациональной*), в ряду других общественных зданий. Расположение её именно здесь было удобно тем, что улица была обращена к ещё незастроенной эспланаде,¹⁷ обеспечивая хороший обзор местности.

Характер застройки этой улицы был задан домом для Областных присутственных мест (Главного управления Западной Сибири, 1836 г.). Немногочисленная частная застройка улицы постепенно выкупалась городом под учебные или лечебные учреждения. Так, дом под уездное училище был куплен в 1858 г., дом статской советницы Анненковой,¹⁸ на углу Тарской улицы, был приобретен в 1859 г. под городскую больницу,¹⁹ а с переходом последней в собственное здание был приспособлен под женскую прогимназию.²⁰

В квартале между улицами Тарской и Бутырской (Герцена), направо от дома Анненковой, еще в 1820-е гг.²¹ были выстроены дома Тобольского приказа общественного призрения,²² в которых позднее разместились поселенческая рота.

В начале 1870-х гг.²³ в эти здания перешла 2-я полицейская управа с пожарным обозом. В 1870 г. из запасного городского капитала «выдано 932 руб. куту Курганскому на постройку новой казармы для полицейских и пожарных служителей».²⁴ К 1874 г. все постройки, видимо, были закончены, так как они перешли в собственность города.²⁵

Позади пожарной части, на ул. Марининской (*Коммунистической*), в 1888 г. по проекту областного архитектора В. К. Гейде был выстроен арестный дом.²⁶ Таким образом, налицо если не непосредственное размещение полиции и пожарных в одном здании, то практически одновременное существование их поблизости друг от друга.

Деревянная каланча

При 2-й частной пожарной управе имелась деревянная каланча, высотой 20 аршин (14,2 м).²⁷ Её первое изображение относится к 1870 г.²⁸

К началу XX века деревянные постройки 2-й пожарной части пришли в ветхость, особенно каланча, которая *«сгнила, осела в углах и имеет подставки под потолки»*.²⁹ Обследование пожарных частей, произведенное гласными Думы и городским архитектором Горбачевым в 1908 г., показало, что *«каланча очень старая и прежде качалась при каждом ветре. Теперь она укреплена внутри балками, а снаружи столбами, но даже и сейчас качается при сильном ветре. Лестница наверх крутая. Площадки очень малы. Каланча слишком низкая. Пожарные придумали стремянку, ведущую на крышу, перил на ней нет. Для поднятия на самую крышу к гребню привязана верёвка, по которой карабкается подчасок. В дождь лестница скользкая»*.³⁰

Кроме того, и условия проживания пожарных были признаны антисанитарными. В соответствии со спецификой работы пожарные должны были постоянно проживать на месте службы, чтобы иметь возможность немедленно собраться по сигналу тревоги. В имеющихся казармах каждая семья занимала один угол, отгороженный ситцевыми занавесками. В одноэтажной казарме жило 9 семей из 32 чел., во второй – 12 семей из 40 чел.

Было решено существующий на ул. Александровской участок отвести под 3-ю полицейскую часть, а оставшееся пространство отвести под новые постройки пожарной части.

Начало 1910-х гг. в городе ознаменовалось пожарами весьма значимых зданий – театра в декабре 1910 г.,³¹ дома М. Шаниной на Любинском проспекте,³² гостиницы «Россия». Анализируя все обстоятельства, члены городской управы пришли к неутешительному выводу – работа пожарных команд неудовлетворительна. К горевшему театру команда прибыла через 45 минут, к дому Шаниной – через 40 минут. У прибывших к гостинице «Россия» команд пожарные рукава оказались неисправными и слишком короткими, чтобы достать до горевшей кровли 3-этажной гостиницы. Кроме того, рукава на 15-градусном морозе действовали только 2 часа, затем перестали пропускать воду, а запасных не оказалось.³³

Вышеперечисленные пожары на крупных зданиях города, в том числе на городских, вынудили Думу предпринять конкретные шаги к улучшению пожарного дела. В марте 1912 г. Думой были изданы постановления о пожарной безопасности, которыми было предусмотрено строительство только каменных зданий на крупных магистралях горо-

да. Изменения коснулись и проекта переустройства 2-й пожарной части. Если в 1908 г. власти желали обойтись возведением деревянной каланчи с использованием старого материала, хоть и по другим размерам,³⁴ то к июлю 1912 г. необходимость строительства капитальной каменной каланчи стала очевидной.³⁵ Смета на неё, составленная городским инженером И. Г. Хвориновым, составила 7408 руб.

Торги по заявленным ценам 10 августа 1912 г. не состоялись из-за неявки желающих. 24 августа явившиеся на повторные торги подрядчики М. А. Кузнецов, А. С. Яковлев, Г. Д. Шичков, Шитко, Мошкин, Кулолаев от принятия подряда по сметным ценам отказались.³⁶

28 августа в городскую Управу поступило заявление Товарищества «Подряд» о желании взять подряд, кроме строительства каланчи, но за 6660 руб. вместо сметных 5786 руб. И. Г. Хворинов, которому управа передала это заявление, заключил, что при отсутствии свободной рабочей силы можно согласиться с предложенными условиями. Но раздробление подряда, в свою очередь, не устроило Управу, и торги было решено перенести на следующий год ввиду окончания строительного сезона. В оставшееся время Управой были заказаны выдвижная пожарная лестницы французского типа, двухколенная, длиной 18 аршин, и паровая машина в «Акционерном обществе машиностроительных заводов Густава Листа», в Москве.³⁷

Но и в 1913 г. на торги 28 марта не явились желающие. Управа была вынуждена пересмотреть смету и «исправить её согласно современным справочным ценам». Городскому архитектору П. Ф. Горбачеву было поручено, *«если в текущем году не представится возможным построить каланчу, то доложить соображения о необходимом ремонте каланчи»*.

В 1913 г. Горбачев пересмотрел все сметы Хворинова в сторону увеличения сумм. Кроме того, по сравнению со сметой Хворинова, Горбачев увеличил глубину заложения фундаментов под лестницей – против 1 аршина – 0,5 сажени (*с 71 см до 1,06 м – Ред.*), заменил в перекрытиях ребристые своды Монье на плоские железобетонные.

По не вполне ясным причинам строительство каланчи и в 1913 г. не состоялось. В смету городских расходов на 1914 г. были внесены 10107 руб. на постройку каланчи.

*Строительство каменной каланчи
по ул. Александровской*

19 апреля 1914 г. состоялись торги, которые выиграл крестьянин Нижегородской губернии Михаил Андреевич Кузнецов, предложивший

наименьшую цену – 12900 руб. за все постройки.³⁸ 29 апреля с Кузнецовым был заключен договор, по которому Кузнецов был обязан приступить к работам через 3 дня, а все работы закончить к 1 сентября 1914 г. Материал и доставка его – от подрядчика. Пускать в дело материал можно было только после осмотра его членом Управы (П. Б. Яшеровым) и архитектором. Последние имели право в любой момент останавливать работы и составлять акты о ненадлежащем исполнении работ.

19 июня 1914 г. в Городскую управу поступило заявление от архитектора П. Ф. Горбачева о необходимости увеличения проектной высоты каланчи, которая составляла 28 аршин и 5 вершков (около 20,1 м). Горбачев обращал внимание управы, что с 1908 г. в городе построено немало высоких зданий – 3-этажный дом АО «Эльворти», «Саламандра», дом Печокаса. Строился 2-этажный торговый корпус, были отведены участки Обществу «Треугольник», «Тверской мануфактуры», Г. Е. Грязнову под 4-этажный кинотеатр и многие другие³⁹. Горбачев предлагал увеличить высоту каланчи по крайней мере ещё на 1,4 сажени (3 м), т.е. на высоту жилого этажа среднего дома,⁴⁰ что повлекло бы удорожание работ на 631 руб. Горбачев прилагал новую смету на все работы, составленную 18 июня.⁴¹

Горбачев просил не замедлить с решением этого вопроса, так как каменщики уже приступили к выкладке круглой части каланчи. Городская управа на заседании 30 июня рассмотрела отношение архитектора и признала необходимым повышение каланчи на 1,4 сажени. Дума утвердила данное решение о выделении нужной суммы только 19 августа 1914 г.⁴²

Из-за военного времени задержалось отправление в Омск пеногонной трубы от АО «Машиностроительные заводы Густава Листа», чертеж которой был прислан в Омск только 26 сентября.

Не обошлось без дополнительных работ. 7 марта 1915 г. на верхней площадке каланчи повышены перила (вместо 1 аршина 5 вершков – 1,5 аршина – т.е. 1 м). Залиты свинцом железные столбики.⁴³

Условия договора с Кузнецовым были пересмотрены 10 апреля. Все работы необходимо было сдать 1 июня 1915 г. Однако и 15 июля каланча не была готова, несмотря на угрозы Кузнецову отстранить его от подряда (Пока не удалось установить причину и время изготовления яблока в основании шпиля, вместо решетки).

28 августа 1915 г. приемочная комиссия отметила:

«Каланча [...] сделана во всем согласно планов, смет и контракта от 26 апреля 1914 г. Работы признаны сделанными удовлетворительно и из доброкачественных материалов». Одновременно было замечено отсутствие в квартире брандмейстера необходимых

кладовок, не предусмотренных планом, которые комиссия постановила сделать сверхсметно, в двух местах: одну на 3-м этаже при начале винтовой лестницы, вторую на 1-м этаже, под лестницей. Также перед воротами потребовалось сделать дощатый выезд 2,2 саж. х 2,55 саж. на лагах. Правда, Кузнецов сделал одну кладовку из теса в одну доску с простой дверью на шпонках. Вряд ли его стоит в этом упрекать, так как кладовки не были запроектированы изначально.

11 сентября Кузнецов доложил Управе об окончании им работ.⁴⁴ 22 сентября управа рассмотрела Акт осмотра и приемки работ от М. А. Кузнецова и отчет городского архитектора о проведенных работах.⁴⁵ 24 сентября 1915 г. с подрядчиком был произведен окончательный расчет и возвращен денежный залог.

Каменная каланча в советский период

В начальный советский период каланча использовалась по назначению. На одной территории по-прежнему располагалась и пожарная часть с каланчей и квартирой брандмейстера и амбулатория № 1 Губздрава.⁴⁶

В 1930 г. по адресу: ул. Интернациональная, 31 по-прежнему была 2-я пожарная часть с коммутатором, а также диспансер по изучению профессиональных болезней.⁴⁷

В 1936 г. по улице Интернациональной были проложены трамвайные пути; выезд машины из ворот каланчи стал неудобен. С этого же года пожарные команды перешли с конной тяги на автомобили.⁴⁸ Каланча по-прежнему использовалась как наблюдательная вышка.

В 1937 г. она перешла в пользование Управления пожарной охраны по постановлению Омского облисполкома. В 1957 г. каланча была оценена в 39.193 руб., при этом отмечено, что она требует капитального ремонта, *«отопление печное, электрическое освещение есть, холодного, горячего водоснабжения и канализации нет. Стены, лестница требуют капитального ремонта. Столярные изделия и электрохозяйство требуют замены полностью».*

В 1950-е и 1960-е гг. дважды каланча была под угрозой сноса. Первый раз – из-за предполагаемого строительства второй очереди 5-этажного жилого дома (*парного к дому Интернациональная, 35 по проекту арх. Е. А. Степанова, что не было осуществлено – Ред.*). Второй раз – из-за строительства Главпочтамта в 1963–1966 гг., архитектура которого противоречила облику каланчи. В начале 1990-х гг. каланча была отремонтирована с элементами реставрации.

Объемно-пространственное построение каланчи представляет собой сочетание разных по облику и назначению, чётко читаемых объёмов. Здание сложено из красного кирпича-полужелезняка на цементной плите, сделанной под самую высокую часть. Фундаменты заложены на разной глубине в зависимости от объёмов несомых частей.

Главная цилиндрическая часть, содержащая винтовую лестницу на верхнюю площадку, покоится на Т-образном основании, которое включает: на 1-м этаже помещение для паровой машины, на 2-м этаже – бывшую квартиру брандмейстера и примыкающий к ним с севера кубический объём для 2-маршевой лестницы.

Над центральной частью сидит небольшой четверик, являющийся опорой для цилиндра каланчи.

Здание каланчи спроектировано в стиле поздней эклектики, в русле развития неорусского стиля, где гармонично сочетаются элементы классицизма (пилоны, пилястры, руст, дентикулы), модерна (оштукатуренные наличники окон 2-го этажа) и русского стиля (крещатые бочки, фигурные колонки, ширинки). Несмотря на небольшой «удельный вес» элементов русского стиля, они доминируют в образном впечатлении каланчи, которое усилено и цветовым решением, восходящим к прообразам русской архитектуры XVII века, – сочетание краснокирпичной стеновой поверхности с белыми декоративными элементами.

Необычайно цельное, гармоничное сооружение удачных пропорций является своеобразным мажорным «аккордом» по сравнению со зданием аскетичной архитектуры 1960-х гг., которое разворачивается как «занавес» на фоне каланчи. Каланча – самое удачное произведение архитектора И. Г. Хворина – по праву является символом Омска.

¹ В Москве пожарная команда была создана графом Ф. В. Ростопчиным. Прежде это было случайное собрание пожарных инструментов и отдельных дежурных обывателей, которые должны были по церковному набагу сбежаться на пожар с багром и ведром, куда являлся и брандмайор. С 1823 г. пожарная команда стала городским учреждением. Создавались пожарные части по числу частей города, постепенно появлялись инструменты, обозы, лошади. (См.: Ривов Я. Н. Время и вещи. – М.: «Искусство», 1990. – С. 152–153).

² В Москве, где было 12 пожарных частей, к шарам прибавлялись кресты. (Гиляровский В. Москва и москвичи. – СПб., 2006. – С. 244–255).

³ По воспоминаниям жительницы Омска Г. А. Лебедевой (1923 г. рожд.), в начале 1930-х гг. в Омске, на пожарной каланче по ул. Интернациональной также в сильный мороз вывешивался красный флаг, что являлось сигналом об отмене занятий в школах. (Ред. – А. П. Сорокин)

⁴ Это была небольшая машина с раздвижной лестницей для спасения людей с верхних, но не выше третьего, этажей. На автомобиле первым ехал брандмейстер и пожарные-топорники.

⁵ ГАОО, Ф.3, Оп. 12, Д. 17524, Л. 4.

⁶ Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г., обработанные И. Я. Словцовым. – Ч.1, 2. – Омск, 1880. – С. 62

⁷ «Рабочий путь». – 1924.

⁸ Вероятно, на этом основано утверждение В. И. Кочедамова (Омск, 1960 г.) о том, что в 1832 г. был построен дом для учрежденного Полицейского управления.

⁹ ГАОО, Ф.3, Оп.12, Д. 17541, Л. 195–208.

¹⁰ ГАОО, Ф.3, Оп.1, Д. 356, Л.1.

¹¹ Первым омским брандмейстером стал Осип Иванов, направленный в Сибирь из Хамовнической пожарной части Москвы. Первая пожарная часть в Москве, как городское предприятие, была основана в 1823 г.

¹² По-видимому, именно в доме Безносикова были открыты в 1822 г. Присутственные места. Квартал, где стоял дом Безносикова, сформировался к 1819 г. (между 1811–1819 гг.). Пожар 1823 г. мог его и не коснуться, так как этот квартал отделялся от старой крепости остатками крепостного вала и рва. Выгорело соседнее место: гостиный двор возле Ильинской церкви.

¹³ Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967. – С. 46; Тот же Палашенков свидетельствует, ссылаясь на воспоминания Г. Н. Потанина, о том, что в этом же подвале Потанин провёл ночь перед «гражданской казнью» (15 мая 1868 г.). – *Ред.*

¹⁴ ГАОО, Ф.3, Оп.3, Д. 4153, Л. 16.

¹⁵ ГАОО, Ф.3, Оп.1, Д. 14, Л. 181 об., Оп.6, Д. 9930.

¹⁶ Дата создания 2-й пожарной части дана приблизительно.

¹⁷ Крепость была упразднена в 1869 г.; в 1878 году на бывшей эспланаде появилось первое гражданское каменное здание мужской гимназии (ул. Тарская, 2).

¹⁸ ГАОО, Ф.3, Оп.3, Д. 4181

¹⁹ План г. Омска на 1862 год.

²⁰ План г. Омска на 1879 год.

²¹ План Омска на 1862 год; ГАОО, Ф.3, Оп.1, Д. 1605. Первая гражданская больница была открыта здесь в 1827 году.

²² Тобольский приказ общественного призрения до 1877 г. содержал омскую городскую больницу. С этого года больница перешла на довольствие города, который выстроил для неё отдельное деревянное здание в Больничном переулке, по проекту Э. Эзета. (См.: «Омск в панораме веков». – Омск, 1999. – С. 184–185).

²³ ГАОО, Ф.3, Оп.7, Д. 11639, Л. 49, 64. В 1861 г. 2-я полицейская управа уже участвует в составлении списка казенных и общественных зданий по Омску. (Ф.3, Оп.3, Д. 4757, Л. 118).

²⁴ ГАОО, Ф.3, Оп.6, Д. 9930, Л. 94.

²⁵ ГАОО, Ф.3, Оп.9, Д. 13998, Л. 60 об.

²⁶ ГАОО, Ф.30, Оп.1, Д. 18, Л. 74 об. Место для арестного дома было отведено ещё в 1877 г. Дом сохранился, находится по адресу: ул. Коммунистическая, 38.

²⁷ ГАОО, Ф.172, Оп.1, Д. 165, Л. 172.

²⁸ «Старый Омск». Иллюстрированная хроника событий. – Омск, 2000. – С.204.

²⁹ ГАОО, Ф.172, Оп.1, Д. 111, Л. 4.

³⁰ ГАОО, Ф.172, Оп.1, Д. 145, Л. 9–9 об.

³¹ Омский телеграф. – 1910. – 21 дек., 23 дек.

³² Омский телеграф. – 1911. – 9 дек.

³³ Омский телеграф. – 1911. – 19 дек. Гораздо более действенную помощь оказала 3-сильная машина Товарищества пароходовладельцев, которое понесло на этом 100 руб. убытков. Повторный ночной пожар в той же гостинице привел в итоге к разорению владельца – купца Г. В. Терехова и к переделке глав на гостинице.

³⁴ ГАОО, Ф.172, Оп.1, Д. 111, Л. 5.

³⁵ Омский вестник. – 1912. – 24 июля, 31 июля.

³⁶ Ф.172, Оп.1, Д. 160, Л. 71–72.

³⁷ Ф.172, Оп.1, Д. 165, Л. 105. Паровая машина была заведена по прошению брандмейстера Дорохова.

³⁸ Там же, Л. 165–166.

³⁹ Сегодня это – «Эльворти» – «Внешторгбанк» (ул. Тарская, 6), Страховое товарищество «Саламандра» – бывшая травматологическая больница (на реконструкции, ул Музейная, 4/ К.Либкнехта, 3). Четырёх-пятиэтажный дом Александра Ивановича Печокоса – в противоположной стороне (Орджоникидзе, 14). Строящиеся Торговый корпус – это Музей им. М. А. Врубеля (Ленина,3), бывший Роддом № 1 (К. Либкнехта, 4–6) и пристроенное к 1916 году Г. Е. Грязновым к бывшему дому Терехова (Партизанская, 2/4) четырёхэтажное здание с кинотеатром, ныне Органный зал. – *Ред.*

⁴⁰ Ф.172, Оп.1, Д. 165, Л. 172–173.

⁴¹ Там же, С. 174–175.

⁴² Там же, Л. 176.

⁴³ Ф.172, Оп. 1, Д. 165, Л. 185–185 об.

⁴⁴ Там же, Л. 183. Таким образом, датой постройки каланчи можно считать 11 сентября 1915 г.

⁴⁵ Там же, Л. 184.

⁴⁶ Список абонентов Омский телефонной сети на 1925–1926 гг. – Омск, 1925. – С. 27, 49.

⁴⁷ То же, на 1930 год. – Омск, 1930. – С. 4, 12.

⁴⁸ Е. И. Сергиенко. История омской пожарной охраны. Ч.1. – Омск, 1998. – С. 70.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ. ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА. 1870 г.

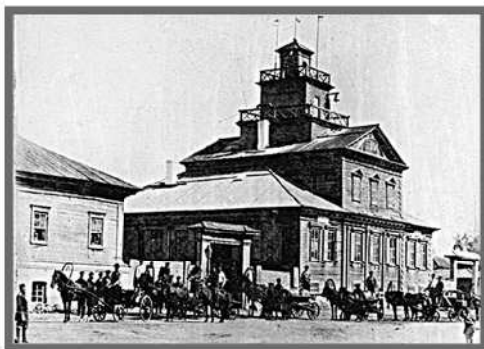

ЖЕНСКАЯ ПРОГИМНАЗИЯ. ВДАЛИ — ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА, 1887 г.

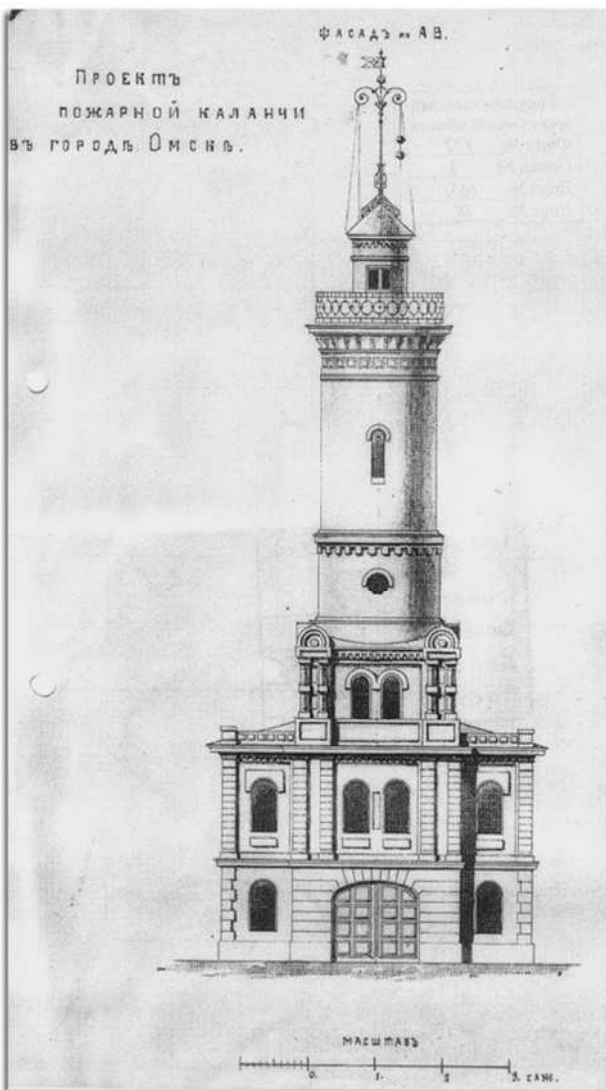

Городское полицейское
управление. Костюринский
перезулок (ул. Ядринцева).
Конец XIX в.

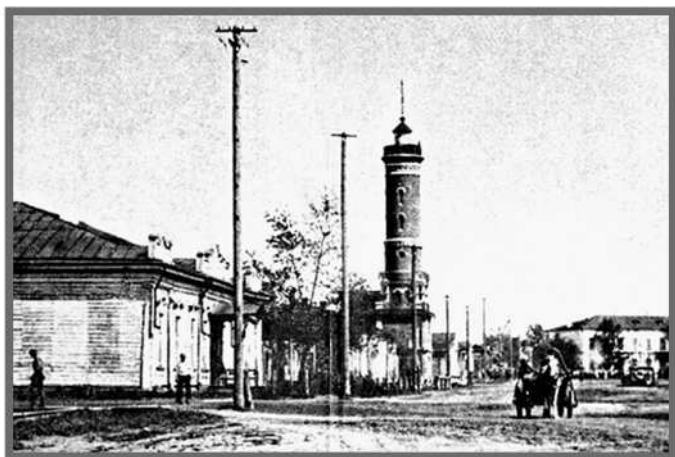
1-я пожарная часть и
Полицейское управление.
1907 г.

Омская вольно-пожарная дружина. 1902 г.

ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА - ФАСАД. ЧЕРТЕЖ - И. Г. ХВОРИНОВ

КАМЕННАЯ ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА. АРХИТЕКТОР — И. Г. ХВОРИНОВ

КАЛАНЧА ПО УЛ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ. СОВРЕМЕННЫЙ ВИД

КАК ВОССТАНАВЛИВАЛИ
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКУЮ ЧАСОВНЮ
(ЗАМЕТКИ РЕСТАВРАТОРА)

Серафимо-Алексеевскую часовню я видел на старых открытках еще в 1970-е гг. А первый предметный разговор о ней состоялся у меня, если не ошибаюсь, в 1984 г. с В. А. Десятовым у него в мастерской. Уже тогда он показал мне свой эскизный проект часовни, который был сделан еще раньше. Десятов – несомненно, талантливый и опытный художник-проектировщик, но он не архитектор-реставратор, поэтому он всегда вольно относился к объектам реставрации, в чем я убедился, впервые познакомившись с ним на реставрации Никольского Казачьего собора в 1982 г. Его проект реставрации часовни был неточным в деталях, но при этом, бесспорно, гармоничным и цельным. К тому же Десятов обладает колоссальной работоспособностью, знаниями и опытом и может быстро в одиночку сделать работу целого института. Поэтому, когда реставрация часовни наконец-то стала реальностью, я однозначно поддержал его кандидатуру в качестве проектировщика, несмотря на возражения некоторых искусствоведов и краеведов, зная, что в противном случае дело затянется и, погнавшись за мелочами, мы упустим главное. Но это было уже в 1992 г., а пока в середине 80-х, будучи еще студентом Политехнического института, вслед за Десятовым я заразился идеей возрождения Серафимо-Алексеевской часовни.

Я привык всегда завершать однажды задуманное, пусть даже через много лет, и идея восстановить часовню меня никогда не оставляла.

Начатое на Тарских воротах дело надо было продолжить и закрепить. То, что начали с ворот, было закономерно. Теперь, по прошествии лет, это становится очевидно. Ворота – исторический гражданский объект, связанный со становлением города и имеющий отношение как бы ко всем. Ворота восстанавливали в 1991 г., формально при власти КПСС и с точки зрения партийной идеологии, это был нейтральный, или даже поучительный объект. В связи с ними можно было говорить о возрождении исторической памяти.

Другое дело – часовня. Это объект уже чисто культовый и поэтому, с партийной точки зрения, явно нежелательный. К тому же одно из посвящений часовни было в честь рождения наследника престола цесаревича Алексея, что было крамолой.

Правда, Десятков пытался и раньше сломить это противоречие, как и в случае с Никольским собором, придав культовому сооружению светское назначение, восстановив только архитектурный облик. Будучи человеком нерелигиозным, он не видел в этом ничего страшного и интересовался храмами только как произведением искусства.

При этом к началу 1992 г. в реставрационном участке «Омск-гражданстрой» работы по профилю совсем не стало, и я стал скучать. В марте 1992 г. я попытался уйти работать в церковь, но быстро понял, что там работать тяжело. Я полагал, что буду заниматься в церкви строительством и реставрацией, будучи светским человеком, и работы будут финансироваться епархией. Владыка же склонял меня к принятию сана, к чему я был не готов, и главное – средства для работ надо было изыскивать самому. Обращения с финансовыми вопросами вызвали у Владыки явное неудовольствие.

Еще идя служить в церковь, я заметил одной из первых задач восстановление Серафимо-Алексеевской часовни. Я полагал, что задача не слишком объемна, поэтому вполне реальна. К тому же, идея выигрышна с точки зрения местоположения и интересной архитектуры часовни. Но вскоре я понял, что для реализации замысла надо идти другим путем. Тем более, что Владыка не был тогда заинтересован в строительстве часовни. Он был тогда увлечен идеей строительства Ачаирского монастыря и полагал, что часовня только отвлечет силы и внимание от него, о чем он прямо позже говорил на встрече у Главы администрации Омской области Л. К. Полежаева. Но это было позже. А тем временем я решил сделать ставку на уже проверенный на Тарских воротах кооператив «Стройподряд». Я пошел к С. Н. Оркишу с идеей восстановления часовни и предложением своих услуг. Идея ему понравилась, он согласился. Я взял у Владыки благословение.

В возможностях «Стройподряда» я не сомневался. Кстати, на часовне впоследствии работала та же бригада, что и на Тарских воротах. С подрядчиком было все понятно. Но оставался вопрос: кто же будет заказчиком и кто будет финансировать работу, в том числе и разработку проекта?

В это время создавалось Областное отделение фонда Славянской письменности и культуры, и я предложил провести идею восстановления часовни через фонд. Формальным началом отсчета послужило обращение фонда в городскую архитектуру за разрешением на восстановление часовни за подписью тогдашнего председателя фонда К. В. Канаки.

Правда, средств у фонда не было, и даже формально исполнять функции заказчика он тоже не мог. Но толчок был дан и процесс пошел,

и тут многие стали к нему подключаться. Главный архитектор города А. М. Каримов решил лично возложить контроль за будущей отстройкой. Идея перешла в коридоры власти и дошла до Л. К. Полежаева.

По вопросу восстановления часовни мы дважды собрались у Л. К. Полежаева. Он проявил искреннюю заинтересованность и однозначно одобрил идею, заверив Владыку, что это не отвлечет внимания от монастыря. Это одобрение вылилось в финансирование стройки из областного бюджета. С самого начала же мы не теряли надежды, что фонд может привлечь средства. К тому же, не помню с чьей подачи, были определены спонсоры. Это был некий «Торговый дом» в лице очень уважаемого мною бывшего председателя городского исполкома Ю. Я. Глебова, с которым мы были знакомы с 1986 г. по работе на Драматическом театре, и затем еще ближе познакомились в 1988 г. Глебов играл решающую роль в становлении реставрационного участка, выделив нам, по моей просьбе, дом на Тарской, 20.

Вторым спонсором было предприятие «Инициатива», во главе с Казимировым. Первые процентовки по часовне я лично носил на подпись Глебову и он принимал у меня объемы работ.

Точный состав участников совещаний у Полежаева я не помню. Но там были: главный инженер «Стройподряде» В. П. Санников, Владыка Феодосий, журналистка С. В. Васильева как одна из активистов фонда, заместитель председателя Комитета по культуре Ю. Г. Ваникевич и др.

Не помню точно где, по-видимому, у Л. К. Полежаева было решено, что формально функции заказчика будет выполнять Комитет по культуре. Через него же были профинансированы некоторые мероприятия фонда, в том числе Дни славянской письменности и культуры на День памяти святых Кирилла и Мефодия, когда состоялось освящение места закладки часовни. Помню, что это был конец мая 1992 г. Я заранее заказал в «Стройподряде» экскаватор. Мы спланировали площадку на склоне в сквере. Я взял в Центральном райкомхозе с помощью С. М. Житнова, который участвовал еще в закладке Тарских ворот, несколько бордюрных камней, 4 из которых я разложил в качестве краеугольных по углам приготовленной площадки.

Окончательные приготовления на площадке делал я. В назначенный день освящение состоялось. Проводил его лично Феодосий. Движение по Любинскому проспекту было перекрыто. После освещения были организованы народные гуляния с концертом фольклорных коллективов. Я пытался в лучших древнерусских традициях привлечь народ к участию в действии вплоть до личного примера, пускаясь в пляс. Но народ вовлекался с трудом. Традиции оказались из-

рядно поутрачены. Народ привык к зрелищам и разучился веселиться без спиртного. Хотя на Древней Руси зрителей не было. Все были участниками. Но не считаю эту попытку неудачной. Во-первых, важно, что она была осознанной, и для первого раза результат был неплохой.

А главное, было сделано святое дело. Мы освятили место и заложили краеугольные камни, которые я потом действительно положил на их законное место – по углам основания.

В. А. Десятов на освящение не пошел, хотя я лично приглашал его. Он считал это показухой. Он напряженно трудился над рабочим проектом часовни, ведь уже на следующий день нам нужны были чертежи.

Мы не смогли сделать точную привязку, т.к. существующий мост был построен после сноса часовни, а все фото сделаны на фоне старого моста. К тому же смещена проезжая часть улиц. В 1989 г. силами нашего Клуба любителей старины мы закладывали шурф и на месте часовни. Но при этом понимали, что в связи с подъемом моста культурный слой поднят значительно. На старых фото к мосту вел спуск с улицы, а сейчас идет подъем на мост. К тому же, отсыпанная намного позже, при реконструкции сквера предмостная площадка усугубила эту ситуацию. Мы понимали, что, даже вскрыв асфальт, мы можем не докопаться. К тому же, В. А. Десятов еще при первом нашем разговоре высказал настойчивое предложение, что фундамент мог не сохраниться в связи со строительством моста и прокладкой коммуникаций. Поэтому наша акция была скорее политической, чем научно-практической. В акции участвовало не меньше 10 человек. Мы стали копать в откосе со стороны набережной. Чисто умозрительно это место показалось более вероятным. Мы выкопали шурф глубиной порядка 3 м. Благо в культурном слое копать было легко. Убедившись в бесплодности, мы перестали копать, так и не засыпав шурф, который так и простоял до разработки котлована.

Всех участников акции не помню. Помню только, что наиболее активно копал со мной опальный бывший секретарь Комитета комсомола государственного университета А. К. Ступин, разжалованный за сочувствие демократическому движению.

Очевидцев спрашивать было бессмысленно. Во-первых, часовню снесли давно. Мы так точно и не выяснили когда. Одни утверждали, что в 1929 г., после приезда в Омск Сталина. Другие говорили, что в каком-то виде часовня стояла и позже. Во-вторых, если бы очевидцы и нашлись, они все равно вряд ли смогли бы сориентироваться в изменившейся градостроительной ситуации¹.

Зато при раскопках мы укрепили к подпорной стенке наскоро изготовленный плакат, который гласил, что здесь была часовня, сне-

сенная большевиками. Дословно содержание не помню, но провисел он больше недели. Пока одни члены Клуба копали, другие зазывали народ и комментировали происходящее.

Располагая только предварительной информацией, мы начали копать котлован в конце мая 1992 г. В. А. Десятов предложил свою привязку часовни, независимо от исторической, руководствуясь только градостроительными соображениями. И первоначально при разработке котлована мы опирались на нее. Почти сразу же столкнулись с трудностями. Мы наткнулись на брошенную еще в 1930-х гг. теплотрассу диаметром полметра, проложенную в монолитном железобетонном лотке. Его пришлось откапывать вручную, вырезать автогеном, долбить компрессором.

Но самое интересное, что, копая котлован, мы наткнулись на старый фундамент часовни. Это был обыкновенный, типичный для своего времени кирпичный фундамент без гидроизоляции. Обнаруженные фундамента подтвердило правильность габаритных размеров часовни в плане, принятых в проекте.

Обнаружение фундамента также вселило надежду, что часовню удастся восстановить на подлинном фундаменте. За это были все любители старины, краеведы, патриоты да и сами строители. А. М. Каримов готов был прислушаться к мнению общественности. В. А. Десятов был не в восторге от этого предложения, поскольку старый фундамент был ближе к проезжей части, чем предположили изначально. При восстановлении часовни на старом фундаменте паперть почти выходила к краю существующей проезжей части. Десятов руководствовался исключительно градостроительными соображениями. Предложенная им первоначально привязка обеспечивала нормальное движение пешеходов. Но он не возражал против использования старого фундамента. Им был сделан дополнительный чертеж с разными вариантами привязки.

При этом пока фундамент был не обследован, все споры о его судьбе происходили на пустом месте. Для принятия окончательного решения нужно было определить состояние фундамента. Для этого нужно было расширить котлован, причем сделать это надо было вручную. Мы убрали экскаватор и стали откапывать старый фундамент вручную. Время затягивалось, шел уже июль.

В результате раскопок выяснилось, что часть фундамента перерезана существующей магистральной теплотрассой диаметром 600 мм, идущей на мост, выполненной также в монолитном железобетонном лотке. При этом дальнейшие споры для профессионалов стали бессмысленны. Я, хотя изначально и был одним из самых настойчивых сторонников использования старого фундамента, как профессионал

сразу понял невозможность этого. Если даже предположить, что теплотрассу можно вынести, то все равно достройка фундамента с последующей опорой строения на фундамент разновременной постройки с очень большой вероятностью может привести к неравномерной осадке. Это слишком большая утрата, которая не позволяла рисковать. Вопрос отпал сам собой. Некоторые любители старины, будучи дилетантами в строительстве, еще долго настаивали на старом фундаменте.

В результате была принята новая привязка часовни, которая предлагала сохранение старого фундамента и расположение новой часовни вплотную к нему.

Перед нами встал новый вопрос: каким должен быть фундамент? При этом глубина котлована от отметки тротуара у моста была уже около 7 м. Сначала мы были вынуждены пройти около 5 м культурного слоя, а потом стали заглубляться в ил. Мы уже на метр вглубь прошли в отметку заложения старого фундамента, а «материка» все не было. Тогда я предложил наконец-то провести изыскания грунта, поскольку достоверными сведениями мы не располагали. Это было очевидно для всех, и изыскания были выполнены. В их результате выяснили, что ил уходит в глубину на 20 м. Дальше бурить не стали. Современная Омь промыла себе русло в русле другой более древней доледниковой реки, которая была мельче, но шире и поэтому вся современная пойма имеет илистый грунт.

Отметку промерзания мы давно прошли, и дальнейшее заглубление при однородном характере грунта не имело смысла. Но строительство на иле было непривычно для современных строителей. Тогда свою лепту в восстановление решил внести институт «Омскгражданпроект». Т. В. Столбова предложила мне, чуть ли не с отеческой заботой, сделать для нас расчет фундамента. Но она или ошиблась в расчетах, или методика была неверная. То ли исходные данные приняла неправильно, но, по ее расчетам, выходило, что часовня обязана накреститься на 2 м у креста и, чтобы этого избежать, надо было вбивать 9-метровые сваи. Но площадка была буквально напичкана всякими коммуникациями, идущими на мост. Пока клали котлован, мы чуть не порвали правительственный кабель связи, и в этой связи нас постоянно курировали люди из спецслужб. Также там были кабели ГТС, ИРП и др. Мы были вынуждены разрушить действующую камеру теплотрассы, которая примыкала к котловану со стороны сквера. К тому же котлован грозил обрушением. Так что даже при желании мы не могли загнать туда сваебойку.

Тогда я предложил не мудрствовать и поучиться у наших предков. Ведь часовня успешно стояла на обычном фундаменте, даже мельче, притом что и культурный слой был меньше.

Но главный инженер проекта Р. Л. Ибрагимов и главный инженер «Стройподряда» В. П. Санников решили перестраховаться. Они предложили опереть фундамент на монолитную железобетонную плиту толщиной 700 мм. Десятюв в этих спорах не участвовал. Он принципиально подчеркивал, что он художник-проектировщик, а не инженер-конструктор. Я тоже не спорил, доверяя более опытным профессионалам.

Ибрагимов выдал нам чертеж на плиту, и дело пошло. Дно котлована выровняли и уплотнили щебнем. Сварили пространственный металлокаркас и залили плиту за 1 день. Приняли около 50 м³ бетона из бетоновозов. Сразу в плите сделали прилив под паперть по моей инициативе, поскольку я надеялся сделать под папертью дополнительное помещение, в надежде использовать его, может, даже под алтарь. Впоследствии такое помещение действительно было сделано, и Владыка благословил эту инициативу. Но, как я потом выяснил у Владыки, алтарь там не получится по каноническим соображениям из-за малых размеров помещения, но Владыка все равно предполагал, так или иначе его использовать. В. А. Десятову идея этого помещения не понравилась, и, по его настоянию, оно было замуровано.

Но, когда в самом начале мы сделали прилив в фундаментной плите, то объяснили Десятову, что это фундамент паперти, который сделали вместе с фундаментом часовни, чтобы паперть впоследствии не дала неравномерной усадки отдельно от часовни. И это чисто техническое соображение было бесспорным, оно действительно сработало. Паперть по сей день не дала неравномерной усадки и «работает» заодно с часовней.

Как я уже упоминал, работы принимал лично Ю. А. Глебов, прямо на площадке. Привязку фундамента, по заданию А. М. Каримова, выполнили специалисты из ГлавАПУ. Затем мы успели сложить на плите стены фундамента из фундаментальных блоков общей шириной 1200 мм и высотой 1800 мм. Выполнили оклеенную гидроизоляцию фундамента в 2 слоя рубероида на битумной мастике и обложили его прижимной стенкой в полкирпича, которая с северной стороны стоит на старом фундаменте часовни. Ориентация часовни по сторонам света была принята строго параллельно старому фундаменту, к которому новый примыкает вплотную. Это решение показалось всем наиболее логичным. Я тоже был ей принципиальным сторонником. Со старым фундаментом мы не делали ничего, о чем я немного сожалею. Я был сторонником его консервации. Это же предложение высказывал тогдашний руководитель центра (впоследствии – инспекции) по охране и использованию памятников Н. И. Андросов, с которым мы были знакомы еще с субботников на доме Батюшкина, затем вместе работали в хоз-

расчетном реставрационном участке и учились в художественной школе. Но на консервацию фундамента не было средств да и что с ним делать дальше, было не понятно. К тому же, сезон кончался. Надо было засыпать пазухи, чтобы фундамент не пучило. Поэтому идею консервации фундамента похоронили вместе с ним и никто за нее не цеплялся.

Уже начинался октябрь. Мы перекрыли нулевой цикл, восстановили на скорую руку камеру теплотрассы и на этом работы законсервировали, что было вполне нормально. К советской практике сдачи объектов в срок, не взирая на климатические условия, вернутся несколько позже, будь то газопровод или церковь.

Работы возобновились ранней весной 1993 г. Когда я первый раз приехал на площадку на служебной машине, милиция задержала меня за езду по скверу, но когда увидели, что следом за мной едет подъемный кран, сразу отпустили.

Мы сразу начали кладку. С этого дня автор проекта В. А. Десятов ежедневно бывал на площадке, иногда даже не раз. Надо отдать ему должное, я не встречал другого архитектора, который бы столь ревностно, иногда даже чересчур, вел авторский надзор. Он вникал в каждую мелочь, в каждую деталь. Я считаю это правильным. Зато в часовне нет ничего недодуманного, случайного, смазанного. Все завершено и отточено. Неслучайно архитектуру называют застывшей музыкой. Как в музыке, одна фальшивая нота, одна неверная интонация портит все произведение, так точно и в архитектуре. Я даже предлагал Десятову усложнить архитектурные обломы на профилированных деталях, и он соглашался. Не стану хвалить себя, что все удалось идеально, и что все удачи относятся ко мне. Я должен сказать, что в «Стройподряде» работали высококлассные специалисты. Это каменщики Штефе, Волков, Демидов, Абрамов, штукатуры Ященко, Крежев. Нижний ярус мы прошли быстро, несмотря на большой объем кладки. На самом деле простую толстую стену класть проще, чем тонкую сложную. В нижнем ярусе толщина стен достигает 1200 мм, а в верхнем местами уменьшается до 380 мм. В нижнем ярусе тоже была своя сложность. Наружные стены там пирамидальные.

На верхнем ярусе возникла еще одна сложность: нам понадобился лицевой кирпич. В то время «Агростройкомплект» строил кирху и там был отличный кирпич с Урала. У нас такой кирпич нельзя изготовить в принципе из-за некачественного сырья. Я пошел к В. Кокорину, но тот отказал мне. Тогда же строился дом по улице Жукова, 6, как один из вариантов мы взяли кирпич оттуда и решили на нем остановиться. Его делали на заводе в деревне Ново-Архангеловке Любинского района Омской области. Мне пришлось ехать туда. Завод не гаран-

тировал качество кирпича. Тогда, по согласованию с нашим руководством, я договорился с руководством завода, что они будут за отдельную плату сортировать для нас кирпич. Фамилию директора завода я не помню. В общем, что-то там на заводе они не поделили и в результате я оказался под следствием как взяткодатель. Меня долго допрашивали, но в результате дело закрыли. Тем временем мы успели получить кирпич, благо его надо было не так много.

Следующей сложностью стал профилированный кирпич. Если кирпич с постоянным профилем мы довольно быстро наловчились пилить вулканитом на циркулярке, то кирпич с переменным профилем мы имитировали сухой набивкой из цветного пескобетона на мраморном отсеве. Он практически не отличался от настоящего. Колонки на нижнем и верхнем свете верхнего яруса мы делали по той же технологии, только на белом цементе. Изначально предлагалось, что часовня не будет краситься и будет оформлена в естественном материале. По той же технологии делали и крестики на фасаде. При этом при сухой набивке пескобетон медленнее набирает прочность. Десятов не знал этого и очень нервничал по поводу прочности декоративных изделий из пескобетона. Доходило до истерики. Успокоился он только после того, как изделия со временем набрали нужную прочность. Лепные работы на часовне выполняли мои старые коллеги еще по реставрационному участку: В. К. Исаев и В. Я. Темников. В основном они успевали за каменщиками, но иногда лепные работы сдерживали нас.

На часовне я убедился, что на уникальных работах особенно явным становится индивидуальный почерк каменщиков. Все 4 угла поднимали разные каменщики и у каждого были свои излюбленные приемы, свой подход, но поскольку все они были виртуозы, работе это не мешало.

Некоторые архитектурные и технологические решения приходилось уточнять в процессе работ. Например, один из горизонтальных поясов, переходящий в архивольты над окнами нижнего света верхнего яруса, первоначально предполагалось выполнить без раскреповки, при этом вынос архивольта получался больше длины кирпича, и поскольку архивольты спарены, то они образуют вислую арку, которая имела бы очень слабую опору. По согласованию с Десятовым было принято решение уменьшить вынос архивольтов, что привело к возникновению раскреповки. При этом пришлось отдельно продумывать узел примыкания раскреповки к архивольту. Вислая арка при этом оставалась конструктивной, хотя и менее нагруженной. Вислый камень мы не решились вмуровывать, мы замонолитили его по месту с усиленным армированием и затем отмазали нужную архитектурную форму по месту цветным бетоном на мраморном отсеве.

Технику кладки применяли в лучших древнерусских традициях. Все арки выполняли по деревянным кружалам, которые снимали практически сразу после кладки. При этом клинчатый кирпич применяли только на лицевых арках. На остальных арках делали клин раствором, строго на продолжении радиуса, что проверяли шнуром, закрепленным в центре. Даже парусный свод на переходе от четверика к кольцевому карнизу, над которым идет восьмерик, мы выполняли не только без каких-либо монолитных участков, как это делали на Христорождественском соборе, но даже без кружала и какой-либо опалубки, а всего лишь с помощью шнура, закрепленного в центре сферы парусного свода, и рейки, прикрепленной к концу шнура. Длина шнура равнялась радиусу сферы, и с помощью рейки я проводил радиус к любой точке сферы. Все 4 паруса поднимали одновременно, и я по очереди задавал каждому каменщику координаты сферы. Единственной новацией было то, что обильно армировали кладку кладочной сеткой. В 1993 г. мы успели поднять кладку до верхнего зонтичного свода, который должен был выполняться по металлокаркасу. Точно не помню, но, по-моему, свод мы не доделали. Параллельно вчерне выполняли благоустройство: сделали паперть, лестницу, подпорные стенки. Также параллельно с кладкой велась штукатурка фасадов и интерьеров, которая в основном была завершена, и покрытие металлом выступающих горизонтальных поясов.

Жестяные работы на часовне выполнял лучший, на мой взгляд, жестянщик в Омске Е. Г. Карепин. Я знаком с ним еще с 1986 г. Ремесленный термин «жестянщик» плохо подходит к нему. Точнее можно назвать его художником по металлу. Его всегда мало интересовала утилитарная или техническая сторона дела, техникой он владеет виртуозно и никогда не задумывается, как сделать работу. Достаточно понимать общие принципы. В основе методика одинаковая. Даже материальные соображения для него – не главное. Он всегда видит в работе творческую задачу. И до часовни он был большим мастером. Но часовня придала ему уверенность и принесла известность, с нее началось его восхождение, и сейчас он достиг мастерства строителей Собора Покрова на Рву.

На этом мы законсервировали часовню, стоявшую в лесах, еще на одну зиму. Всю зиму объект охранялся, но, несмотря на это, у нас украли кружку для пожертвований, прибитую к забору, хотя денег в ней, скорее всего, было немного. Еще до начала строительства я предлагал С. Н. Оркишу, по опыту восстановления Казанского собора в Москве на Красной площади, поставить временную деревянную открытую часовню для сбора пожертвований. Я даже изготовил макет

этой часовни. Но идею в полном объеме не поддержали. Она свелась к установке кружки на информационном щите, со стилизованным изображением часовни, который выполнил другой мой коллега по реставрационному участку и товарищ по художественной школе художник С. Г. Калистратов.

Еще одним интересным моментом были прорези в заборе стройплощадки, в которые можно было наблюдать за стройкой. Идею предложил В. А. Десятов, и мне она очень понравилась. Я проследил за тем, чтобы она была реализована.

С ранней весны 1994 г. работы были продолжены. Во-первых, после того, как часовня простояла зиму, было принято решение покрыть фасады защитными составами. Хотя финские и другие краски тогда уже появились, но при строительстве к ним не прибегали, хотя при следующем ремонте пользовались именно ими. При строительстве применяли сложные составы из цветного цемента, пигмента, полимера, закрепителя, гидрофобизатора и др.

Кирпич для нас хотя и сортировали, но все равно он был разнородным по цвету и фактуре. Это создавало дополнительную дробность восприятия в сочетании с малой площадью лицевой кладки и высокой насыщенностью декором. Меня лично это не смущало, но было принято решение выровнять кирпич в цвете, что в принципе было логично. Была и чисто техническая причина. Кирпич был изготовлен сухим прессованием, и это само по себе вызывало опасения за его долговечность. Бетонные детали были также неоднородны в цвете, как и штукатурка, выполненная на белом цементе. Поэтому защитными составами решили покрыть всю поверхность фасадов с сохранением цветового решения.

Параллельно делали лепной декор в интерьере. Хоть он не сложный и сводится к профилированным базам и капителям пилястр, которые несут подпружные арки, но выполнялся он именно по лепной технологии из гипса.

За зиму в цехе «Стройподряда» изготовили все столярные изделия. В основном этим занимался прекрасный столяр А. Рыжковский. Бригада плотников В. Богданова изготовила конструкцию шатра, и Карепин занялся его покрытием из изготовленных за зиму деталей.

Параллельно занялись выносом теплотрассы и установкой новой тепловой камеры на площади перед часовней, а старую, примыкающую к часовне, частично засыпали песком. Боюсь, что эта камера может стать миной замедленного действия, поскольку полностью ее не засыпали, а ее кладка и перекрытие выполнялись в 1992 г. как временные конструкции из подручных материалов. Затем ее перекрытие было дополнительно нагружено подпорной стенкой.

Одновременно с засыпкой камеры был замурован люк в подвал и проем в помещение под папертью. Таким образом, сейчас в часовне и возле нее есть 3 замурованных помещения.

По предложению Десятова, тепло в часовню тогда заводить не стали, полагая, что большие тепловые потери через дверь только усугубят состояние, а сделать тамбур нет возможности. Да и исторически часовня, скорее всего, была холодной. Но опыт эксплуатации показал, что росписи не выдерживают нынешнего режима. Поэтому к вопросу отопления, возможно, еще вернуться в дальнейшем.

Каменные работы выполняло предприятие под руководством архитектора В. М. Костюкевича, которое смогло изготовить имитацию фактурного базальта для подпорных стен, практически не отличающуюся от натурального камня. Выдает имитацию только то, что все изделия сделаны с одной формы. Они же занимались мостовой, которую тоже предложил Десятов, и которая мне очень понравилась. Я предложил собирать брусчатку на раскопках, идущих на старых улицах, и даже собрал немного камня, но меня не поддержали. Было решено везти камень из Казахстана. Его привезли. Но часть камня у нас растащили рыбаки для укрепления топкого дна в пойме за набережной возле часовни, а может, его сразу не хватало, но, как бы то ни было, часть мостовой осталась недоложенной и по сей день, но там практически никто не ходит, поэтому это никого не заботит.

Наряду с массой свалившихся на нас отдельных работ, перед нами встала задача позолоты. Для этих работ, по рекомендации благочинного из города Тары отца Романа, привлекли лучшего в Омске позолотчика О. Зотина. Я через магазин «Жемчужина» заказал для часовни сусальное золото, которое для нас доставили по специальному заказу из Москвы. Часть работ выполнялась на месте в специально устроенном для этого на лесах закрытом помещении, которое помогало избежать движения воздуха. А часть – в мастерской художника по металлу А. Кривого, который изготавливал крест, главу и вместе с Карпиным – юбку. Кроме Кривого, еще несколько художников по металлу из художественного комбината изготавливали фурнитуру для часовни.

В дело включалось все больше людей. Кто-то делал буквы для архивольта портала, кто-то просечные подзоры. В. А. Десятов не упускал ни одной мелочи. Готовили даже утварь и иконы. В качестве иконописца и художника для росписи часовни В. А. Десятов рекомендовал своего друга художника М. Чижику, который хотя и является светским художником, но, бесспорно, очень талантлив. Он с интересом включился в работу и подошел к ней очень ответственно. Но для оплаты его работы из бюджета деньги не выделили. Спонсоры после не-

скольких разговоров со мной и с М. Чижиком так и не выделили нужной суммы. Решение задачи переложили на Владыку. Пару лет часовня стояла нерасписанной. А потом Владыка сказал, что он готов решить задачу, но у него есть свое решение. Он поручит работу епархиальному иконописцу, который выполнит ее на порядок дешевле и абсолютно канонически, что для Владыки принципиально. При этом задание на роспись Владыка будет давать сам. В. А. Десятов расценил это как ущемление своих авторских прав, к тому же он хотел поддержать Чижика, который уже сделал предварительную работу в надежде на Десятова. В конце концов часовня была расписана епархиальным иконописцем.

Все работы опять затянулись до глубокой осени, и крест ставить пришлось в ноябре. К этому времени я уже не работал в «Стройподряде».

Начальник участка Коргалин хотел поставить крест в рабочем порядке без церемоний. Я говорил ему, что этого нельзя делать по каноническим соображениям. Но он рвался в бой, не имея возможности остановить его, я просил Владыку хоть как-то освятить крест. Владыка решил, что ему самому освящать в рабочем порядке не солидно и решил направить кого-то из священников. И только после того, как я обратился за помощью в Областной комитет культуры, который выполнял функции заказчика, лично к заместителю председателя комитета Ю. Г. Ваникевичу, «Стройподряд» притормозили и объяснили, что это процедура не столько техническая, сколько каноническая. Воздвижение освященного креста – это не просто грузоподъемная операция. Это торжество православия, к тому же первое за много лет. Это должно быть праздником. К тому же на освящении хотел присутствовать Л. К. Полежаев, поскольку заслуга в финансировании и поддержке принадлежала и ему.

На уровне губернатора и Владыки была согласована дата, под которую уже подстраивался «Стройподряд». В назначенный день почему-то на трайлере для перевозки большегрузной техники привезли крест, главу и юбку из мастерской Кривого. Установкой занимались Кривой и Карепин. Были задействованы кран Като и 32-метровая пожарная вышка.

Приехал Владыка. Я помог организовать ему все необходимое. Он не взял аналой, и я сбегал через дорогу в Дом учителя за столиком, который использовали в качестве аналая.

Владыка освятил крест, его подняли. Владыка пошел с Полежаевым освящать саму часовню. Перед этим мы с Полежаевым обменялись парой фраз. Он первым спросил: «Доволен ли?» Я ответил: «Конечно». Поскольку часовня маленькая (4,4 на 4,4 м), естественно,

внутри было всего несколько человек, но службу транслировали. Движение было перекрыто. Народу было много, пожалуй, не меньше 500 человек.

Еще при установлении креста Карепин сказал мне, что на днях крест придется ненадолго снять, надо было переделать и подогнать крепеж. Но это была уже, действительно, чисто техническая операция, которую сделали быстро и тихо, и на которую никто не обратил внимания.

¹ С. н.с. ОГИК Музея О. П. Дьякова обнаружила в альбомах И. П. Дрейлинга фотографию разбора часовни, сделанную Н. Н. Мартыновым и датированную им 1927 годом. – ред.

Омск. Общий вид.

**ОБЩИЙ ВИД Г. ОМСКА.
НА ПЕРЕЧЕР ПЛАНЕ —
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКАЯ
ЧАСОВНЯ. НАЧАЛО XX В.**

**СЛОМ
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКОЙ
ЧАСОВНИ. 1927 Г.
ФОТО — Н. Н. МАРТЫНОВ**

**МОМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА
ВОССТАНАВЛИВАЕМОЙ
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКОЙ
ЧАСОВНИ. ОМСК, 1993 Г.**

УСТАНОВКА КРЕСТА НА
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКУЮ
ЧАСОВНЮ. 1994 г.

СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЧАСОВНЯ.
СОВРЕМЕННЫЙ ВИД

МОМЕНТ ОСВЯЩЕНИЯ ВОССТАНОВЛЕННОЙ
СЕРАФИМО-АЛЕКСЕЕВСКОЙ ЧАСОВНИ. г. ОМСК,
6.12.1994 г.

ФОТОГРАФИИ ИЗ ФОНДОВ ОГИК Музея

ИСТОРИЯ РАЗРУШЕНИЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО
СОБОРА В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ФОНДА
А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Говоря о памятникоохранительной деятельности в нашем крае, нельзя не вспомнить имя Андрея Фёдоровича Палашенкова (1886–1971), внесшего в это дело огромный вклад. Он выступал в защиту памятников археологии, истории и архитектуры не только в Омске и Омской области, но и в Тобольске и Тюмени. Стоит уделить особое внимание охране памятников архитектуры Второй Омской крепости. Благодаря усилиям Андрея Федоровича удалось поставить на государственный учет здание Гауптвахты, хотя Тарские ворота спасти так и не удалось, несмотря на многочисленные обращения в Министерство культуры СССР о взятии памятника под государственную охрану. Не удалось отстоять и Воскресенский крепостной собор. Сейчас, когда планируется возрождение храма, нелишне вспомнить и о его разрушении. В отличие от полной драматизма судьбы Успенского собора, завершившейся взрывом храма, Воскресенский собор разрушали буднично люди самой мирной профессии – строители...

Документы, сохранившиеся в личном фонде А. Ф. Палашенкова, имеют вид заметок дневникового характера на отдельных, порой случайных, пожелтевших листах бумаги.

Первая запись Палашенкова повествует о значимости этого исторического памятника:

«1. Крепостной собор закончен постройкой в 1775 году. В условиях Сибири такой памятник представляет, безусловно, большой интерес и значение.

2. Как произведение зодчества крепостной собор выделяется характерными стилистическими и техническими особенностями своего времени, поэтому является ценным архитектурным памятником ...

4. Что касается внутреннего убранства, то архитектурные украшения, как карниз на потолке, пилястры, тяги и другие, отличающиеся хорошим качеством выполнения и соответствием архитектуре здания, должны быть сохранены в полной мере.

5. Особую художественную ценность по своей общей композиции представляет резной иконостас, отдельные части которого гармонично связываются друг с другом. Иконы иконостаса переписыва-

лись, художественного значения не имеют, но в отдельных случаях дают ряд любопытных моментов в отношении трактовки тех или иных деталей, сюжета, например, архангелы с казачьими шапками.

6. Стенная роспись никакого значения не имеет ни в художественном, ни в историческом отношении, почему сохранению не подлежит, будучи позднейшей по происхождению, она нарушает общую ценность впечатления ...»¹.

Сохранились также рукописные заметки краеведа о разборе Собора. Вот что пишет Палашенков о состоянии Воскресенского собора в январе 1958 г.:

«Во второй половине января приступили к разборке первого каменного сооружения в Омске – Воскресенского военного собора в крепости, построенного сибирским летописцем, тобольским ямщиком Иваном Черепановым. 31 января, как мне удалось случайно увидеть варварство невежд, великолепный памятник был уже разобран наполовину. Скоро не останется и одного кирпичика от стен, в которых бывал ... великий русский писатель Ф. М. Достоевский, запечатлевший свое здесь ... посещение в "Записках из мертвого дома"».

31 января 1958 г.»².

Вторая заметка Палашенкова более подробно излагает процесс разборки памятника архитектуры уже в феврале того же года:

«1958 г.

25 февраля. На 25-е февраля стены Воскресенского собора с западной стороны разобраны до фундамента. С восточной, северной и южной сторон – до подоконников. Происходит вывоз мусора (обломков кирпичика, тылы и кусков известки), в котором потонули неразобранные стены здания. Вывозит мусор какая-то строительная организация. Очищенный кирпич лежит в штабелях. Он будет использован на кладку стен строящегося рядом многоэтажного жилого дома (с северной стороны собора).

Из беседы с прорабом выяснилось:

а) Толщина стен собора – 180 см (современ. постр. – 64 см).

б) Кирпич, как показал анализ, невысокого качества – недообожжен.

в) Известковый раствор много хуже других старых зданий. Известь довольно свободно очищается от кирпичика, что позволило получить несколько тысяч его. Видимо известь возили издалека, и она в дороге гасилась.

г) Кирпич различают по объему и форме, есть фасонный и с клеймами на узких боковых гранях.

д) Для прочности стены во всю длину их были положены связи – железные полосы (кажется, связь проходила в 3-х горизонтах). На верх стен также была железная связь.

е) Для перекрытия использовались колоссальные четырехгранные брусья (сосновые) длиной 20 и более шагов, толщиной см 30–40.

ж) Штыри закреплялись свинцовой заливкой»³.

Вскоре Собора не стало вовсе. Теперь о нем напоминает лишь дом на улице Спартаковской, в кладке которого использован кирпич первого каменного сооружения в Омской крепости, да деревянный крест, но будем надеяться, что вскоре мы станем свидетелями возрождения Воскресенского собора. Восстановим же историческую справедливость!

¹ ОГИК Музей. Ф. А. Ф. Палашенкова. ОМК 13450/19. Л. 26–27.

² ОГИК Музей. Ф. А. Ф. Палашенкова. ОМК 13450/19. Л. 32.

³ ОГИК Музей. Ф. А. Ф. Палашенкова. ОМК 13408/193. Л. 1.

**ВОСКРЕСЕНСКИЙ ВОЕННЫЙ СОВОР. 1884 г.
ОРИГИНАЛ ИЗ ФОТОФОНДОВ ОГИК МУЗЕЯ**

**"ОМСК. СТАРЫЙ СОВОР,
ВБЛИЗИ КОТОРОГО
НАХОДИТСЯ ДОМ, ГДЕ ЖИЛ
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ"**

Омск. Старый собор,
вблизи которого находится дом,
где жил Достоевский.

**РАСКОПКИ ФУНДАМЕНТА
ВОСКРЕСЕНСКОГО СОВОРА.
ОСЕНЬ 2009 г.
ФОТО — А. П. СОРОКИН**

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ И ГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА ОМСКА

Александр Лосунов, Людмила Огородникова

«ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ – БЛАГОДАРНЫЕ ОМИЧИ...»
(К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ПАМЯТНИКА
АЛЕКСАНДРУ II В ГОРОДЕ ОМСКЕ)

Обнаружение в последний день мая 2007 года фрагмента поста-мента (по другим предположениям, закладного камня) памятника Александру II при благоустройстве территории вокруг Успенского собора вызвало споры и предположения как среди историков, так и краеведов. В местной периодической печати на этот счёт был опубликован ряд статей¹. Однако все точки над *i* до сих пор не поставлены. Остаются вопросы, не имеющие однозначного ответа. Был ли установлен памятник вообще? Если был, то когда его снесли? И, наконец, кто же его автор?

Начало минувшего столетия мы вправе назвать «временем великих юбилеев». Достаточно вспомнить ряд дат, следовавших друг за другом и отмеченных с особой торжественностью во всех уголках Российской империи. Имеются в виду 50-летие со Дня освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля 1911 г.), столетняя годовщина Отечественной войны и Бородинского сражения 1812 г. (25–26 августа 1912 г.), 300-летие царствования Дома Романовых (20–21 февраля 1913 г.).

Не миновала подготовка к первому всероссийскому юбилею XX века и наш город. Правда, о 50-летию падения крепостного права «отцы города» вспомнили поздно, но местное начальство делало всё возможное, чтобы провести данное мероприятие на высоком организационном уровне.

Как встречают юбилей²

19 декабря 1910 г. состоялось «соединительное» заседание городской комиссии, где на повестке дня был один вопрос – чествование 50-летия годовщины освобождения крестьян 19 февраля 1911 года в Омске. Открыл заседание городской голова В. Морозов, заявивший о необходимости отметить этот юбилей и о срочной разработке программы этого праздника. Было решено каждой комиссии городской думы разработать «способы чествования». 9 января Акмолинский губернатор А. Н. Неверов тоже собрал особое совещание по этому вопросу, куда пригласил представителей от местных учреждений. Была составлена программа юбилейных торжеств.

Два месяца спустя, 14 января, дума обсуждала порядок празднования памятной даты, к которой готовилась вся Россия. Морозов заявил: «...хотя коренное население Сибири ...не переживало того крепостного ига, которое несло крестьянское население Европейской России до 19 февраля 1861 г., однако ...в Омск переселилось ...значительное число лиц, испытавших дореформенное положение и переживших радостное событие...».³ Гласные думы были ознакомлены с программой совещания при губернаторе, после продолжительного обмена мнениями они решили, что программа является лишь пожеланием, не определяет расход денежных средств на это мероприятие. Дума создала свою комиссию, в состав которой вошли гласные М. И. Галкин (председатель), А. С. Кабалкин, Г. Е. Катанаев и другие. Свою работу комиссия начала опять с обсуждения программы совещания. Было решено одобрить проведение в Общественном собрании торжественного акта для учащихся старших классов всех средних учебных заведений Омска, раздачу им портретов Царя-Освободителя и изданной к этому дню брошюры, позднее на эти цели дума выделила 300 рублей. Пункт о бесплатных увеселениях и зрелищах в театрах, цирках, кинематографах комиссия отвергла как невозможный и предложила обратиться к руководству городского театра, с просьбой поставить 19 февраля несколько спектаклей по общедоступным ценам. Были поддержаны предложения об устройстве в Омске народного дома имени Императора Александра II, поставить в Санниковском городском саду его бюст – ассигновать на это 1 тысячу рублей и открыть прием пожертвований, а также одну мужскую и одну женскую начальные школы с присвоением им имени Царя-Освободителя, учредить в память юбилейной даты ряд стипендий в учебных заведениях. Эти предложения дума одобрила и приняла соответствующие постановления. Предложение гласного думы Н. Иванова переименовать Любинский проспект в проспект Им-

ператора Александра II, Атаманскую улицу – в улицу Освобождения, Тобольскую – 19 Февраля, Бутырскую – Царя-Освободителя (по выбору) дума не поддержала.

На заседании думы 18 января 1911 г. опять шел разговор, как увековечить имя Александра II. Волков высказал пожелание построить при устье Оми «часовню имени царя». Ему возразили – это праздник не только православного населения России, но и других народностей. При обсуждении вопроса о постанковке памятника вместо бюста гласный Севастьянов был против – при постанковке бюста в детском саду «в детях, посещающих этот сад, навсегда сохранится воспоминание о празднуемом историческом событии». ⁴ Он предложил городу ассигновать постанковку бюста, а частной инициативе – сооружение памятника. С ним согласились. Было принято постанковление соорудить в Омске Народный дом имени Императора Александра II, для него дума бесплатно выделила земельный участок.

26 августа 1911 г. Комитет (комиссия) по постройке памятника Александру II, председателем которого был Председатель Омской судебной палаты В. В. Едличко (он работал параллельно в думской комиссии), обратился в Омскую городскую думу с предложением объединить свои усилия и поставить один памятник: «В самом центре города Омска – против Кафедрального собора – перед подлежащим постройке зданием Судебных установлений в саду его, разбитом так, чтобы был открытым и оставался весь на виду, предположен к постанковке памятник Царю-Освободителю – Императору Александру II. Этот памятник ...должен стать украшением города Омска. Из русского Уральского светло-серого мрамора, на гранитном основании, в северно-русском стиле, созданный по проекту русского художника и изготовленный русскими же мастерами в Мраморных мастерских Екатеринбургского уездного земства с бронзовым бюстом Государя Александра II в центре на мраморном обелиске, памятник этот ...обойдется около шести тысяч рублей», так как нет целесообразности в двух близко стоящих друг от друга монументах, «дабы единением сил материальных достичь скорейшего сооружения памятника, на передней стороне которого будет начертано «Царю-Освободителю – благодарный народ», а на другой стороне запечатлены цифровые данные важнейших реформ царствования Императора Александра II» ⁵. Комитет известил думу, что проект памятника одобрен генерал-губернатором Степного края и выбран среди других городским головой и представителями разных учреждений, на него собрано более трех тысяч рублей. Дума согласилась с этим предложением.

А по подписке на сооружение памятника шли пожертвования. Наказной атаман Сибирского казачьего войска, генерал-губернатор Степного края Е. О. Шмит от лица войска выделил на эти цели 300 рублей.⁶

14 января 1911 г. на своём заседании Омская Городская дума рассматривала вопрос о праздновании полувекового юбилея со дня отмены крепостного права. Обосновывая необходимость самого празднования, в «Протоколе» этого заседания отмечалось: «[...] И хотя коренное население Сибири вообще и Омска в частности не переживало того крепостного ига, которое несло крестьянское население Европейской России до 19 февраля 1861 г., однако нельзя не остановиться на том, что в настоящее время, как вообще в Сибирь, так и в частности в Омск переселилось из Европейской России значительное число лиц, испытавших на дореформенное положение. Поэтому в праздновании наступающего юбилея должно принять участие всё население России [...]»⁷.

Перечень мероприятий в нашем городе по юбилейному чествованию отмены крепостного права в России Омская городская дума определила следующий:

1. Ассигновать 300 рублей на приобретение портретов Императора Александра II и брошюр для раздачи учащимся начальных городских училищ. Так же часть денег из этой суммы планировалось потратить на проведение торжественного акта для учащихся старших классов средних учебных заведений и городских училищ.

2. Решено было обратиться к уполномоченному антрепренёра Омского городского театра с просьбой поставить 19 февраля (т. е. в день празднования) несколько спектаклей по доступным ценам.

3. Осуществить сооружение в г. Омске Народного Дома имени Императора Александра II. Для этой цели потребовать отвести бесплатно участок городской земли и открыть подписку на обзаведение необходимым капиталом.

4. Открыть в 1911/1912 учебном году одну мужскую и одну женскую начальные школы, с присвоением им имени Царя-Освободителя.

5. Учредить в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости по одной стипендии, покрывающей плату за обучение в мужской и женской правительственных гимназиях, техническом училище и центральной фельдшерской школе. Помимо этого, учредить 5 стипендий в пятиклассном городском училище и одно пособие в размере 30 руб. для воспитанника Омской Учительской семинарии⁸.

Однако самой интересной и нестандартной идеей этого списка было решение об установке в Санниковском городском детском саду

(находился до революции на месте нынешнего кинотеатра им. В. В. Маяковского) бюста Царю-Освободителю. На воплощение этого замысла в жизнь гласные Омской думы решили ассигновать из городских средств 1000 руб. Но затем эту идею представители местной власти переиграли и решили вместо бюста перед намечавшимся к постройке зданием судебных установлений соорудить уже памятник. Омская Городская дума на своём заседании 23 сентября 1911 г. с этим предложением согласилась и отпущенные 1000 руб. переадресовать уже на памятник. Единственным пожеланием омских думцев было: «...чтобы проект памятника, если он ещё не представлен на утверждение, был бы одобрен Думой...»⁹.

В архивном фонде Омской городской управы сохранился ряд писем от различных фирм, имевших в наличии уже готовые бюсты и памятники императору или желавших их изготовить – московской фирмы Э. Виллера, Каслинского завода Пермской губернии, Кусинского завода Уфимской губернии. Омску был нужен памятник высотой в 1 аршин 9 вершков, но таких или не было, или они не изготавливались. Близкий к необходимым параметрам чугунный бюст работы академика Забелло нашли на заводе Сан-Галли в Санкт-Петербурге. В 1913 г. Главная контора художественного металло-литейного завода Э. Э. Новицкого предложила Омску памятник работы академика А. М. Опекушина. Переписка с фирмами и заводами продолжалась.

Проекты и их создатели

17 мая 1912 г. за № 4512 из Омска в столицу на имя Министра внутренних дел ушло официальное письмо. Его автор, Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Е. О. Шмит сообщал вышестоящему начальству о том, что в 1911 г. особое междуведомственное совещание под его председательством обсуждало вопрос о чествовании полувекowego юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это собрание единогласно постановило воздвигнуть в Омске памятник Царю-Освободителю. Местом для установки была избрана изначально и окончательно площадь напротив Успенского кафедрального собора, перед предполагаемым к сооружению зданием судебных установлений (ныне Законодательное собрание Омской области). Ориентировочная стоимость памятника исчислялась в 9000 руб. Эту сумму планировалось собрать путём добровольных пожертвований казённых и общественных учреждений Степного края, торговых и промышленных фирм, а также частных лиц. К лету 1912 г. было собрано 600 руб. Бывший незадолго до этого в Санкт-Петербурге генерал-губернатор

Е. О. Шмит во время аудиенции лично доложил императору Николаю II о предстоящем сооружении памятника Царю-реформатору в Омске. Государь весьма благосклонно отнёсся к этой идее. Ввиду этого Степной генерал-губернатор просил Министра внутренних дел посодействовать скорейшему «проведению через Академию художеств и утверждению прилагаемых проектов памятника».¹⁰

Первоначальный проект памятника (который представлял собой бюст Александру II, установленный на постамент, с пьедесталом, окружённым каменной оградой, с двумя шпилями по бокам и фонарями на углах) был выполнен художником А. Шапочкиным.¹¹ Из Департамента общих дел МВД данное отношение вместе с 10 приложениями было направлено 15 июня 1912 г. в Техническо-строительный комитет МВД. Председатель данного комитета Р. Р. Марфельд вместе со своим сопроводительным письмом направил всю документацию на экспертизу в Императорскую Академию художеств. При этом он просил Академию «... о сообщении ему по этому проекту заключения в возможно непродолжительном времени, ввиду особой экстренности дела».¹² В своём заседании 26 июня 1912 г. специальная Комиссия по рассмотрению проектов при Императорской Академии художеств ознакомилась с проектами памятников Царю-Освободителю, намечаемых в трех городах Российской империи. Помимо нашего города, проектную документацию подали города Балт в Подольской губернии и Семипалатинск. Проекты памятников в этих городах, что называется, прошли на ура, а вот омский проект члены комиссии (председателем которой был профессор Л. Н. Бенуа, а членами А. Н. Померанцев, М. П. Боткин, М. Л. Чижов, А. В. Щусев и др. известные личности)¹³ забраковали. Нарекания комиссии вызвали идея и композиция. Какой-то злой рок висел над нашим городом в отношении утверждения проектов. Ранее трижды, как мы знаем, переделывался проект Успенского кафедрального собора, теперь такое же количество раз будут пересоставляться чертежи памятника Александру II!

Какова же причина этого? На наш взгляд, не только в Омске, но и во многих городах Западной Сибири на протяжении всего XIX в. ощущался дефицит как гражданских архитекторов, так и квалифицированных техников-строителей. Нехватка этих специалистов объяснялась, с одной стороны, отсутствием в Сибирском крае учебных заведений, в которых можно было получить архитектурно-строительное образование, а с другой, как правило, нежеланием со стороны лиц, владеющих этими профессиями, отправляться в далёкую Сибирь. А те, кто всё же попадал сюда в приказном порядке, обычно долго не задерживались. Не останавливало даже повышенное жалованье. Исключе-

ния были весьма редким явлением. Наглядным примером такого исключения может служить биография омского архитектора и городского головы Э. И. Эзета (1838–1892). В основном же местным властям приходилось делать ставку на военных инженеров, архитекторов-любителей да на строителей-самоучек. Выполненные ими проекты были разными. Однако в Петербурге с ними не церемонились и оценку давали по принципу «раз из провинции, значит, слабый и его нужно отклонить». Заметим, что принцип этот действовал не только по отношению к проектам памятников, а в ряде случаев относительно казённых зданий и даже храмов.

Техническо-строительный комитет МВД полностью согласился с мнением комиссии о неудовлетворительном составлении проекта памятника и своим письмом от 20 июля 1912 г. за № 1502 известил об этом Канцелярию Степного генерал-губернатора.¹⁴ Начались новые хлопоты, растянувшиеся более чем на полгода. Судя по всему, пытался переработать свой проект художник и скульптор А. Шапочкин. Забегая несколько вперёд, отметим, что, видимо, эти видоизменённые проекты и сохранились в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. Но Степной генерал-губернатор Е. О. Шмит во второй раз решил действовать уже наверняка, поэтому к разработке и составлению проекта памятника привлёк академика В. А. Прусакова. Выбор этот был неслучаен. С одной стороны, новый автор был столичным архитектором и имел вызывающе уважение звания и регалии, а с другой – он проектировал намечающееся к постройке в нашем городе здание судебных установлений.

19 февраля (кстати, это был день 52-й годовщины с момента подписания Высочайшего Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости!) 1913 г. Степной генерал-губернатор вторично обращается в вышестоящие инстанции. Теперь он сам, непосредственно, просит Техническо-строительный комитет МВД в скорейшем времени рассмотреть и утвердить вновь составленный проект памятника. Автором второго проекта, как уже упоминалось выше, стал академик архитектуры В. А. Прусаков. Он родился в 1854 г. Работал в Петербурге. В 1877 г. окончил столичную Академию художеств. Через четыре года за проект окружного суда получил звание художника 1-й степени, а ещё через четыре года стал академиком архитектуры. Состоял на службе в Министерстве юстиции. Проектировал различные здания для Петербурга, Москвы, Твери, Саратова и Крыма. Преподавал в Петербургском институте гражданских инженеров. Умер в период между 1918 и 1924 гг.¹⁵

Составленный заново проект памятника Александру II в Омске вновь попадает на экспертизу в Императорскую Академию художеств.

Только теперь его рассматривает уже не специальная комиссия, а всё академическое собрание. И снова следует отказ, несмотря на известность и регалии проектировщика. На общем собрании, состоявшемся 25 февраля 1913 г., приняли решение: «что означенный проект не может быть одобрен в представленном виде, вследствие мотива пьедестала и его масштаба. Принимая во внимание размер здания, которое должно служить фоном этому памятнику, собрание полагало, что пьедестал к намеченной статуе будет чрезмерно мал. Предполагается, сохранив статую, сделать более видный по размерам пьедестал, простых форм, упразднив полуциркульно расположенные скамьи». Принятое решение было утверждено Президентом Императорской Академии художеств Великой княгиней Марией Павловной. В сложившейся ситуации быстро сориентировался академик В. А. Пруссаков. Он учёл замечания и в считанные дни переработал проект. Измененные чертежи памятника он представил в комиссию по рассмотрению проектов при Императорской Академии художеств, которая третий по счёту проект наконец-то одобрила. Приехавший в Санкт-Петербург генерал-губернатор Степного края Е. О. Шмит также имел возможность воочию ознакомиться с проектом, который ему понравился, и он его одобрил. 11 марта 1913 г. Е. О. Шмит, как усматривается из документов, скорее всего, был на приёме у Николая II. Он показал Императору проект памятника его царственному деду в Омске, и во избежание дальнейших затруднений и волокиты заручился относительно чертежей личным одобрением царя. Об этом он информировал академика В. А. Пруссакова и Техническо-строительный комитет МВД.

*Таким образом, автором проекта памятника Александру II в г. Омске является академик архитектуры В. А. Пруссаков. Исходя из чертежей, мы можем дословно воспроизвести и надпись на постаменте. Она гласила: «Царю Освободителю Благодарный народ».*¹⁶

Дворец Фемиды

Как уже отмечалось выше, памятник предполагалось установить перед зданием судебных установлений. Необходимость в таком здании сказалась в 1899 г., когда в нашем городе были введены в действие «Уставы», утверждённые судебной реформой 1864 г. В здании судебных установлений должны были разместиться учреждения судопроизводства, в том числе и Судебная палата. Разработка проекта нового сооружения была поручена архитектору Министерства юстиции В. А. Пруссакову. В 1913 г. он представил проектную документацию. В своём творчестве Василий Агафонович следовал канонам классического искусства.

Торжественность фасадов нового здания во многом определялась его назначением: это был, выражаясь высоким слогом, храм Правосудия. Местом для будущей постройки был выбран незастроенный земельный участок между Иртышом и Соборной площадью. Омская городская дума безвозмездно выделила для этой цели Министерству юстиции участок земли в 2400 квадратных сажен, за что была удостоена монаршей благодарности. Участок пустовал вплоть до 1914 г. Закладку здания решили приурочить к 50-летию со дня учреждения судебных установлений. 20 ноября 1914 г. она торжественно была произведена. Началу строительства предшествовала установка закладного камня. Технический надзор за возведением здания осуществляли с 1914 по 1917 г. инженер-архитектор А. И. Хмара, а на протяжении двух последующих лет гражданский инженер Ф. А. Черноморченко. К осени 1916 г. строительство здания было закончено, однако отделочные работы внутри здания продолжались на протяжении почти всего 1919 г. Осенью 1918 г. стала заселяться правая сторона здания. Первый этаж занял Правительствующий Сенат правительства А. В. Колчака, на втором разместилось Министерство юстиции, а на третьем расположилась Судебная палата. В августе 1919 г. на первом этаже разместили также лазарет. С приходом советской власти хозяева в здании сменились. В левом крыле верхнего этажа обосновался Сибревком, а в правом – Штаб помощника Главкома вооружёнными силами РСФСР по Сибири. Остальные этажи здания занимали: отделы юстиции, народного образования, коммунальный, финансовый и др. В 1922 г. Сибревком переезжает в Новониколаевск (ныне Новосибирск), а в здание въезжают губком партии, губернская контрольная комиссия и губисполком. С этих пор Первый дом Советов (так теперь именовалось это здание) становится на ближайший семидесятилетний период местопребыванием областного партийного руководства. С 1934 г. здесь разместились руководящие органы советов, партии и комсомола. В настоящее время в здании находится Законодательное собрание Омской области.¹⁷

Судьба проекта

Теперь несколько слов по поводу того, был ли установлен памятник или нет. Из-за отсутствия конкретных документов на сегодняшний день однозначного утверждения по этому вопросу дать нельзя, однако с большой степенью вероятности можем предположить, что 30 августа 1916 г., видимо, состоялось открытие памятника.

Доподлинно известно, что его закладка торжественно была произведена вместе с закладкой намечавшегося к строительству здания

судебных установлений. Однако вернёмся к 20 ноября 1914 г. Накануне вечером, в здании Омской Судебной палаты была отслужена панихида по «в бозе почившему Царю-реформатору». В сам же день торжеств в Успенском кафедральном соборе Епископом Омским и Павлодарским Арсением в память полувекового юбилея судебных установлений (который пришёлся на этот день) в час дня торжественно был отслужен благодарственный молебен, а затем на площади, перед собором торжественно была произведена закладка памятника Александру II и будущего здания судебных установлений. Одновременно были заложены два закладных камня.¹⁸ Текст одного из них гласил следующее: «Царю-Освободителю Императору Александру II благодарный народ воздвиг сей Памятник, закладка коего учиняется 20-го ноября 1914 года, в 21-й год благополучного Царствования Государя Императора Николая Второго, в день Пятидесятилетия Судебных Уставов Императора Александра II в г. Омске, Акмолинской области, Степного Края России, в бытность Начальником Края – Генерал-губернатора, Генерала от Кавалерии Евгения Оттовича Шмита, Епископом Омским и Павлодарским – Пресвященного Арсения, Акмолинским Губернатором – Действительного Статского Советника Александра Николаевича Неверова и Городским Головою – Василия Александровича Морозова, Председателем Комиссии по сооружению сего Памятника – Тайного Советника Вячеслава Вячеславовича Едличко, Членами Комиссии Действительных Статских Советников Дмитрия Георгиевича Явленского, и Михаила Ахиллиевича Васильева и Казначеем Комиссии Статского Советника Николая Ивановича Бевада, в присутствии Представителей Ведомств и Учреждений города Омска».¹⁹

А в Петроград на имя Министра юстиции действительного тайного советника В. Щегловитова за подписью В. В. Едличко полетела телеграмма. В ней рапортовалось вышестоящему начальству о только что произведённой закладке памятника и здания.²⁰

В местной прессе также сообщалось о том, что строительство памятника и здания будет вестись по рисункам архитектора В. А. Пруссакова и инженера А. И. Хмары.²¹ Однако можно предположить, что к проекту и рисункам памятника более причастен первый, нежели второй.

Начавшаяся война, видимо, отодвинула постановку самого памятника. О строительстве постамента и отливке скульптуры достоверных сведений пока не имеется.

Речь о нем зашла уже в 1916 году, когда дума 10 мая рассматривала программу празднования 200-летия Омска.²² Судя по всему, постамент был уже готов к лету 1916 г. К этому же времени, видимо, была и доставлена скульптура. Городской голова указал на возможность

постановки памятника Александру II перед зданием судебных установлений. Гласные единогласно согласились с этим предложением. При рассмотрении программы празднования юбилея генерал-губернатор Степного края Н. А. Сухомлинов признал несвоевременным устройство юбилейных торжеств, в связи с Первой мировой войной, и сократил программу празднеств.

Газета «Омский телеграф» 17 июня информировала омичей, что на заседании городской думы было решено приурочить его открытие к празднованию 200-летия Омска 20 июля.²³ Но Степной генерал-губернатор открытие памятника отложил более чем на месяц. К тому же, видимо, не совсем по душе он пришёлся последнему генерал-губернатору Степного края. Кто знает, что здесь сыграло негативную роль. Возможно, зависть к идее предшественника всколыхнула в старом генеральском сердце затаившиеся амбиции, а может быть, памятник стал слишком дорогим удовольствием для местной казны!

Юбилей города был отмечен достаточно скромно. На площади у Ильинской церкви состоялось молебствие, позднее в здании городской думы прошло торжественное заседание, где генерал-лейтенантом Г. Е. Катанаевым была прочитана его историческая справка об основании Омска, в честь памятной даты также были сложены недоимки с населения, пострадавшего от несчастных случаев.

26 июля 1916 года «Омский телеграф» сообщил: «На 30 августа в день памяти перенесения мощей св. благ. князя Александра Невского приурочено открытие в гор. Омске памятника Императору Александру II против здания судебного ведомства».²⁴ Изготовление и транспортировка скульптуры обошлись омским властям в 11000 руб.

Был ли в тот день открыт монумент или нет, на сегодняшний день доподлинно неизвестно. Документальное подтверждение на этот счёт пока не найдено. Однако, думается, что это лишь вопрос времени. Косвенные же данные дают нам основания предполагать, что памятник всё же был установлен. Известно, что во вторник, 30 августа, Святитель Сильвестр отслужил в Успенском кафедральном соборе Божественную литургию, а после неё молебен. Ни в один другой день, за весь август, архиерейским чином после литургии молебнов не служилось. А ведь были такие праздники, как Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы и Усекновение главы Иоанна Предтечи, которые по своему статусу были гораздо выше, чем день Святого благоверного Князя Александра Невского.²⁵ Значит, здесь дело не только в церковном празднике! А вот приказ по Омскому гарнизону за 25 августа 1916 г. за № 84 оповещает всех воинских чинов о предстоящем богослужении и предписывает всем свободным от службы офицерам и военным чи-

новникам прибыть в Успенский собор.²⁶ Не выявлены сведения об установке памятника и в фондах Госархива. На плане же г. Омска за 1917 г. памятник Александру II уже обозначен. А то, что до нас не дошли фотографии с его изображением, такое было время. Виды и фотографии нашего города за 1917 г. тоже встречаются крайне редко

Связь времен и поколений

Авторы убеждены, что сам факт обнаружения постаментов есть событие знаковое. Ведь это произошло при завершении строительства Успенского кафедрального собора и в канун 170-летней годовщины посещения Западной Сибири Великим князем, Цесаревичем Александром Николаевичем, вошедшим в отечественную историю под именем Императора Александра II.

В 1837 г. молодой Цесаревич и Наследник Российского Престола Великий князь Александр Николаевич стал первым из особ Императорского Дома, кто посетил в ходе ознакомительной поездки по России и Западную Сибирь. До г. Омска, правда, Цесаревич не доехал, но с 1 по 4 июня был в Тобольске. Для встречи девятнадцатилетнего наследника в этот город, тогда ещё столицу Западной Сибири, отправилась и делегация омичей.

В своём письме к отцу Цесаревич отметит: «Многие приехали ... из Омска и Томска ...»²⁷. Был в числе тех приезжих и инспектор классов Войскового казачьего училища, войсковой старшина Шрамов. Он был лично представлен Великому князю и от лица питомцев и преподавателей Училища преподнёс будущему императору «Историческое описание» учебного заведения, математический инструмент, изготовленный работающим при Училище урядником 1-го класса Корниловым, и портфель. Содержание последнего составляли: 9 чертежей, 6 рисунков и 20 прописей, написанных на 6 языках, преподававшихся в Училище, а также сочинения на трёх языках, «закрывающие в себе чувствования воспитанников о посещении Сибири Его Императорским Высочеством...»²⁸. На все эти подарки «Наследник Престола отозваться изволил весьма довольным»²⁹, а уряднику 1-го класса Корнилову за присланный им собственноручной работы математический инструмент даже пожаловал 300 рублей.³⁰

Через 61 год, в августе 1898 г., в Москве открывали памятник Александру II. Своих представителей в столицу направляли все регионы Российской империи. В этих торжествах принимали участие городские головы областных городов, волостные старшины, представители «инородческого» населения Степного края, в их числе был и омский

голова Н. П. Остапенко.³¹ По прошествии более чем десяти лет речь о памятнике Александру II зашла и в Омске.

Так что связь с Омском и его жителями, хоть и опосредованная, у Государя Императора Александра II всё же имелась. За годы его царствования в Западно-Сибирском крае в целом, и в Омске, в частности, развивалось просвещение, возникали различные научные и благотворительные Общества, было преобразовано Сибирское линейное казачье войско, установлена телеграфная связь между Омском и Европейской Россией, в городе на Иртыше была учреждена и стала выходить первая газета – «Акмолинские областные ведомости», но самое главное – в городах Края было введено в действие Городовое положение 1870 г. и учреждены в Акмолинской и Семипалатинской областях первые в Сибири мировые суды.

Но если вдруг по каким-либо причинам и окажется, что бронзовая скульптура в августе 1916 г. всё же не была установлена, то это никоим образом не может служить аргументом того, что памятника не было вообще. Место под него было освящено, закладной камень установлен, видимо, даже был сооружён и постамент. Не хватало лишь только скульптуры, которая, кстати, как мы уже знаем, была доставлена в наш город. Отсюда наша задача и наш долг довершить то, что по каким-либо причинам не смогли или не успели сделать наши предки. Думается, что воссоздание и установка памятника Царю-реформатору в нашем городе, на старом месте, перед зданием Законодательного собрания Омской области явилось бы актом исторической справедливости.

¹ См.: Шихатов И. В третьей столице обнаружен «царский след» // Третья столица (Омск). – 2007. – № 39(371). – 21 июня. – С.11 ; Он же, «Загуляли» омские памятники // «Ваш Ореол». – 2007. – № 27(442). – 4 июля. – С.10 ; Касьянов В. Кто автор памятника Царю-Освободителю в Омске? // «Вечерний Омск-Неделя». – 2007. – № 46 (6583) – 20 июня. – С. 4.

² Данный раздел статьи подготовлен Л.И. Огородниковой.

³ ГУ ГАОО. Ф. 172. – Оп.1 – Д. 152. – Л.8.

⁴ Там же, Л.15.

⁵ Вестник Омского городского управления. 1911. – № 35. – С. 8–9.

⁶ ГУ ГАОО. Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2900.

⁷ Вестник Омского Городского Управления. – 1911. – № 3. – С. 4–5.

⁸ Вестник Омского Городского Управления. – 1911. – № 4. – С. 4–9.

⁹ Вестник Омского Городского Управления. – 1911. – № 38. – С. 10.

¹⁰ РГИА. Ф. 1293. – Оп. 108. – Д. 73. – Л.Л. 1, 1 об.

¹¹ Там же, Л. Л. 6–8.

¹² Там же, Л. 3.

¹³ РГИА. Ф. 789. – Оп.13. – Д.94. – Л. 6.

¹⁴ РГИА. Ф. 1293. – Оп. 108. – Д. 73. – Л.Л. 10–11.

-
- ¹⁵ Девятьярова И. Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX в. // Известия Омского Государственного историко-краеведческого музея. – № 2. – Омск, 1993. – С. 11.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1293. – Оп. 166. – Д. 24. – Л.1.
- ¹⁷ Девятьярова И. Г. Храм Фемиды на Соборной площади. // Вечерний Омск. – 1990. – № 175(3475). – 1 авг. – С. 3
- ¹⁸ Хроника. Разные известия. Закладка здания и памятника. // Омский телеграф. – 1914. – № 252.–21 ноября. – С. 3.
- ¹⁹ ГУ ГАОО. Ф. 25.– Оп.1. – Д.279. – Л. 19.
- ²⁰ Там же, Л. 21.
- ²¹ Хроника. Разные известия. Закладка здания и памятника. // Омский телеграф.– 1914.– № 252.–21 ноября. – С.3.
- ²² ГУ ГАОО.Ф.172.– Оп.1.– Д. 191.
- ²³ Хроника.// Омский телеграф. – 1916. – № 128. – 17 июня.
- ²⁴ Хроника.// Омский телеграф. – 1916. – № 158. – 26 июля. – С.2.
- ²⁵ Омские Епархиальные Ведомости. - Часть неофиц. – 1916. – № 37. – 11 сент. – С. 21.
- ²⁶ Приказы и приказания по гарнизону г. Омска на 1916 г. – Омск,1916.
- ²⁷ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с Императором Николаем I 1837 год / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. – М., 1999. – С. 58.
- ²⁸ ГУ ГАОО. Ф. 19. – Оп. 1. – Д.1. – Л. 152.
- ²⁹ Там же, Л.167.
- ³⁰ Там же, Л.164; ГУ ГАОО. Ф. 19. – Оп.1. – Д.3. – Л. Л. 45, 50 об.
- ³¹ ГУ ГАОО. Ф.30. – Оп. 1. – Д.23. – Л. Л. 101–102.

Типовой бюст. Скульптор —
А. М. Опекушин

Вариант типового
проекта. 1911 г.

Сопроводительное письмо
металлолитейного завода
Э. Э. Новицкого

Главная Монета Художественного
Металло-Литейного Завода

Э. Э. Новицкий

С.-ПЕТЕРБУРГ

СААДЫ № 22
ТРАФ. № 95-31

СПБ. 18-го Апреля 1913 года.

ОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ УГАРЪ

Г. ОМСКЪ
Анжованской области.

Милостивые Государь,

По инициативе у нас газетным объ-
единенъ, вы желаете соорудить памятникъ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАН-
ДРУ II-му, въ виду чего кѣмъ честь предложить Вамъ свои на-
броски.

За послѣднiе два года нашимъ Заво-
домъ было поставлено болѣе 2800 памятниковъ ИМПЕРАТОРА АЛЕК-
САНДРА II-го, что служитъ доказательствомъ осязаемаго поспѣ-
шiя переданныхъ намъ заказовъ.

Препроводя въ видѣ съ оныхъ отдѣль-
ной заказной бандерою нашъ каталогъ памятниковъ, позволимъ
себѣ просить Васъ обратитъ Ваше благожелательное вниманiе на
памятникъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го, работы известнаго Скульп-

птора - Академика А. М. О п е к у ш и н а, авторское право
на модель которой которыхъ принадлежитъ исключительно нашей
фирмѣ.

Въ ожиданiи Вашего распоряженiя, про-
симвомъ

съ оговоренными почтовыми

Художественный
Металло-Литейный Заводъ
В. Э. Новицкий

Каталогъ отдѣльной
заказной бандерою.

Л.Р.

Л.Р.

Въ день пятидесятилѣтїи Свѣдѣній Имѣтельна Императора
Александра II—20 января 1911 года, въ часъ два въ Высочайшій
верховный Соборъ будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ
состоятся на имени судебного вѣдомства закладка на памятникъ Царю-
Освободителю и званїя Свѣдѣній Имѣтельныхъ.

18

Познавая о въ Того послышала Свѣдѣній Имѣтельна
Императора Александру II будетъ отслужена 19-го сего Января,
въ пять часовъ дня, въ зданїи Высшей Судебной Палаты.

Второй Предсѣдатель Высшей Судебной Палаты имѣетъ честь до-
вести объ этомъ до Вашего свѣдѣнїя.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТЪ НА ЗАКЛАДКУ
ПАМЯТНИКА. 1914 г.

Отношенїе Степного Генераль-Губернатора на имя Преосвященнаго Гавриила.

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырѣ.

Междувѣдомственнымъ совѣщанїемъ, состоявшимся 13 сего января подъ моею предсѣдательствомъ, по вопросу о чествованїи пятидесятилѣтїя освобожденїя крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, между прочимъ, постановлено воздвигнуть въ память этого событїяobeliskъ Царю Освободителю Александру II въ г. Омскѣ, на площади противъ собора, предназначенной для постройки зданїя судебныхъ установленїй.

Увѣдомляя о вышеизложенномъ, прошу Ваше Преосвященство предложить подвѣдомственнымъ Вамъ лицамъ и учрежденїямъ принести свою посильную лепту на увѣковѣченїе столь знаменательнаго событїя. Желательно, чтобы жертвователи, въ случаѣ ихъ согласїя были привлечены къ осуществленїю этой цѣли посредствомъ ежемѣсячнаго добровольнаго отчисленїя изъ получаемаго ими по службѣ содержанїя.

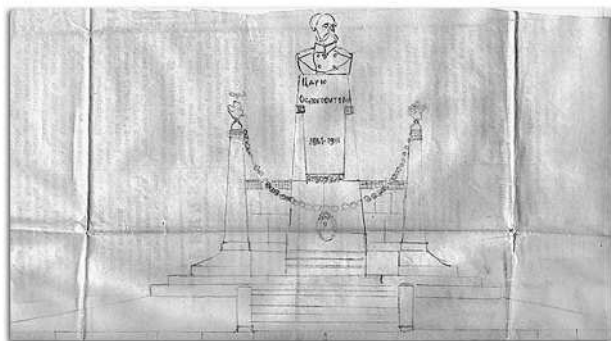
Деньги эти должны быть препровождены въ мою канцелярїю на имя управляющаго А. А. Наумова.

Поручая себя Архипастырскимъ молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть Вашего Преосвященства глубокоуважающей Васъ

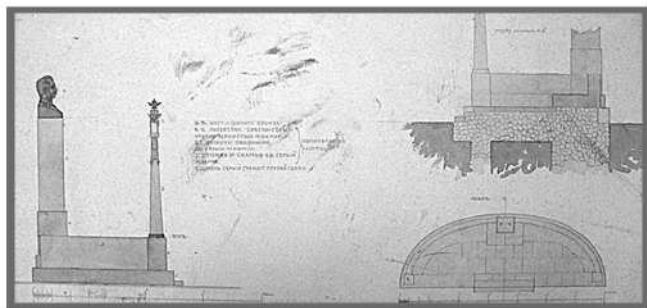
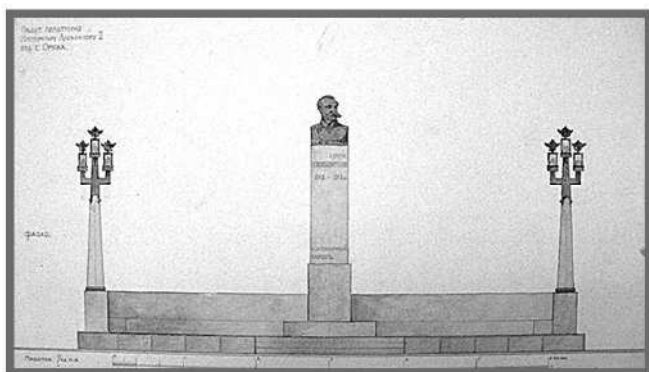
Е. Шмидтъ.

Января 27 дня 1911 г. № 716.

ОБРАЩЕНИЕ Е. О. ШМИТА КЪ ЕПИСКОПУ ОМСКОМУ
И СЕМИПАЛАТИНСКОМУ ГАВРИИЛУ СЪ ПРОСЬБОЙ
ПРОВЕСТИ СРЕДИ ДУХОВЕНСТВА СБОРЪ ДОБРОВОЛЬНЫХЪ
ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА СООРЪЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА
АЛЕКСАНДРУ II ВЪ Г. ОМСКЕ. 1911 г.

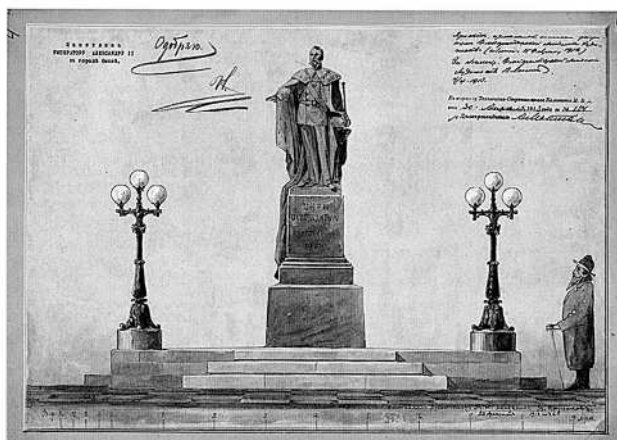
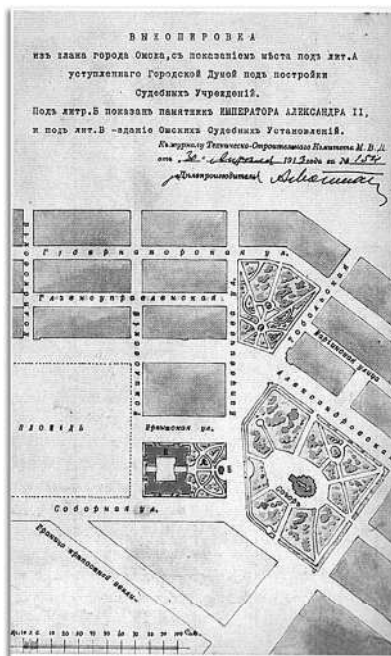
Первоначальный проект А. Шапочкина. 1912 г.

Проект памятника Александру II для г. Омска.
Скульптор – А. Шапочкин. 1913 г.

Документы из фондов ГУ ИСА ОО

**Выкопировка из плана г. Омска
с указанием места под памятник
Александру II.
(Из книги «Омский Успенский
Кафедральный Собор». Омск, 2008)**

**Эскизный проект памятника Александру II в Омске, составленный
В. А. Прусаковым. 23 февраля 1913 г.**

ЗАКЛАДНОЙ КАМЕНЬ, ИЛИ ПОСТАМЕНТ
ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ II.
ФОТО А. М. ЛОСУНОВА. 2005 Г.

19

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЮ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II-
ВОЗДВИЖЪ
БЛАГОДАРНЫЙ НАРОДЪ (сей Памятникъ, закладка коего учиняется 20-го
Н о я б р я 1914 года, въ 21-й годъ благополучнаго Царствования
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВТОРОГО, въ день П я -
т и д е с я т и л ѣ т и я Судебныхъ Уставовъ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО ~~изданнымъ~~ въ гор. Омскѣ, Ак-
молинской области, Степного Края Россіи, въ бытность Начальникомъ
Края-Генералъ Губернатора, Генерала отъ Кавалеріи Евгенія Оттовича
Ш м и т а , Епископомъ Омскимъ и Павлодарскимъ-Преосвященнаго
Арсеція , Акмолинскимъ Губернаторомъ-Дѣйствительнаго Статскаго
Совѣтника *Александръ Николаевичъ*
~~Николай Ивановичъ~~ Н е в ѣ р о в а и Городскимъ
Головою-Василія Александровича М о р о з о в а , Предсѣдателемъ
Комиссіи по сооруженію сего Памятника-Гайнаго Совѣтника Вячеслава
Вячеславовича Е Д Л И Ч И О (*Членами Комиссіи*)
Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣт-
никовъ Дмитрія Георгіевича Я в л е н с к а г о , Михаила Ахиліе-
вича В а с и л ѣ в а и Казначеемъ Комиссіи Статскаго Совѣтника
Николая Ивановича Б е в д а , въ присутствіи Представителей Вѣ-
домствъ и Учрежденій города Омска ~

ТЕКСТ НА ЗАКЛАДНОМ КАМНЕ. 1914 г.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ

И старый, и советский Омск знал немало примеров, когда у властей города, у горожан возникали идеи установки в нашем городе памятников выдающимся деятелям как общероссийского, так и местного масштаба, но которые так и не были поставлены. Как правило, объявляли сбор пожертвований, часть средств готова была выделить Городская дума. Так было с проектами памятников императорам Александру I, Александру II (памятник последнему даже был изготовлен и доставлен в Омск), М. М. Сперанскому, Г. И. Глазенапу и др. Та же участь постигла и памятник А.С. Пушкину, который омские власти задумали установить в родном городе

2 февраля 1861 г. Канцелярия Главного управления Западной Сибири получила циркуляр Министерства финансов об открытии в Западной Сибири подписки на памятник А. С. Пушкину. Инициаторами этой акции стали воспитанники Императорского Александровского (Царскосельского) лицея, «уверенные в глубоком сочувствии соотечественников к памяти питомца сего заведения Александра Пушкина... о дозволении открыть повсеместно подписку для сооружения этому поэту памятника, достойного народной его славы». Предварительно было принято решение поставить будущий памятник в Лицейском саду в Царском Селе в честь 50-летия основания лицея. Канцелярия Министерства Финансов поручила открыть Тобольской казенной палате подписку на сооружение данного памятника с передачей жертвуемых денег в местные уездные казначейства. Собранных средств не хватило, затем пожертвования прекратились, но идея поставить памятник поэту не пропала. Через 10 лет, в 1871 г. в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях, других периодических изданиях было напечатано объявление об учреждении Комитета для сооружения памятника Пушкину с целью возобновления открытой в 1860 г. подписки. В этот раз решили поставить памятник в Москве. Комитет направил на имя генерал-губернатора Западной Сибири А. П. Хрущова письмо с просьбой оказать содействие в распространении подписки и препровождении пожертвований и три экземпляра подписной книжки. Генерал-губернатор дал ход этой бумаге. Первое отделение Главного управления Западной Сибири выпустило предписание, на территории Западной Сибири была объявлена эта подписка. А. П. Хрущов одним из первых по-

жертвовал на памятник 10 руб. Подписывались и другие. Знаменитый ныне памятник Пушкину в Москве открыли. Мысли увековечить имя поэта в Омске бродили в головах некоторых омичей уже в те годы.

Речь о памятнике А. С. Пушкину в Омске зашла в год столетия его кончины. В 1937 г. наша страна широко отмечала 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Созданный Всесоюзный Пушкинский комитет разработал специальную программу чествования памяти поэта на всей территории Советского Союза, которую утвердил Совнарком. Намечались многочисленные выставки, концерты, издание его произведений, установка памятников.

Областной и городской Пушкинские комитеты были образованы и в Омске в ноябре 1936 г. Возглавили их заместители председателей обл- и горисполкомов. Обширная программа мероприятий ставила основной целью – «ознакомить широкие массы с жизнью и творчеством поэта». В честь Александра Сергеевича улицу Фабричную переименовали в Пушкина, его имя было присвоено одной из школ, скверу, где позднее предполагали поставить памятник поэту. Но к 10 февраля 1937 г. установить такой памятник было невозможно, слишком мало оставалось времени до юбилейной даты.

В памятный день после торжественного заседания в здании Омского драматического театра в 5 часов вечера состоялась закладка памятника «светочу русской поэзии». Местом для него была выбрана площадка бывшей Ильинской церкви у сквера вдоль Оми, названного Пушкинским. Собрались делегации от предприятий, вузов, общественных организаций. На митинге выступили учитель Луговников, работница завода имени Куйбышева Ноздрякова, художник Суслов, председатель городского пушкинского комитета Балугев: «Для нас, трудящихся г. Омска, имя Пушкина – это знамя борьбы за овладение знанием и культурой». На большую гранитную глыбу председатель облисполкома С. С. Кондратьев (через полгода его исключат из партии за связь с врагами народа) прибил медную табличку: «10 февраля 1937 г. здесь заложен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину. 1799–1837».

Несколько дней город был взбудоражен. К месту будущего памятника шли многие горожане. Памятник городские власти обещали поставить к концу года. Сначала было объявлено, что его созданием займется Омский проектный институт (ныне – Омскгражданпроект), но он решил лишь на оформление близлежащего сквера. Облисполком через свое представительство в Москве пытался выяснить, нет ли в столице готовых монументов для продажи, но ничего не нашли. Поиски привели омичей в производственное бюро Московского областного

Союза советских художников-скульпторов, заказчиком выступал Омгоркомхоз. 1 апреля они заключили между собой договор на изготовление для Омска скульптурной фигуры поэта в 2,5 м высотой, барельефа портретного сходства, текста для памятника, постамента. Памятник должны были поставить в Омске 20 октября 1937 г. Из городского бюджета Горкомхозу выделялось 50 тысяч руб., из которых 42500 он отдавал в Москву.

3 июля 1937 г. Президиум Омского горсовета утвердил предложенное Омскпроектом (архитектор Е. А. Степанов) оформление сквера у памятника с небольшими изменениями. Он порекомендовал убрать кольцевую посадку вокруг памятника, оставив лишь газон у постамента, увеличить ширину центральной лестницы, были еще кое-какие предложения по планировке газонов в главной части сквера. Изготовление ваз и полуваз для цветов передали мастерской товарищества «Художник». Планировалась установка в сквере фонтана. Бассейн предполагали оформить полированной штукатуркой с мраморной крошкой зеленого цвета. Для площадок в сквере готовили каменные плиты, тесанный камень – для ступеней к памятнику. Омск ждал открытия монумента.

В Москве над памятником Пушкину для Омска работал скульптор Айзенштадт. Никакого тематического задания по памятнику у него не было, ему дали полную творческую самостоятельность – все на усмотрение автора. В июне 1937 г. московское бюро писало в Омск, что работа в периоде исканий, готовится эскиз и через месяц-полтора скульптуру закончат в глине. Омское представительство назначило на 20 сентября общественный просмотр, разослало приглашения пушкиноведам, искусствоведам, скульпторам, в том числе известному скульптору И. Д. Шадру, работавшему когда-то в Омске и принимавшему участие в конкурсе на памятник «Борцам революции». Но когда время подошло, всех известили, что просмотр переносится на более поздний срок в связи с переделкой скульптуры автором. Так и шла переписка весь 1937 г., перейдя в 1938-й. В марте 1938 г. памятник обещали показать первому секретарю Омского обкома ВКП(б) Д. А. Булатову, но он опять не был готов. Сроки переносились и переносились. В Омске нервничали, требовали выполнения заказа. Чтобы сдвинуть дело, обратились к профессору Н. В. Цицину, который был депутатом Верховного Совета СССР от Омской области. В московском бюро профессора заверили, что памятник будет готов до мая 1938 г. Но и тогда уже было ясно, что этот срок нереален – работа была только в первой стадии, шла лишь обработка гипса. Переписка с московским бюро прервалась. Видимо, омичам стало понятно, что в ближайшее

время скульптуры им не видать. Начавшаяся война перечеркнула все планы о памятнике Пушкину в Омске. 20 апреля 1957 г. на этом месте был открыт памятник В. И. Ленину. Но даже до сих пор некоторые старожилы-омичи продолжают называть это место Пушкинской горкой – здесь должен был стоять памятник нашему великому поэту.

Источники:

ГУ ИсаОО. Ф.3. Оп.3. Д. 4260. Л. 96.

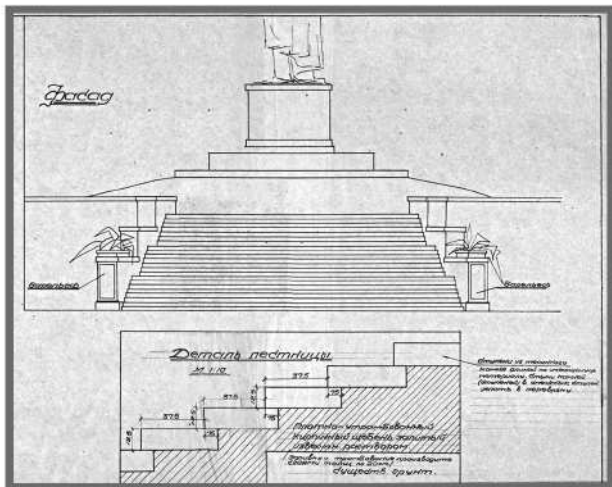
Ф. 67. Оп.2. Д. 2081.

Ф. 235. Оп.1. Д. 693; Д. 748. Л.25; Д. 751. Л. 30; Д. 754.

Ф. 437. Оп.19. Д.391, Д. 402. Л. 44; Д. 405. Л. 162; Д. 414. Л. 14.

Ф. 1104. Оп.2. Д. 286.

Омская правда. – 1937 г. – 11, 12 февраля (№ 36, 37)

ПРОЕКТ ОФОРМЛЕНИЯ СКВЕРА У ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНА.
АРХИТЕКТОР Е. А. СТЕПАНОВ. 1937 Г.

24

Трудающиеся чествуют память великого поэта
Вечером 10 февраля

Великий шаг ПЕРВЫЙ
Вечером 10 февраля в Омске состоялось торжественное собрание в честь великого поэта. В зале собралось много народа. Вечер начался с концерта. В программе были песни и стихи. В заключение вечера был показан фильм о жизни и творчестве Пушкина.

РЕШИЛИ ЧИТАТЬ СЮЖЕТЫ
Директор Дома культуры решил, что в дни юбилея Пушкина нужно читать сюжеты его произведений. Это поможет людям лучше узнать творчество поэта.

ДИКАЯ КОНОПТА
Вчера в Омске была показана картина «Дикая конопта». Фильм рассказывает о жизни и творчестве Пушкина. Картина получила высокие оценки зрителей.

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК
Вечером 10 февраля в Омске был объявлен особый порядок в честь юбилея Пушкина. В этот день запрещены все массовые гуляния и мероприятия.

ПУШКИНСКИЕ ВЕЧЕРА В ВОСКРЕ
В воскресенье 12 февраля в Омске будут проходить Пушкинские вечера. В программе будут стихи, песни и музыка.

Юбилейные празднества в Омске в клубе ПЛЕХАНОВСКОМ
В клубе Плехановском в эти дни будут проходить юбилейные празднества. В программе будут концерты, спектакли и выставки.

О БОЛЬШИМ ПОДЕМОМ
В Омске начался большой подъем в честь юбилея Пушкина. Люди активно участвуют в различных мероприятиях.

И ДНО УРАЛ
В Омске в эти дни будут проходить мероприятия в честь юбилея Пушкина. В программе будут стихи, песни и музыка.

ФРАГМЕНТ ГАЗЕТЫ «ОМСКАЯ ПРАВДА», 12 ФЕВРАЛЯ 1937 Г.

Документ из фондов ГУ ИСА ОО

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Первая половина двадцатого века стала суровым испытанием для соотечественников. На долю наших дедов выпали не только революции, мировые и гражданская войны, но и социально-экономические эксперименты советской эпохи, сопровождавшиеся массовыми политическими репрессиями, уничтожением крестьянства.

Как известно, реабилитация жертв незаконных репрессий началась с 1953 г. и особенно активизировалась после XX съезда КПСС (1956), осудившего культ личности И. Сталина и его последствия. В то время с тысяч людей сняли ложные обвинения, и они были реабилитированы. Однако в 1960-х гг. XX века эта работа была приостановлена и не доведена до конца. Перестройка и связанные с ней процессы демократизации, гласности, начиная с 1985 г., потребовали восстановления исторической правды и справедливости, ясности и четкости в политических оценках событий прошлого, выполнения нравственного долга перед памятью старших поколений, униженных, оскорбленных.

Политбюро ЦК КПСС создает комиссию под председательством М. С. Соломенцева для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями 1930–1940-х и начала 1950-х годов XX века (Постановление от 28 сентября 1987 г.)¹. В её компетенцию входило «увековечение памяти жертв политических репрессий». Исполнительным комитетам на местах рекомендовано решать вопросы, связанные с изысканием необходимых средств на установление памятных знаков.

В самом центре Омска, его историческом сердце, установлен памятник-часовня. Автор этого комплекса – заслуженный архитектор Российской Федерации М. М. Хахаев (1942–2005). Это священное место для горожан, потерявших своих родных в годы репрессий. Место в середине сквера достаточно тихое, но не безлюдное. 30 октября – в День памяти жертв политических репрессий – к памятнику стекаются людские ручейки: соотечественники, чудом выжившие в страшное лихолетье, члены их семей, прохожие.

Кому и для кого установлен столь необычный памятник? Предыстория омских памятных знаков такова. На смутные девяностые годы XX века пришелся пик активности общественно-политической организации «Мемориал». Омское отделение, возникшее в 1988 г.,

проводило огромную работу по сооружению памятного знака в Омске. Вот что вспоминал архитектор М. М. Хахаев: «Летом 1990 г. я получил приглашение от актива общества «Мемориал» на заседание. Встретил там много пожилых людей, которые на себе испытали ужас лагерей, смерть своих близких. И я решил помочь им всем, чем смогу, а, главное, создать памятник жертвам Омского ГУЛАГа»².

Был объявлен конкурс на проект памятника. Пока велись споры и проходили конкурсы на проектирование памятника, один из омских предпринимателей подарил обществу «Мемориал» камень-валун для использования в качестве памятного знака жертвам сталинских репрессий. В связи с отказом городских властей поставить этот камень в центре города, члены общества «Мемориал» организовали пикет у здания горисполкома с единственным требованием – выделить в центре города место для установки памятного знака. Администрация города вынуждена была дать разрешение на установку камня в сквере у здания бывшего управления НКВД (ныне УФСБ). 24 ноября 1991 г. при большом стечении омичей был торжественно открыт и освящен первый в Омске памятник с мемориальной доской «Жертвам сталинских репрессий». По мнению омского краеведа В.И. Селюка, это лучший памятник репрессированным, скромный камень, к которому подходят поклониться не толпой. Памятник, у которого можно увидеть узников сталинских лагерей, их детей, внуков. Памятник, к которому идут по зову души. Он уже зафиксирован в историческом сознании омичей. А сегодня мы наблюдаем, как в торжественные свадебные дни к нему приезжают молодожены, возлагают цветы, фотографируются.

С трудом добившись установки мемориального камня, представители общества «Мемориал» продолжали инициировать создание большого памятника и даже организовали сбор средств.

Наконец, после трехлетнего творческого поиска, ожесточенных споров в градостроительных структурах, СМИ по итогам конкурса 1993 г. предпочтение было отдано проекту М. М. Хахаева. Жюри, считаясь с мнением членов правления общества «Мемориал», отметило его работу лучшей, учитывая идею памятника и месторасположение.³

В основе мемориала репрессированным – философское понимание темы ПОКАЯНИЯ и ПАМЯТИ, выраженное в образе символического храма- часовни, вторая идея – условная могила с землей, взятой с территорий ГУЛАГа. Где покоятся останки близких, не все знают, а сюда можно прийти, когда захочется, постоять, склонить головы перед невинно убиенными, оставить цветы, зажечь свечу...

В марте 1993 г. была подготовлена проектная документация и определена строительная площадка. 1 апреля 1994 г. произошла закладка

первых кирпичей в опоры памятника-часовни, да так быстро и слаженно, что уже через несколько дней в сквере напротив Главпочтамта выросла двенадцатиметровая арка, а в её стенах, в виде раскрытой книги, появились памятные списки 95 лагерей страны, где гибли люди.

На двух заглавных досках арочных стоек размещены тексты великих писателей России, которые связаны как величием духа, так и омским заточением. Тексты, выбранные и утверждённые конференцией членов общества «Мемориал».

Доска № 1

«... Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди, ни в чём не виновные и не подготовленные ни к какому сопротивлению.

А. И. Солженицын»

Доска № 2

«... Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего, но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?...

Ф. М. Достоевский»

Слова, написанные этими людьми, разделяет более века, но они удивительно совпадают в своей нравственно-философской основе.

На третьей и четвёртой досках: *«Здесь собрана земля из лагерей, тюрем, мест и захоронений жертв политических репрессий Омской области. Спецпереселенцы во всех районах области и других регионов»* (от Амурской области до Якутии по алфавиту – Авт.).

На пятой, шестой и седьмой – *и ещё из 95 лагерей европейской части.*

На восьмой – *«РОССИЯ СКОРБИТ И ПОМНИТ».*

Ниже раскрытых книг памятника-часовни в углах опор размещены четыре решётки в виде тюремных, с гнездами для цветов и свечей. На шестиметровой высоте – 300-килограммовый КОЛОКОЛ ПАМЯТИ, увенчанный золотым куполом, который звучит набатом 30 октября – в Международный день памяти жертв политических репрессий. На колоколе надпись *«Исповедуемся перед Всемогущим Богом и людьми. Мы были невиновны».* В сводах – 4 колокольчика, которые издают звон на ветру. Мелодичный перезвон колокола напоминает о трагических днях нашей истории.

Под полом skleп, куда свезена и ссыпается земля. Первую горстку земли ещё недостроенного памятника 5 июля 1994 г. высypал в капсулу Александр Исаевич Солженицын, возвращавшийся из места изгнания на родину через всю территорию России. Он высоко оценил строительство памятника, порадовавшись за омичей.

В центре Храма – разлом в плитах пола, из которого, как бы пробивая толщу бетона, камня, земли, через трещину произрастают лепестки деревца.

Этот образ взят из жизни: травинка, росточек через асфальт пробивает себе жизнь к свету, к солнцу – росток жизненной правды, символ силы жизни, которую нельзя ничем уничтожить, только стихией, а потом снова произрастает. И так – вечно!.. В этом заключена философская идея – росток жизни пробивается из земли, собранной из лагерей и могил репрессированных. Это и предупреждение всем будущим поколениям – ИСТИНУ скрыть не удастся, как бы её не маскировали. Символично ещё и то, что открытая всем ветрам часовенка без креста установлена в центре города, где до 1957 г. на гранитном постаменте стояла фигура И. В. Сталина. В настоящее время здесь вышпалется стела с орденами Омской области, а за ней мемориальные доски с именами почетных горожан.

Открытие памятника-часовни состоялось 16 октября 1994 г. Оно прошло торжественно при большом стечении горожан. Под звуки набатного колокола в капсулу, помещенную внутри памятника, высыпали землю, присланную по просьбе «Мемориала» и УФСБ из лагерей, куда были сосланы омичи, из мест массовых захоронений. По просьбе автора из Томска доцент ОмГУ Ю. П. Родионов привёз пакетик с землей, которую я тоже высыпала. В 2007 г. я побывала в Каргасокском районе Томской области, где покоятся мои родственники.

На митинге присутствовали и выступили Глава администрации Омской области Л. К. Полежаев, представитель президента РФ Б. В. Тюльков, депутат Государственной думы РФ А. В. Минжуренко (первый председатель Омского отделения общества «Мемориал» – Ред.). Под мелодичный звон колокола люди возлагали цветы, зажигали поминальные свечи, говорили слова памяти, вспоминали лихие годы, своих родных – расстрелянных, стёртых в лагерную пыль ГУЛАГа, загубленных советским тоталитарным режимом в 1930–1940-е гг. XX века.

С тех пор общественная организация «Мемориал» ежегодно проводит традиционный митинг возле этого памятника. По окончании маршрут его участников проходит мимо здания областной прокуратуры (Тарская, 4) к возрожденному в 2007 г. Успенскому кафедральному собору. Затем под прямым углом процессия сворачивает и переходит в сквер возле УФСБ к памятному камню «Жертвам сталинских репрессий». Возложение цветов, минута молчания. Этот маршрут очень точно и проникновенно западает в душу, даёт импульс для размышлений. Исполнились творческие идеи и мечты омского архитектора Михаила Макаровича Хахаева и многих омичей.

В памятнике слиты и политические, и этические, и психологические, и философские аспекты проблемы. Эти памятники – часовня и камень – органично вписались в историко-архитектурную ось города.

В Омской области страшным местом ссылки раскулаченных крестьянских семей был островок в Тарском районе на таежной сибирской реке Кулай. Зимой 1930 г. здесь еще ничего не было, глухая тайга, окруженная непроходимыми болотами. Это не лагерь и не тюрьма. Никогда раньше здесь не было населенного пункта, потому что людям в голову не приходило здесь селиться. Вот в это гиблое место и свозили крестьян с малыми детьми и выбрасывали на снег... Чтобы как-то выжить, поселенцы строили шалаши из ветвей. Ужас там был!... Даже спустя много лет после окончания ссылки, люди без слёз не могли вспоминать. Умерших по пути хоронили жители тех сёл, через которые шли раскулаченные, а когда закончились обжитые места, не хоронили вообще⁴. Кулай был ловушкой, удобным местом для ссылки. Куда побежишь? Везде болота, тайга, звери, куда ни ступи – смерть...⁵

Огромная территория Кулая, как воронка на реке, засасывая в пучину людей, стала общей братской могилой, последним пристанищем на Земле. Долгие годы на ней не было ни креста, ни камня.

В 1990 г. журналисты «Молодого сибиряка» стали прокладывать первые тропки к Кулаю – опубликовали рассказы очевидцев, подготовили экспедицию в Тарский район, вертолетом их туда доставили. Члены экспедиции установили небольшую памятную стелу, сняли документальный фильм⁶.

Только в 2002 г. по проекту архитектора М. М. Хахаева в с. Васисс был сооружен и открыт мемориальный девятиметровый крест из железобетона с терновым венцом из колючей проволоки. На камне надпись «Дань потомков Вере и Памяти жертв Кулая». Поклонный крест виден издали. Он стоит на возвышенности, в которую вбито много свай, уходящих одна за другой в болото. Крест в форме голубца с крышечкой⁷.

Сооруженные памятники будут вечно напоминать нам и будущим поколениям о невинных жертвах режима, принёсшего зло и смерть. Это нужно уже не тем, кто бесследно сгинул во время разгула политических репрессий. Это нужно живым. Это нужно нам с вами. И нашим потомкам.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 7. – С. 94–182.

² Пульс. Газета омских строителей. – 1993, июль.

³ ГУ ИсаОО. Ф. п – 9704.

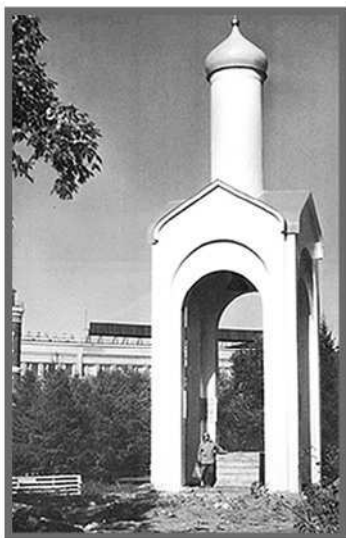
⁴ Васильева С. Братская могила Прииртышья // Забвению не подлежит. Материалы II Региональной научно-практической конференции, посвященной памяти жертв политических репрессий (70-летию Большого Террора) / под ред. Левочкиной Н. А. – Омск. – 20 декабря 2007. – С. 96–103.

⁵ Коровякина-Краевская И. Жил народ среди болот // Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. – Омск, 2002. – Т. 9. Н-П – С. 33–37.

⁶ Коровякина И. Экспедиция «за болото» // Меж дней летящих: сборник статей. Библиотека журналиста. Кн. вторая. – Омск, 2003. – С. 81–86.

⁷ Васильева С. Указ. соч.

ПАМЯТНИК-ЧАСОВНЯ ЖЕРТВАМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ.
Фото 1994 г.

ПАМЯТНЫЙ КАМЕНЬ
«ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ»

Представители омского «Мемориала» у Памятного камня «ЖЕРТВАМ
СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ»

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА ЖЕРТВАМ КУЛАЯ

ПОКЛОННЫЙ КРЕСТ
«ПАМЯТИ ЖЕРТВ КУЛАЯ». 2002 г.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ПОКЛОННОМУ КРЕСТУ

ГОРОДСКАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ ПЛАСТИКА
ОМСКА: ТВОРЧЕСТВО А.Н. КАПРАЛОВА

Городская декоративная пластика – феномен, который сравнительно недавно появился на омских улицах. Скульптурные группы Александра Капралова, Сергея Норышева – все это до сих пор находится под пристальным наблюдением искусствоведов и не получает однозначной оценки.

Смысловая неоднозначность этого феномена, его тематическая и образная многоплановость стали причиной терминологической полифонии: в связи с работами упоминаются термины «сибирская пластика», «парковая скульптура», «модернистская пластика», «пластические образы», «городская декоративная пластика». Прежде всего, такие образы «живут» в городской среде, а не обязательно в садах и парках. Это не только значительные скульптурные группы, но и небольшие формы – декоративно-пластические образы, необходимые для украшения места, его дополнительной литературно-философской или историко-краеведческой «нагрузки».

Цель нашей статьи выявить художественно-эстетическое своеобразие омской декоративной пластики; понять, каким культурологическим содержанием наполнены эти образы, какая эпоха вызвала их к жизни. Для этого необходимо восстановить «родословную» городской декоративной пластики (в дальнейшем сокращенно – ГДП) в пространстве мировой культуры и, в частности, на омских улицах; тем самым определить, какой семантикой наделены эти образы в истории культуры, как она зависит от жизнеощущения человека, от его «чувства времени». Обращаясь к творчеству ведущих мастеров омской пластики – А. Капралова и С. Норышева, рассмотреть и дифференцировать тематическое многообразие их работ, образную и символическую неоднозначность.

В 1980-х–2000-х гг. декоративная пластика стала массовым явлением на российских улицах, в городских парковых зонах, и поначалу создалось впечатление полной уникальности: у горожан возникло ощущение, что подобного еще не было никогда и нигде. Безусловно, восприятие искусствоведов и историков культуры не было столь упрощенным, они заметили, что декоративная пластика прочно укоренена в мировой культуре и ее появление обусловлено общими законами художественного процесса.

Так, памятники советской эпохи отчасти наследуют римскую скульптурную традицию, апеллируют к искусству времени Августа, которому «присущи поиски новых форм выражения... государственной идеологии... гражданского полисного сознания». Тем самым римское искусство, а вслед за ним социалистическое обладают торжественной репрезентативностью и строгой сдержанностью художественных средств». Здесь в портрете складывается жесткий анализ телесно-духовных качеств «римского гражданина» или, добавим, идеализированных качеств советского человека, проявляющихся в напряженной борьбе за коммунизм.

И напротив, с нашей точки зрения, исходным моментом, своеобразным праистоком ГДП выступает более древнее искусство: мраморная и бронзовая пластика VIII–I вв. до н. э., относящаяся к периоду арханки.

Однако современная пластика – это возвратное движение, обращение к исходным смыслам: конечно, нынешние городские образы утратили древнюю ритуально-магическую функцию, традиционную мифологическую семантику. Например, в городе Красноярске стоит скульптурная группа «Похищение Европы», но ее сюжет называют «псевдоантичным», он изменен до неузнаваемости. Как правило, в пространстве современных городов рождаются новые мифы и ритуалы, они десоциологизируют и деполитизируют среду: словно живому человеку, омскому сантехнику Степанычу несут конфеты или сигареты, как объект «страсти нежной» воспринимают Любочку. Для жителей Омска стала привычным зрелищем такая картина: к Любочке подсаживаются мужчины и юноши, и тогда этот сюжет прочитывается как любовное свидание. Рядом с ней фотографируются женщины и девушки, этот сюжет расценивается как встреча двух подруг или «сокровенная беседа о нашем, женском» (информация получена из разговоров с гостями города у скульптурного образа Любочки). Кроме того, в пространстве Омска и других российских городов создаются неомифологические сюжеты, зыбкие по своему содержанию, еще не наполненные конкретностью: таковы по своей природе, к примеру, капраловские «Колесо истории» и «Коммунальный карась». Как говорил об этом искусствовед В. Чирков, в Омске еще предстоит создать «мифологию места».

Городская декоративная пластика – это дитя XX века: она закономерное явление культуры авангарда и, как это ни странно на первый взгляд, искусства соцреализма. Мы остановим свое внимание преимущественно на советском контексте. В России XX века городская пластика не новообразование, вспомним хотя бы известную парковую скульптуру «девушка с веслом» или фигуру «пионера-горниста». Надо

отметить, что парковая скульптура соцреализма достаточно стереотипна, подчинена общей идеологической установке.

Утрата строгой советской идеологии привела к разрушению моностилия, теперь городская среда становится многостилевой. Причем распатывание моностилия, отказ от монументальности, интерес к камерности, сокровенности скульптурных образов проявился уже в 1960–1970-х гг. XX века. В это время Москва переживает настоящий «бум» садово-парковой скульптуры, природные пространства «населяют» разного рода животные: олени у фонтанов, медведи и лисы на парковых полянах, еноты в укромных местах городских садов... Причем, вызревают две тенденции в создании образов: одна свехнатуралистичная, когда скульптурный образ представляет собой трехмерную «фотографию» животного; вторая – сказочная, в этом случае оживают образы-аллегии из русских народных сказок – лиса как аллегория хитрости, заяц – воплощение трусости и т. д.

В СССР широкое распространение ГДП начинает получать в 1970-е гг. XX века, в это время проходят многочисленные выставки малой скульптуры на пленэре, а скульптуру 1980-х, чрезвычайно экспериментальную по своему характеру, вовсе называют «нескульптурной» или «расскульптуренной». В это время сформировалась та нетрадиционность, которая легла в основу постсоветской традиции и затем стала довольно устойчивой. Речь идет, прежде всего, о желании авторов резче акцентировать характер модели, индивидуализировать скульптурный портрет, преодолеть штампы и утвердить авторскую свободу в выборе темы, сюжета, материала, творческой манеры и даже пространства, родственного малой скульптуре. Исследователи пишут: «В новое время скульптура вышла из стен музеев и выставочных залов... и шагнула на площади, улицы, бульвары города, чтобы ежесекундно общаться с людьми, украшать среду, где они живут, трудятся, отдыхают, чтобы добровольно переложить на свои каменные плечи часть духовного и эмоционального бремени эстетического воспитания жителей...». Вместе с тем, у художника сложилось особенное отношение к городской среде: теперь она должна быть эффективно включена в эмоциональную скульптурную композицию. Художники активно опробуют новые городские топосы: пространства у цирков, театров, музеев, художественных мастерских, ресторанов и т. д. Когда-то на римских форумах скульптура стояла преимущественно у стен, такое местоположение остается и у скульптуры в новоевропейской традиции, т. к. идеальным фоном для нее являются стены домов или небольшие улочки. Так, в 1980–1990-х гг. в небольших парковых зонах Москвы или прямо у стен домов появились герои басен Крылова, камерный памятник Крылову установлен в пространстве Летнего сада в Петербурге.

Вполне возможно, что «ветер перемен» имел определенное направление: российская скульптура создавалась с оглядкой на западно-европейский образец. К примеру, на пути пешеходов в Баварии то и дело возникают персонажи, как бы «выпавшие» на мгновение из жизни города: собака, ожидающая хозяина у магазина; дети, купающиеся в фонтане. С окружающей средой они связаны тематически и функционально, но в этой функциональности есть доля иронии и рассчитаны они, прежде всего, на улыбку людей. Тем самым современная городская скульптура выполняет психологическую функцию, даже, скорее, психотерапевтическую. В Братиславе прямо на тротуаре из открытого люка «выглядывает» скульптура рабочего. У него бодрое, добродушное лицо, и люди сразу начинают улыбаться, общаться с ним. Кстати, по рассказам очевидцев, именно образ братиславского рабочего лег в основу омской «копии» – Степаныча: как утверждают, делегация омских чиновников привезла фотографии заграничной скульптуры и сделала заказ омскому мастеру. Возможно, сам рассказ – не более чем вымысел, но с культурологической точки зрения весьма показательный. Омская декоративная пластика – это цитата европейской традиции, она рождается, потому что меняется дух времени и отношение к городской среде. Европейская традиция, иногда напрямую, иногда опосредованно, через Петербург и Москву, проникала во все российские города.

Российское пространство быстро заполняется образцами малой скульптуры, причем сюжеты чаще повседневно-бытовые. Так, в Томске люди на улице могут «встретиться» с электромонтером, который с помощью профессиональных приспособлений («кошек») висит на фонарном столбе; или «встретить» скульптуру беременной женщины, она установлена напротив одной из томских клиник и в столь короткий срок стала добрым талисманом для всех будущих мамочек. В Красноярске есть два бронзовых слесаря, скульптурную группу назвали «Мастер и подмастерье», а в народе ее именуют – «дядя Яша и его ученик». Есть свой чугунный водопроводчик Афоня в Екатеринбурге, а в Сочи металлический безымянный слесарь «ремонтирует» городской фонтан. Когда мы говорим о цитировании провинцией столичных или европейских скульптурных образов, мы имеем в виду повторяемость, тиражирование сюжетов. На площади перед Киевским вокзалом в Москве стоит псевдоантичная скульптурная группа «Похищение Европы», точно такая же недавно появилась на одной из улочек Красноярска; рабочий, ремонтирующий фонтан, есть не только в Сочи, но и в таких городах, как Стокгольм и Братислава.

Омские искусствоведы выделяют три периода существования городской скульптуры в Омске: *дореволюционный, советский и пост-*

советский. Для первого периода характерно создание статуй, как правило, символично-декоративного содержания. Это аллегорические фигуры на фасаде бывшей бани Коробейникова (ул. Пушкина, 17), на фасадах Драматического театра и Управления железной дороги. Их содержание «символизирует связь региона с европейской культурой и ассоциируется с культурно-экономическим подъемом в Омске».

Далее последовало советское время, существенно изменившее характер скульптурных образов, придав им черты монументальности, а если и не монументальности (вспомним бюсты Ленина, не отличающиеся грандиозными размерами), то уж совершенно точно идеологической заданности. Как пишет Алла Гуменюк, «скульптура в Омске не имеет вековых традиций», в начале XX века значимыми для омской скульптуры стали имена военнопленного чеха В. Винклера и выпускника Худпрома Н. Виноградова, их деятельность связана с отдельными памятниками архитектурной пластики и монументом «Борцам революции». В 1930–1960-е гг. омская скульптура продолжает решать проблемы общественной значимости, а потому городское пространство наполняется типовыми скульптурными образами.

В последние годы XX века, как полагает В. П. Касьянов, «в Омске появились образцы скульптуры нового типа, придающие городу европейские черты». С этим высказыванием трудно не согласиться, но все же оно требует уточнения.

Когда омичи говорят о работах Капралова или Норышева как об уникале последних лет XX века и начала века XXI, они просто забывают о некоторых феноменах омской городской пластики: еще в 80-х годах фонтан Сельхозинститута украшала скульптурная группа водоплавающих, «во главе» с экзотическим для Сибири крокодилом (руины фонтана сохранились и по сей день, но автор работы неизвестен). Другой образ чрезвычайно соотносим с московскими анималистическими зарисовками 1960–1970-х г. – это олень у фонтана в сквере пионеров; еще один пластический образ выполнен Владимиром Шамардиным: это бродячие музыканты у бывшего кафе «Аленушка», они появились в 1990-х годах, и до нас дошла только одна фигура музыканта, вторая утрачена безвозвратно. В сквере пионеров всех умиляет скульптурная группа «Дети с пингвинами», она тоже давно знакома жителям города, правда, в отреставрированном виде скульптура получила «вторую жизнь» и выглядит совсем по-новому.

Все эти образы объединяет камерность, интимность облика человека, даже его обычность и повседневность. Утверждая эти черты, декоративная пластика покинула центральные городские площади и ныне тяготеет к камерным пространствам; искусствоведы замечают, что

скульптурные образы теперь апеллируют к земному, «бытовому» человеку, в современной скульптуре нет сакрального смысла. Очень часто скульптуры, подобные омскому слесарю Степаньчу (автор – С. Норышев), называют «образами повседневности». Ученые считают, что «в искусстве XX столетия одной из основополагающих тенденций художественного процесса стало понимание искусства как жизни и жизни как искусства, отсюда – стремление к стиранию граней между искусством и повседневной жизнью, восприятие предметов и образов повседневности как художественно-эстетических проектов». В этом случае повседневность воспринимается художественным сообществом как «бесконечное поле возможностей», «как неограниченное пространство приложения творческой энергии художника, а образ возникает на основе «игры обыденными смыслами и массовыми стереотипами». Поскольку нестандартна установка автора, то и реакция зрителя необычна: первая встреча вызывает психологический шок (вспомним, кто из нас не застыл перед Степаньчем, не пытался с ним заговаривать?), затем – добродушная улыбка и конструирование смысла, присущего этому образу. Перед нами оказывается собирательный образ сантехника-водопроводчика XX века, человека «себе на уме», явно не трудоголика, но с определенной профессиональной смекалкой. Ирония образа прочитывается, если обратить внимание на сюжет – перед нами «слесарь, готовящийся к перекуру». Кто вызывал хоть раз сантехника, тот знает, что «перекур» – это форма существования людей данной профессии.

В целом, как полагают исследователи, у такого рода скульптур много функций: шоково-эпатажная, парадоксальная. Подобную реакцию призваны вызывать наш Степаньч или московская экспозиция «Железная муха», февраль 2002 г., неординарность выставки заключалась в том, что наши старые знакомые – надоедливые насекомые – были металлическими и гигантских размеров. Другая функция, присущая образам повседневности, – функция актуализации прошлого, здесь ярким примером является образ Любочки на Любинском проспекте.

Речь идет о процессе десакрализации истории и власти, причем эта тенденция пришла в Омск из столичного пространства, точнее – из Петербурга. Так, в Петербурге 7 июня 1991 года состоялось открытие памятника Петру I (автор – М. М. Шемякин). Известно, что этот образ очень сложно «входил» в историческое пространство Петербурга. Когда памятник привезли в Петербург, художника начали уговаривать поднять его на постамент: скульптура, стоящая на земле, не в традициях русского монументального искусства. Шемякин категорически отказался. Место для «гротескового» образа Петра выбрано в Петропавловской крепости. Шемякинский Петр оказался доступен для «фа-

миллярного контакта». Сходной семантикой «десакрализации исторического факта», «фамильярного контакта» с историческим лицом наделен омский образ Любочки. Рядом с ней можно присесть, преодолев сопротивление лет, переступив границу веков, с ней можно заговорить, в «тактильный контакт» со скульптурой вступают чаще всего дети: они трогают зонтик Любочки, обнимают ее.

Одним из самых ярких и самобытных омских скульпторов, создающих декоративно-пластические образы, является Александр Николаевич Капралов. Александр Капралов родился в 1959 г., его малая родина – районный пункт Москаленки. После нескольких попыток покорения столичного вуза (Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина) он в 1983 г. поступил в Омский государственный педагогический институт, на художественно-графический факультет. Затем последовали пять лет учебы и десять лет преподавания на родном факультете. И, как говорит он сам, это было временем становления мастера: он прошел долгий путь от живописи к непокоряющейся объемной форме – скульптуре. А. Капралов вспоминает, что маститые преподаватели худграфа поначалу не одобряли его тяги к скульптуре, да и он сам видел, что первые опыты весьма неудачны. Успех пришел не сразу, но на пути к успеху огромную роль сыграли следующие факты творческой биографии: пора ученичества на худграфе (своим строгим учителем и судьей А. Капралов считает преподавателя факультета – Анатолия Петровича Юдина), годы преподавания на родном факультете (как утверждает сам скульптор, эти годы непрерывающегося общения, пребывания в родной среде подпитывали его творческую энергию). Наконец, сыграло свою роль и то, что в 1993 г. он стал членом Союза художников России, а за три года до этого побывал в Доме творчества им. Д. Н. Кардовского (город Переяславль-Залесский). Дом творчества или, как его называют, «творческая дача» – своеобразная лаборатория скульпторов, где известные скульпторы России давали «мастер-классы», а начинающие мастера делились своими открытиями и первыми успехами. Как говорит А. Капралов, в целом, составляющие его мастерства – это общение с людьми и непрерывная работа. Недаром своим кумиром он называет Микеланджело, удивляется его ренессансной работоспособности и грандиозности замыслов.

Уже с 1988 г. работы А. Капралова появлялись на экспозициях областных и групповых художественных выставок; автор продолжал делать графические зарисовки, создавал скульптуру из дерева и мрамора. И, наконец, в 1995 г. скульптор приходит к новому для себя материалу – сварному металлу, «богатому выразительными возможно-

стями... Художника восхищают рваные графические линии, ажурный объем, фактурные эффекты обожженного до черноты или зачищенного до стального блеска металла). Как определяет собственные эксперименты А. Капралов, металлические изваяния – это, практически, рисунок из металла, графика из металла; они совсем не похожи на классические скульптуры, их можно отнести к декоративной или парковой скульптуре. Но и в декоративных работах проявляются особенности капраловского стиля: «главенство вертикали, движение через ломаный уступами объем, заострение форм, устойчивость – на грани потери равновесия...». Все это обнаруживает тревожное мирозерцание автора: в понимании художника, мир потерял свою устойчивость, он слишком динамичен и, вместе с тем, раздираем противоречиями. Надо отметить, что отношения с воспринимающим субъектом автор выстраивает не слишком жестко: он оставляет зрителю свободу восприятия, позволяет додумать, по-своему интерпретировать декоративный образ. Скульптор полагает, что созданное им – это «живое, теплое, неидеологизированное целое» (слова А. Капралова), а потому контакт зрителя с декоративным образом должен быть таким же живым, непосредственным, лично значимым.

Немногие омики знают, что декоративная скульптура, расположенная на углу музея им. Врубеля, называется «Весы», впрочем, она имеет и другое название – «Между небом и землей». Ее первая версия появилась в конце 1997 г., и, как оказалось, «Весы» – полисемантическое образование: «в этом же образе получает воплощение идея клетки как индивидуального существования, которая затем рассматривается и вне «Весов». Для Капралова Весы – это такой же общезначимый человеческий символ, как Колесо, Крест, Лестница, все они тоже включены в единую композицию «Весов». Конструкция весов графически близка кресту, но «наделена заданной неустойчивостью при извечном стремлении к равновесию», уравновешивается подвижностью перекладины двумя клетками. В данном образе сопрягаются важные для скульптора направления движения: вертикаль, символизирующая личностные порывы, и горизонталь, означающая бытовое течение времени. Человеческое, несакральное время деятельно и мастеровито: на горизонтали все люди связаны предметами своего труда, деталями быта, само колесо здесь становится символом вечной динамики, ремесленного труда. Вертикаль же напряжена, здесь разрываются цепи, сдерживающие человеческие импульсы, здесь вверх устремлены шаткие лестницы.

Но работы Капралова не только неконцептуальны, потому что концепцию произведений творит каждый зритель, они еще и нетенденциозны: мысль предстает текучей, одни наблюдения отрицают другие.

К примеру, личные «вертикальные» порывы – это благое дело, но они обречены на неудачу, напряжения духа могут оказаться напрасными – на вершине вертикального столба расположен шаткий трон, символ не-сакральной власти, демонических претензий на власть. Господство над миром и людьми, приближение к божественному статусу – дело опасное и, может быть, потому шатко бессмысленное? Здесь, наверху, человека от духовной пропасти может отделять одно неверное движение... Наряду с шемякинским Петром и Любочкой Норышева, «Весы» – это визуальный образ десакарализованной власти, судьбоносного человеческого выбора. Здесь осуществляется выбор между личной свободой, своеволием и гуманностью, между тишиной одиночества и гомоном мира. Однако на чем бы ни остановился человек, никакой выбор не может быть идеальным. Потому и трон у Капралова особый: «вертикально вытянутый, задающий высокую планку претенденту и при этом сквозной, почти не существующий в пространстве...», трон-«иллюзия». Его называют «троном вершителя судеб» и весьма символично, что пока он пуст... Позднее, в 1998 г. появятся трон «Миф», трон «Ангел» и «возведенный в квадрат «Трон тронов».

Некой антиномией трону является клетка, полагают, что это символ «отъединенности собственного мира», но, возможно, здесь прочитывается и второе значение – духовной ограниченности, стесненности личности. Еще с образом клетки у Капралова связана семантика глухоты, неотзывчивости, разорванных человеческих отношений (ср. мотивно связанную с «Весами» металлографику «Преодоление», 1997 г., где образ святого пытается прорвать замкнутость, тишину и ограниченность пространства). В «Преодолении» художнику важна иллюзия расчленения окружающего пространства: фигура с нимбом над головой заключена в клетку с нарушенным ритмом прутьев решетки – кое-где зияют прорывы. Фигура находится внутри, но, одновременно, горизонтально вытянутых рук распространяется вовне. Клетка становится все более условной... Возможно, тем самым автор акцентирует не внешние ограничения – железные прутья, а духовные оковы, стесняющие личность.

В интервью скульптор отмечает особый характер работы с металлом: если скульптура из дерева или из мрамора – это высвобождение формы, то металлографика – это вечное добавление, приваривание деталей. Потому образ «Весов» в юбилейном каталоге, на который мы ссылались выше, и на омской улице существенно отличаются друг от друга. Если в каталоге мы видим разорванные цепи, устремленные вверх, то в городском варианте они целые, то и другое связано с се-

мантикой личного порыва, но разорванные цепи акцентируют значение полного освобождения (своеволия на пути к власти?!). В макете небольшие лестницы спускаются от горизонтальной линии к обеим клеткам, в городском варианте работы этих лестниц нет, и пребывание человека в клетке выглядит более трагичным, обреченным на одиночество. Правда, А. Капралов оставляет неизменным одного из своих «заключенных»: таким пленником духа оказывается художник. Тем самым скульптор отсылает нас к разного рода высказываниям о свободе и несвободе творчества. Приходят на ум слова романтика Вакенродера о том, что музыкант ни от кого не зависим в своих духовных исканиях, и, одновременно, вечно зависим от простейшего – бесконечного, ремесленного повторения гамм (основ музыкального творчества). Источком такого суждения Вакенродера было утверждение Шеллинга и Фр. Шлегеля о том, что творческая деятельность гения свободна и – подчинена высшему принуждению, ни от кого не зависима и обусловлена верностью самому себе. Отсюда вечное стремление художника преодолеть замкнутость существования и необходимость отграничиться от мира обывателей.

Искусствоведы полагают, что «созидательного начала в Капралове так много, что созданное им переизбыточно». «Текст» капраловской металлографики, действительно, вызывает самые разные ассоциации и культурные аналогии: это непрестанное, текучее приращение смыслов отвечает стилю металлографики, где детали, сюжеты связываются как микроэлементы в макрообразования, а свойство интертекстуальности бесконечно расширяет семантическое поле образов.

Другой скульптурный образ, недавно возникший на улицах нашего города, – «Коммунальный карась». Мы уже отмечала парадоксальность избранного городского ландшафта и скульптурного образа, это как раз тот случай. Карась установлен недалеко от агентства недвижимости «Белый свет» (что на ул. Герцена) и должен был, видимо, ассоциироваться с наконец-то обретенным домом, пристанищем человека в беспокойном житейском море. Кроме того, в головах зрителей может возникнуть ассоциативная связь: Ноев ковчег – спаситель Карась.

Однако рождаются и противоположные смыслы: прежде всего, как утверждает автор работы, замысел «Коммунального карася» восходит к «Коньку-горбунку» Ершова. Как мы помним, в сказочном море-океане вздыхает кит, он не может отправиться в вольное плаванье, поскольку поглотил «три десятка кораблей», и теперь на его спине выросла деревенька. Затем кит выполняет просьбу молодца Ванюши и освобождается от своих мучителей, уходит в море-океан. Таким образом, в сказке человеческий дом, возведенный на «китовом острове»,

оказывается весьма шаток и недолговечен. Такую же ассоциацию вызывает «Коммунальный карась». Пребывание человека на фигуре карася выглядит достаточно динамично, но неустойчиво, здесь нельзя быть уверенным в завтрашнем дне. Точно так же нельзя быть уверенным в спасении, если в вашей квартире начнется потоп и к вам заглянет «профессионал Степаныч». Миф о спасении при коммунальных неурядицах – это, действительно миф, т. е. иллюзорная надежда, сказка, придуманная для самоуспокоения. Таким образом, «Карась» приобретает сатирические, остросоциальные черты и становится памятником уходящей эпохи – времени коммунального царствования.

Другая скульптура, ставшая привычной омичам, – Дон Кихот у Театра юного зрителя. Избранное для него городское пространство, как мы уже писали, органично образу рыцаря, творческим экспериментом театра. Но мало кто из омских искусствоведов и критиков акцентирует семантику движения, присущую Дон Кихоту. Скульптура стоит недалеко от динамичной городской магистрали, и, если ехать по направлению к железнодорожному вокзалу, то Росинант Дон Кихота скачет, но не может догнать уносящийся поток машин. Так и в художественном пространстве романа, рыцарь, вечно гонясь за идеалом, не может его достигнуть, время ушло вперед, а культура рыцарства осталась в прошлой жизни. Напротив, если омичи едут от железнодорожного вокзала, то Росинант «соперничает» с мчащимися ему навстречу авто. В произведении Сервантеса Дон Кихот тоже выступает символом «движения наперекор».

Сегодня мастерская Капралова наполнена графикой в металле, еще не вышедшей на омские улицы. Так, к примеру, ожидает своей очереди скульптура «Азиопа». Ее название восходит к эпохе серебряного века, мастерски припомненной в сатире М. Задорнова, так определившем двойственное географическое положение нашей страны. Капралов пошел дальше, ему нужно было утвердить разницу двух ментальностей: деятельная европейская натура в скульптуре дополняется созерцательно азиатской стороной. Работа художника читается с трех ракурсов. Одна – азиатская, вторая – европейская, третья – «азиопская». Давняя мечта А. Капралова – преобразить пространство Омска, впустить в него декоративную пластику, создать парк скульптуры, а пока преображается малая родина художника: у дома Капралова в Москаленках вырос сад скульптуры, где он с радостью принимает своих друзей.

Итак, на наш взгляд, совершенно верно звучат слова В. Чиркова об «омском полистилизме», о многожанровости и полисемантике городской малой скульптуры.

ОМСКИЕ НЕКРОПОЛИ

Александр Лосунов

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ КАЗАЧЬЕГО КЛАДБИЩА

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось восстановлением в нашем городе утраченных архитектурных сооружений (Тарские ворота, Серафимо-Алексеевская и Иверская часовни). Тенденция восстановления отчасти коснулась и упразднённых некогда погостов. Само собой разумеется, что воссоздать некогда снесённое кладбище в первоначальном виде невозможно, а вот устроить на его месте мемориальный парк или сквер, а также воздвигнуть храм Божий вполне реально. Об этом наглядно свидетельствует дореволюционный опыт. Историки и краеведы знают, что, например, и Галкинская,¹ и Братская² церкви были построены на месте некогда существовавших омских кладбищ. Приданию некогда существовавшим городским погостам статуса «исторического кладбища» и установке на их месте памятных знаков, а также сооружению храмов во многом способствовало изменение Российского законодательства в отношении существования кладбищ. О нелёгкой судьбе одного из городских погостов и пойдёт речь ниже.

Об устройстве мемориала, восстановлении и возрождении Всехсвятского храма на Казачьем кладбище заговорили в начале 1990-х годов казаки. Тогда же архитектором В. А. Барановым был разработан проект по устройству мемориала «Казачье кладбище». Он предусматривал строительство Всехсвятского храма. Недостатком первоначального варианта было то, что возведение церкви требовало колоссальных денежных вложений. На что автору и было указано на одном из заседаний Градостроительного совета. Ввиду этого В.А. Баранов составил

следующий проект более скромный в отношении капиталовложений. Однако и он в дальнейшем подвергся корректировке. 20 апреля 1994 г. за № 246-п вышло Постановление Главы Администрации «О разрешении Сибирскому центру казачьей культуры проведение проектно-исследовательских работ для создания мемориального сквера на территории Казачьего кладбища в Куйбышевском районе». Усилиями Сибирского центра казачьей культуры 17 октября 1994 г. был даже проведён субботник по благоустройству небольшого участка бывшего кладбища. Но, к великому сожалению, дело на этом и закончилось. Следующим шагом, к номинальному признанию бывшего Казачьего кладбища «историческим» и устройству на его месте мемориального сквера, явилось Постановление Главы городского самоуправления В. П. Рощупкина за № 490-п от 24 июня 1996 г. Декларативный характер этого документа определило одно из последующих «Постановлений», которое все перечисленные ранее мероприятия относительно как Казачьего, так и других кладбищ откладывало на неопределённое время из-за отсутствия финансов. Эта «оттяжка» привела к тому, что в административных и коммерческих кругах стали поговаривать о застройке оставшегося «пятачка» кладбищенской земли. И скорее всего это бы случилось, если бы к этому вопросу не подключился Митрополит Омский и Тарский Феодосий. Дело в том, что из-за дальнего зарубежья к нашему Владыке неоднократно приходили письма как от самих эмигрантов-омичей, так и их потомков, которые слезно просили Его Высокопреосвященство сделать что-либо для сохранения памяти об их предках, погребённых на Казачьем кладбище. А тут ещё Комитет ветеранов стал ходатайствовать об установке памятника погребённым на Казачьем кладбище воинам, умершим во время Великой Отечественной войны от ран в омских эвакогоспиталях. Всё это привело к тому, что мэром г. Омска Е. И. Беловым 21 ноября 2002 г. было подписано Постановление за № 574-П «Об организации мемориального сквера «Казачий» в Центральном административном округе». Первым шагом в устройстве мемориального сквера была установка памятника умершим в госпиталях воинам. Его авторами явились: В. А. Баранов, В. Я. Игнатенко, С. В. Цыбин. Но наряду с сооружением памятника на территории мемориального сквера предусматривалось строительство и Всехсвятского храма.

И вот 5 мая 2003 г., накануне Радоницы, на некогда упразднённом Казачьем кладбище был установлен и освящен Архиперейским чином Поклонный крест. Однако кому-то это не понравилось. Нашлись варвары, которые его спилили. И только 24 июня 2004 г. Поклонный крест в присутствии казаков со всей России вновь был установлен и освящен на Казачьем погосте.

На протяжении нескольких месяцев разрабатывался проект строительства Всехсвятского храма. Перед архитекторами стояла дилемма: построить церковь в том виде, в котором она была, либо спроектировать совершенно новую. Проект восстановления Всехсвятского храма на основе имеющихся исторических фотографий предложил епархиальный иконописец и архитектор Г. Адаев. Но ввиду долгосрочности строительства и дороговизны проекта данный вариант Митрополитом Омским и Тарским Феодосием был отклонён. Его Высокопреосвященство отдал предпочтение проекту, разработанному авторским коллективом в составе: О. А. Крупиной, Л. Н. Лузиной, А. П. Лепешонковой, В. А. Барановым, который предусматривал возведение совершенно новой деревянной шатровой церкви.³ В качестве главных аргументов «за» выступили дешевизна и быстрота строительства. Работы по устройству фундамента для храма начались осенью 2004 г. Строительство Всехсвятской церкви при поддержке Губернатора Омской области Л. К. Полежаева было осуществлено в рекордно быстрый срок. Возведение храма велось силами трудового коллектива СМУ «Первомайского». 24 декабря 2004 г. Митрополит Феодосий освятил перед поднятием купола почти отстроенной церкви. А 11 января 2005 г. вновь воздвигнутый Всехсвятский храм был освящён и под его сводами была отслужена первая Божественная литургия.⁴ В настоящее время Всехсвятскую церковь духовно окормляет священник Никольского казачьего собора отец Владимир Игнатюк.

Своим появлением Казачье кладбище всецело было обязано Никольскому Казачьему собору. Так, 21 июня 1840 г. в Войсковую Канцелярию Сибирского Линейного Казачьего войска от попечителя и ктитора вышеупомянутого храма в лице полковников Симонова и Пахомова поступил рапорт следующего содержания: «Признавая необходимым иметь при войсковой церкви для погребения тел умерших кладбище, отдельное от городского, которое в настоящее время находится уже внутри города и постепенно застраивается. Почему и имеем честь просить покорнейше Войсковую Канцелярию не оставить снести с кем следует об отводе для этого особого места. При чем почтительнейше докладываем, что для Войскового кладбища весьма бы прилично было занять место, состоявшее до сего под огородом и рошею Войсковой фабрики, если оно не будет входить в черту внутреннего расположения города».⁵

В заседании своем 26 августа 1840 г. Войсковая Канцелярия Сибирского Казачьего войска одобрила это предложение и постановила ходатайствовать о выделении земельного участка перед Управляющим Омским округом. Последний, получив письмо, запросил у городской

полицейские сведения на предмет вхождения просимого участка в пределы городской черты. Но, видимо, омские стражи порядка посчитали, что дело это не срочное, и отложили его решение более чем на год. Архивного документа, сообщающего об открытии Казачьего кладбища, пока обнаружить не удалось, однако автор склонен полагать, что это произошло не ранее 1842 г.

Географически кладбище располагалось в квадрате следующих улиц: Куйбышева, 8-й Линии, Успенского и Съездовской. Своим названием погост, в первую очередь, был обязан Казачьему форштадту. Некрополь был разбит на аллеи, которые, в свою очередь, образовывали кварталы. Если внимательно приглядеться к планам дореволюционного Омска, то можно также заметить, что Казачье кладбище не было единой территорией и состояло из следующих участков: православно-го, католического, холерного и кадетского.⁶

С Никольского проспекта (до сих пор еще улица Красных Зорь) на кладбище вели большие каменные ворота, от которых начиналась центральная аллея, приводящая к церкви.

Многие именитые омичи нашли свой последний приют и пристанище на Казачьем кладбище. Здесь мы приведем фамилии лиц, в свое время немало послуживших на благо Русской православной церкви. Среди них следует назвать священномученика Серафима Звездинского (1883–1937), протоиерея, историка Сибири А. И. Сулоцкого (1819–1884), регента Ильинской церкви В. И. Розанова (1883–1932), архиепископа Анатолия Каменского (1863–1924) и священника, настоятеля Казанского женского монастыря Апполония Волкова. Два последних заботами православных омичей при сносе Казачьего кладбища были перезахоронены на Старо-Северном кладбище. На Казачьем кладбище покоился также прах официального историка Сибирского казачества Г. Е. Катанаева (1848–1921), известного географа А. Н. Седельникова (1876–1919), ботаника местного края М. М. Сиязова (1858–1914), талантливого сибирского писателя А. Е. Новосёлова (1884–1918).

Из периодической печати мы узнаем о состоянии кладбищ как в дореволюционное, так и в советское время. Так, один из очевидцев в 1960-х гг. XIX века констатировал: «Кладбища в Омске особенно хорошо устроены и опрятны. На одном из них, Казачьем, большая аллея, ведущая к могилам, украшена цветниками, так что запах резеды, душистого горошка и других цветов далеко разносится по кладбищу и делает этот последний печальный приют наш отрадным для посетителей родных могил. При входе на кладбище, кроме красивой часовни, недавно построена г. Кузнецовым небольшая каменная церковь, изящно украшенная внутри позолотой, хрусталем и весьма прилично иконописью».⁷

Но далеко не всегда Казачий некрополь выглядел так идеально и образцово. Одна из омских газет в начале XX века с гневом и возмущением взывала к власти имущим: «для чего существует казачье кладбищенское церковное попечительство? Посещающие Казачье кладбище видят грустную картину разрушения кладбища. Земляной вал и канава при нем до того стоптаны и разрушены, что лошади и коровы свободно входят на кладбище и располагают там собой по усмотрению, срывая могилы и ломая оградки и кресты, оставляя после себя и другие доказательства, не присущие кладбищу. В канаве около рва масса гниющих нечистот, распространяющих зловоние [...] Кто из власти имущих откликнется и обратит свое око на разрушающуюся кладбище?»⁸

С 1925 г. кладбище приходит в ужасное запустение. с него тащат все: деревянные кресты, чугунные решетки, мраморные надгробия. В 1939 г. Омский Горисполком принимает решение об его закрытии. В начале 1941 г. еще одно решение. Но начавшаяся война помешала воплотить их в жизнь и отсрочила закрытие кладбища до 1942 г. Перед истечением 25-летнего срока, в 1966 г., было принято варварское решение о ликвидации старейшего из омских кладбищ.

В архивных документах сохранились сведения о том, что первоначально лиц, погребаемых на кладбище, отпевали в Свято-Никольском Казачьем соборе. Затем уже на территории самого кладбища была построена часовня, которую в 1859 г. заменила однопрестольная церковь. Строителем храма выступил купец, почетный гражданин Омска, а затем и Городской Голова В. П. Кузнецов. После его кончины в 1870 г. родственники умершего обратились к генерал-губернатору Западной Сибири А. П. Хрущову с просьбой: похоронить усопшего в церкви, им построенной, на Казачьем кладбище. Генерал-губернатор связался по телеграфу с архиепископом Тобольским и Сибирским Варлаамом и получил отказ... Его Высокопреосвященство ответил, что усопшего нельзя хоронить в освященной церкви⁹. Омский Городской Голова и архитектор Э. И. Эзет, в 1885–1886 гг. отмечал, что в г. Омске имеется: «[...]холодная церковь на Казачьем кладбище, но при ней нет особого священника и в ней совершается служение только немного раз в году[...]».¹⁰

В 1896 г. на деньги омского купца Г. В. Шкроева храм был значительно расширен и к нему была пристроена колокольня. После этой реконструкции церковь могла уже вмещать 400 человек верующих. Ежегодно, в День Всех Святых, от храма по кладбищу шел крестный ход.

Начиная с 1902 г. настоятелем кладбищенской церкви был протоиерей Михаил Орлов, воспитанник Тамбовской духовной семина-

рии. Он также нес послушание благочинного омских городских храмов. За усердное и беспорочное служение Богу отец Михаил был награжден Св. Синодом наперсным крестом, орденом Св. Анны 2-й и 3-й степени.

При церкви была устроена богадельня, в которой содержалось 7 престарелых женщин. Иконы для иконостаса Всехсвятского храма писались в Москве. Строителем храма В. П. Кузнецовым было приобретено в свое время прекрасное хрустальное паникадило, которое вызвало восхищение у многих прихожан.

С 1920 г. Всехсвятская церковь получает статус приходского храма. Численность приходской общины в зависимости от времени была различной. Так, в 1926 г. приход насчитывал 89 человек, год спустя – 312, а по прошествии 10 лет – 30 человек.¹¹ Благодаря архивным документам мы знаем и фамилии священников, которые служили там, это – иереи Киселев и Татищев.

В начале 1938 г. кладбищенский храм был закрыт. Живущему и работающему тогда в Омске ученому-краеведу А. Ф. Палашенкову удалось спасти образа Божьей Матери Абалакской и Святителя Иоанна Тобольского. Благодаря этому православные омичи в Никольском Казачьем соборе имеют возможность вознести перед ними свои горячие молитвы.

После закрытия в оскверненном и поруганном церковном здании помещались различные учреждения, преимущественно склады.

В 1943 г., когда советское государство вновь повернулось лицом к Церкви, омская паства через своих архипастырей неустанно просила власть предержавших вернуть храм верующим. Так, например, с этой просьбой к Уполномоченному по делам религии по Омской области неоднократно обращались и митрополит Варфоломей (Городцев), архиепископ Алексей (Пантелеев) и владыка Ювеналий (Килин).

В 1948–1949 гг., пытаясь спасти заброшенное здание от разрушения и гибели, директор Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенков выступает с предложением сделать в нем музей истории города. Местные власти вроде бы поддержали эту идею, подготовили документы и отправили их на утверждение в Москву. Из столицы же пришел весьма категоричный ответ: «Считать несвоевременным использование кладбищенской церкви под музей».¹²

В 1975 г. Всехсвятский храм был снесен, а за ним исчезли с лица земли и последние захоронения начавшегося сносятся в 1966 г. Казачьего кладбища.

До революции так же, как и сегодня, организация похорон требовала некоторых затрат. Перед автором «Такса за места для могил

при градоумской кладбищенской Всехсвятской церкви за 1891 г.». Приведем несколько цифр. Место подле самой церкви стоило 20 руб. Место вблизи церкви — 6 руб. По мере удаленности от церкви цена за место под могилу составляла от 5 руб. до 30 коп. Плата же за траурную колесницу (по-современному – катафалк) составляла 3 руб.¹³ Лошади же нанимались у старожилов за определенную дополнительную плату. С течением времени цены на погребальные услуги изменялись. Так, в 1907 г. рытье могилы вблизи церкви уже оценивалось в 9 руб., а погребение под колокольный звон — в 50 коп. Тарифы на погребение, разработанные в советское время (1932–1934), поражают своей структурированностью и детализацией. Каждая услуга имеет свою оплату. Здесь учитывалось буквально все: зимой или летом роется могила, какова она по размерам, погребение тел из больницы и т. д. и т. п.¹⁴

Попытки спасти от уничтожения как кладбище, так и церковь предпринимались и в конце 1950-х гг. Упомянутый уже нами выше А. Ф. Палашенков в 1948 г. подает в Горисполком «Докладную записку», в которой призывает «отцов города» организовать мемориальный некрополь.¹⁵ А вот что пишет десятилетие спустя старейший преподаватель Омского пединститута профессор В. Н. Образцов: «[...] Городу Омску следовало бы создать свой некрополь. У города богатое историческое прошлое. В Омске жило и умерло много выдающихся людей. Нам кажется, что именно на Казачьем кладбище следовало бы сосредоточить могилы как выдающихся политических борцов, так и известных омских учёных, литераторов, художников, артистов. Если это будет сделано, то не повторится печальная история прошлого года (1957 г. – А. Л.), когда правительство Чехословацкой республики, испросив разрешение вывезти на родину прах умершего в Омске в 1918 г. члена национального совета (Яна Клацанда – А. Л.), прислало в Омск делегацию, а омичи даже не смогли указать, где этот знатный чех похоронен (а был он погребён на Казачьем кладбище и летом 1918 г. на его могиле торжественно был открыт памятник – А. Л.). [...]».¹⁶

К сожалению, все призывы остались «гласом вопиющего в пустыни». Кладбище было снесено, а могилы сравнены с землёй. И мы бы, наверное, никогда бы не узнали, кто был похоронен на Казачьем кладбище, если бы всё тот же А. Ф. Палашенков не составил в 1950–1960-х гг. мартиролог на основе сохранившихся до того времени памятников. Помимо переписывания эпитафий и описания конфигураций памятников, фотографом А. В. Борисовым проводилась их выборочная фотофиксация. Это явилось первым и важным этапом по сохранению памяти. Ко второму этапу следует отнести устройство и открытие 22 июня 2005 г. мемориального сквера «Казачье кладбище». Будет не-

лишним отметить, что сегодня вдоль аллеи, ведущей к Всехсвятскому храму, выставлены надгробные памятники и их фрагменты, чудом уцелевшие от разрушения. Третьим, не менее важным шагом в деле увековечивания памяти, стало издание Государственным архивом Омской области книги под названием «Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища» (Омск, 2005), в которой содержатся биографические справки о тех деятелях науки и культуры, кто был погребён на Казачьем кладбище и чьи могилы оказались утраченными навсегда.

¹ Такое название церковь получила в народе, поскольку строилась на капитал, завещанный купцом М. И. Галкиным. Официально же она называлась – во имя Св. Михаила Клопского. Храм находился на пересечении нынешних улиц 10 лет Октября и Пушкина. Сейчас на этом месте стоит бюст Д. М. Карбышеву.

² Именовалась так из-за того, что в храме собиралось Омское Епархиальное Братство ревнителей Православия. Официально храм был освящён во имя иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали». Церковь находилась на нынешней территории завода им. Козицкого. В XIX в. здесь находилось Бутырское кладбище.

³ Ладан А. Мемориальный казачий сквер к 60-летию Победы // Стройка в Омске. – 2004. – № 41(236) – С. 16.

⁴ Лосунов А. Фотофакт // Аргументы и факты в Омске. – 2005. – № 3 (256) – С. 3.

⁵ ГУ ГАОО. Ф. 67. Оп. 1, Д. 403, Л.Л. 1–1 об.

⁶ Картографический альбом «Омск 1716–1991». – Омск, 1991. – С. 8.

⁷ И. Ф. Очерк г. Омска: (Из записок о Западной Сибири) // Время и город: Омск XVIII–начала XX вв. в описаниях современников / Турицына Е. Н. (сост.). – Омск, 1996. – С. 44

⁸ Степное эхо (Омск). – 1907. – № 94 – 9 мая – С. 3.

⁹ Ремнёв А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов и его омский дневник. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 85.

¹⁰ ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 238 об.

¹¹ Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск, 2003. – С. 104.

¹² Лебедева Н. И. Ни креста, ни камня. // Неделя (Омск) – 2002. – 22 окт. – С. 12.

¹³ ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 169. Л. 1 об.

¹⁴ ГУ ГАОО. Ф. Р – 74, Оп. 1, Д. 95. Л. 143.

¹⁵ ГУ ГАОО. Ф. Р – 2200, Оп. 1, Д. 17. Л. Л. 1–2.

¹⁶ ГУ ГАОО. Ф. Р – 2074, Оп. 1, Д. 55. Л. Л. 5–6.

ПАНИХИДА ПО УСОПШИМ
КАДЕТАМ НА КАДЕТСКОМ
УЧАСТКЕ КЛАДБИЦА.
МАЙ, 1913 Г.

КАЗАЧЬЕ КЛАДБИЦЕ.
1902 Г.
КОЛЛЕКЦИЯ В. И. СЕЛЮКА

РАДЕНИЦА НА КАЗАЧЬЕМ
КЛАДБИЦЕ. 7 МАЯ, 1940 Г.
КОЛЛЕКЦИЯ А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА

**ВХОД НА КАЗАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ. 1940 Г.
КОЛЛЕКЦИЯ В. И. СЕЛЮКА**

**КРЕСТЫ НА МОГИЛАХ.
КАЗАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.
ФОТО А. В. БОРИСОВА.
1954 Г.**

**НАДГРОБИЕ НА МОГИЛЕ
А. И. СЯЛОЦКОГО
И ЕГО ЖЕНЫ.
ФОТО А. В. БОРИСОВА.
1954 Г.**

Намогильные памятники.
Фото А. В. Борисова. 1954 г.

**Всехсвятская кладбищенская
 церковь с южной стороны.**
Фото А. В. Борисова. 1954 г.

Панорама Кладбище с церковью.
Фото М. И. Фрумгарца. 1960-е гг.

ВСЕХСВЯТСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
НАЧАЛО 1970-х гг.

Фиг. А - 7
Фиг. Б - 1

Столбец

Таблицы кспров. см. л. 1

Имя	Иванов	Фамилия	Иванов	Дата	12.09
Город	Владикавказ	Улица	Мухоморова	Дом	12
Архитектор	Борисов	Проектировщик	Иринуха	Дата	12.09.04

11507 - АР

Реконструкция, благоустройство и содержание территории бывшего Казанского кладбища в Центральной административной округе г. Москва

Страна: Росс. Дир.: Бажина

Церковь "Воскр. Святых"

АР	2	2
----	---	---

Цветовое решение и отделка фасадов

ПРОЕКТ

ПРОЕКТ ВНОЕЬ ПОСТРОЕННОГО ВСЕХСВЯТСКОГО ХРАМА. 2004 г.

**Всехсвятский храм на упраздненном Казачьем
кладбище. Фото автора. 2005 г.**

Бурьян забвения. Фото автора. 2005 г.

СТАРЫЕ ОМСКИЕ НЕКРОПОЛИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Старое еврейское кладбище города Омска

Начнем с цитаты, принадлежащей выдающемуся сибирскому историку и краеведу А. Ф. Палашенкову: «Евреям не позволялось хоронить умерших на христианских кладбищах и даже поблизости от них. Они имели свои кладбища»¹.

Добавим, что в дореволюционный период всех покойников хоронили строго по конфессиональному признаку. Иудейский некрополь, как правило, располагался на значительном удалении от жилья, заимок и церквей ввиду того, что иудаизм рассматривался как нечто противоположное православию.

Относительно захоронения евреев на территории современного Омска нам известно следующее.

Первое еврейское кладбище существовало во второй половине девятнадцатого столетия около деревни Николаевка, на Еврейской заимке. Ныне – район городка Нефтяников. Занимало небольшую территорию. От некрополя ничего не осталось.

Второе еврейское кладбище появилось в 1860-х гг. на правом берегу реки Оми, между улицами Октябрьской и Кемеровской на первом правом квартале 1-й Береговой². Некрополь функционировал до 1879 г. Он показан на карте Омска 1917 г.³ По площади небольшой. Наверное, в 1920-х гг. был стерт. Никаких наружных следов от кладбища не сохранилось.

Уцелело Старое еврейское кладбище – одно из старейших в нашем городе. Оно находится в Центральном административном округе. Имеет городской адрес: улица 3-я Береговая, 18. История его возникновения такова. Городские власти запретили хоронить на территории Второго некрополя. Причина – близкое расположение жилых строений. Остро встал вопрос о новом. Еврейская община ходатайствовала об отведении места на выгоне, расположенном за Новослободским форштадтом (там компактно проживали евреи. По аналогии с Казачьим некрополем, размещавшимся за одноименным форштадтом). Городская управа отказала. Решение проблемы содержится в постановлении Омской городской думы от 22 июня 1879 г.: «...Существующее еврей-

ское кладбище находится в настоящее время уже вблизи жилых строений и близ реки Оми, что не допускается законом и в санитарном отношении, а потому постановило: помянутое еврейское кладбище закрыть и поручить городской управе отвести еврейскому обществу под кладбище землю бесплатно в количестве 474 ½ кв. сажень на городском выгоне, примыкающем к Бутырскому форштадту»⁴.

Итак, дата открытия некрополя – 1879 г. Дата официального закрытия – 1959 г. Расположение – рядом с предыдущим, на коренном берегу Оми, между улицами 4-я и 5-я Ремесленная. Некрополь обозначен на карте Омска 1917 г. По форме напоминает квадрат. Известны размеры кладбища в разное время: в 1919 г. – 1,06 десятин, в начале 1950-х гг. – 0,9 га. В момент закрытия – около 1 га.⁵

С севера кладбище ограничивает улица 3-я Береговая. От южной границы до правого берега реки Оми примерно 800 м.⁶ С востока и запада к некрополю вплотную примыкает жилая застройка: частные одноэтажные дома и огороды. Вход со стороны 3-й Береговой.

Теперь об «интерьере». Согласно древнееврейскому обычаю центральная аллея делит кладбище на женскую (для входящего слева) и мужскую половины.

В северо-западной части встречаются наиболее интересные памятники, датированные 1914–1916 гг. Надгробия оригинальные, порой уникальные. Например, в виде макета храма, рога изобилия, синагогальной кафедры из черного и красного мрамора. Произведения малой монументальной скульптуры с национальной символикой. Отдельные памятники доставлялись из Москвы и Санкт-Петербурга в разобранном виде и монтировались на месте. Есть памятники из дальневосточного гранита и уральского мрамора. Часть монументов украдено с упраздненных Казачьего и Шепелевского кладбищ. Воры продали для новых захоронений. Установлено, что надписи на могилах сделаны на русском и еврейском языках (идиш и иврит в разных стилях). Однако эпитафии в ряде случаев нечеткие, стертые. Прочесть невозможно. С каждым годом здесь все больше безымянных могил. Холмики равняются с землей.

Многолетние поиски письменных источников не дали результатов: книги регистрации захоронений и метрические обнаружить не удалось. Единственный источник информации об умерших – надгробные таблички (надписи), изученные краеведом И. Е. Бродским в 1993–2000 гг. Самая ранняя табличка: «Биршев Мойше Аныкев. 1806–1876». (Вероятно, перехоронен с более раннего кладбища). Самое позднее: «Злацовский Александр Исаакович. 10.01.1888–8.11.1980». (Очевидно, сын подхоронил отца к матери).

В числе нашедших здесь последний приют ссыльные, участники Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн.

Названный некрополь хранит останки омских коммерсантов и предпринимателей начала XX века: М. С. Саметника, И. И. Кадыша, С. А. Маркуса, Д. Л. Гутермахера, А. Н. Ковлера, И. М. Кочурина, Ф. Я. Лермана и других.

Наиболее полно представлены медицинские работники: профессора М. Ю. Глезер, Э. М. Каган, В. О. Мочан, доктора В. Е. Клячкин, Л. А. Фромберг, А. С. Перах, З. И. Лисицкая, И. С. Мажбич, врачи М. А. Купицкий, А. Таусик, И. Л. Шатенштейн, А. Л. Клик, Р. С. Зельвинский.

Встречаются военный дирижер И. О. Кричмар, участники Великой Отечественной войны: полковник Я. И. Данцыг, С. З. Шалыт, И. С. Шульга, Е. А. Бродский.

Обширная география городов, из которых в период той же войны прибыли эвакуированные: Москва, Ленинград, Смоленск, Ростов-на-Дону, Минск, Могилев-на-Днепре.

Посетить кладбище можно в любой день, кроме субботы. Прийти в субботу – значит оскорбить прах усопших.

В последние годы на кладбище проводятся воскресники по уборке мусора, пилят и вывозят старые деревья. Однако некрополь оставляет удручающее впечатление. Летом зарастает сорной травой. Эпитафии в ряде случаев нечеткие, стертые. Прочесть невозможно. Со временем все больше надписей исчезает.

Кладбище нуждается в большой работе по благоустройству и реставрации памятников. А главное – в серьезной государственной охране. Такой некрополь в Сибири во многих отношениях является уникальным. В случае частичной или полной утраты некрополя историческому облику Омска будет нанесен непоправимый урон.

В алфавитном порядке мы даем биографические справки тех деятелей, чей прах оказался на упомянутом месте погребения.

Глезер Михаил Юрьевич (1896–1948) – доктор медицинских наук, профессор. Настоящее имя – Моисей Израилевич. В Омск прибыл в 1941 г. с хозяйством эвакуированного Первого Московского медицинского института и сразу приступил к заведованию кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии Омского медицинского института. Жил в рабочем кабинете кафедры.

Вот что сообщила профессор Т. М. Уткина: «Михаил Юрьевич был очень образованным и доброжелательным человеком, великолепным педагогом и хирургом. Я посещала научный студенческий кружок при кафедре топографической анатомии, которым руководил профес-

сор Глезер. ... не хватало квалифицированных преподавателей. Шла война. Михаил Юрьевич занимался и практикой, консультировал в больнице Водников. Тем не менее, у него было время и для кружковцев. Умер он скоропостижно в сентябре 1948 г. ... Смерть наступила от остановки сердца. Профессору Глезеру не было еще 52 лет»⁷.

Каган Эзра Моисеевич (июль 1887–4.08.1948) – видный ученый-гигиенист и профпатолог. Родился в г. Риге. В 1901 г. он окончил начальную школу, в 1910 г. сдал в Витебске экзамены экстерном на аттестат зрелости. С мальчишеских лет К. участвовал в революционном движении, состоял в партии Бунд в 1903–1905 гг. и 1917 г.

Борьба К. с самодержавием не осталась незамеченной. В 1903–1905 гг. он подвергался арестам в Рудне, Витебске и Ровно за пропаганду идей Бунда. Отсидел четыре месяца в царской тюрьме. Выпущен под надзор полиции.

В 1910–1916 гг. учился на медицинском факультете Юрьевского (Дерптского, Тартуского) университета и окончил его с отличием со званием лекаря. Начались трудовые будни в качестве ординатора Орловской губернской земской больницы, врача Орловской больничной кассы (1916–1919).

В 1919 г. К. переехал в Харьков, где трудился в качестве доктора больничной кассы, а затем – главным врачом Харьковской рабочей поликлиники (1920–1923).

После научной стажировки в Германии К. был избран профессором Харьковского медицинского института, где организовал первую в СССР кафедру гигиены труда, которой руководил до 1938 г. Одновременно заведовал кафедрой профессиональных болезней и гигиены труда Харьковского института усовершенствования врачей (1927–1932) и был директором Украинского центрального института рабочей медицины (1923–1931), который, по его инициативе, им же организован на базе рабочей поликлиники (в дальнейшем – Украинский центральный институт гигиены труда и профзаболеваний).

В 1925 г. К. защитил диссертацию на тему «Труд в литейных» и ему присвоили степень доктора медицинских наук.

В 1931–1938 гг. К. работал заместителем директора Института гигиены по научной части.

В 1938 г. К., как мы предполагаем, «припомнили» членство в БУНДе и заграничные поездки. Последовали арест и ссылка в Кировскую область. К счастью, условия содержания в ссылке были не самыми жесткими: К. исполнял обязанности врача больницы Вятлага НКВД для вольнонаемных (1939–1942), являлся врачом больницы поселка Лесное (1942–1945).

В мае 1945 г., когда вся страна праздновала Победу над фашистской Германией, К. приехал в Омск. Администрация мединститута хлопотала о «въезде в Омскую область и проживании в городе Омске, чтобы профессор К. мог взять на себя руководство кафедрой гигиены труда»⁸.

Разрешение от чекистов было получено. В 1945–1948 гг. профессор К. заведовал кафедрой гигиены труда Омского медицинского института. К. опубликовано более 40 научных работ.

Клячкин Вениамин Ефимович (Хаимович; 10.06.1858–8.09.1931) – почетный врач Сибири. Родился в Минске. К 1880 году окончил городское училище и гимназию. В том же году поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Одновременно посещал занятия в Военно-медицинской академии. В 1884 г. окончил университет со степенью кандидата естественных наук. После этого переезжает в Москву, где поступает на третий курс медицинского факультета местного университета, который закончил в 1887 г. со званием лекаря и уездного врача⁹.

В 1889 г. К. отправился на восток. Сорок лет жизни он посвятил медицинской практике в Сибири. Три года провел на далеком Севере – в Березове и Сургуте, 15 лет – в Таре и его уезде и 20 лет (с 1907 г.) – в Омске¹⁰.

В 1907 г. по прибытии в Омск К. занимает должность помощника директора Центральной фельдшерской школы.

К. был специалистом широкого профиля, но особенно проявил себя как инфекционист и санитарный врач. Принимал активное участие в подавлении эпидемий холеры, тифа и дифтерита. Читал публичные лекции. К. – страстный пропагандист гигиенических знаний.

В январе 1920 г. К. – один из организаторов Омского медицинского института, входит в состав оргкомитета по созданию вуза.

С первого декабря 1921 г. в течение девяти лет – первый преподаватель латинского языка для будущих врачей. Одновременно – ассистент кафедры гигиены.

Он столкнулся с проблемой отсутствия учебников. Пришлось самому взяться за перо. Подготовил словарь-справочник «Латинский язык для медиков и фармацевтов». По нему много лет учились омские студенты. Учебник трижды переиздавался.

К. – автор научных и научно-популярных трудов. Подарил библиотеке ОГМИ значительное количество книг по медицине.

В 1929 г. в связи с сорокалетием врачебной деятельности К. был удостоен звания почетного доктора Сибири и персональной пенсии.

Двадцатого сентября того же года утвержден в звании приват-доцента. А через два года, на 74-м году жизни скончался.

Мочан Виктор Осипович (5.06.1875 – 7.01.1943) – профессор. В 1900 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Затем работал в клинике детских болезней Женского медицинского института (ныне СПбМУ) под руководством профессора Д. А. Соколова. Здесь же защитил диссертацию на степень доктора медицины.

В 1915 г. совместно с архитектором И. А. Фоминным разработал проект новой детской больницы для детей беженцев, нахлынувших в Петроград в годы Первой мировой войны, и с 1916 по 1922 г. был главным врачом этой больницы.

В 1924–1925 гг. явился организатором и первым директором научно-практического Института охраны материнства и младенчества. В 1925–1929 гг. он был научным руководителем клинического отделения этого Института.

К 1929 г. М. заведует биологическим отделом Института охраны здоровья детей и подростков и диагностической клиникой Института, которую ему было поручено организовать, а в 1931 г. его избирают заведующим кафедрой и клиникой детских болезней Второго Ленинградского мединститута (теперь СПбГМА).

Общественная и научная работа М. была посвящена борьбе с туберкулезом и ревматизмом у детей¹¹.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, М. вместе с семьей эвакуируется в Омск. Здесь, по свидетельству кандидата медицинских наук, доцента ОГМИ Н. К. Талызиной, в 1941–1942 гг. читает студентам Омского мединститута курс лекций по педиатрии, консультирует больных. Удостоен звания «Заслуженный деятель науки»¹².

Перах Аркадий Семенович (4.11.1865–15.12.1956) – один из первых омских стоматологов. Родился в городе Вильно (сейчас Вильнюс). Окончил медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуского, Эстония) университета, получил диплом лекаря. Далее отправился за границу, чтобы специализироваться в Берлине у профессора Мамлока. Овладел профессией стоматолога. И в 1892 г. оказался в Омске.

П. занимался терапевтической и хирургической стоматологией. С самого приезда в Омск стал оказывать бесплатную медицинскую помощь, проводить профилактические осмотры учащихся гимназий, Сибирского кадетского корпуса и Детского убежища.

П. – активный член Омского медицинского общества. В 1914 г. по инициативе А. И. Хлебникова, Р. И. Фильней, А. С. Пераха группа зубных врачей решила объединиться в специализированное врачебное общество.

Электро-зубо-врачебный кабинет П. стал первым лечебно-профилактическим учреждением стоматологического профиля в нашем городе. П. занимался лечением, пломбировкой и протезированием зубов. В своем кабинете врача П. проводил «электрический вибромассаж, специальное лечение больных десен и неба». У П. была и «лаборатория искусственных зубов». П. использовал в работе передовые методы лечения.

В последние годы он трудился в железнодорожной больнице.

Общий врачебно-трудовой стаж П. составил более 60 лет. Он был удостоен звания «Отличник здравоохранения»¹³.

Старейшее мусульманское кладбище современного Омска

На сегодняшний день на территории Омска зафиксировано три мусульманских кладбища. Два из них – в Кировском округе на Левобережье: возле бывшего аула, теперь посёлка, Каржас и на ул. 70 лет Октября. Оба закрыты¹⁴.

Самый большой мусульманский некрополь находится в Октябрьском округе, на окраине Чкаловского посёлка, в конце Космического проспекта. Его площадь – 9 гектаров. Открыт в 1960 г., закрыт для захоронения в 1992 г.¹⁵

Этот материал мы посвящаем старейшему из названных кладбищ. В начале обратимся к истории аула Каржас. Точная дата его основания не установлена. Авторы книги «Список населённых мест Сибирского края» считают, что поселение возникло в 1805 г.¹⁶ Другие полагают, что это случилось двадцатью годами позднее. Мы думаем, что прежде чем аул был построен оседлыми казахами, там время от времени жили их сородичи. Они кочевали в XVIII веке и осели на этом месте в XIX веке. Каржас был местом их летней стоянки. (Летовка – по-казахски – «джайляу».) Здесь скотоводы-кочевники пасли весной и летом животных. А на зиму уходили далеко на юг. Известный писатель Л. Маргынов так отзывался о жителях Каржаса: «Это были, как выяснилось, давнишние выходцы из-под Баян-Аула, откочевавшие не менее ста лет назад на север, под Омск»¹⁷. Поясним, что Баян-Аул сегодня – это райцентр на юге Павлоградской области Республики Казахстан. Посёлок Каржас в 1965 г. был включён в городскую территорию¹⁸.

Установлено, что кладбище – памятник XVIII века, охраняется законом¹⁹, т. е. это самый старый из всех некрополей Омска. Поэтому он имеет особую историческую ценность.

Начало захоронений произошло задолго до сооружения первых саманных и глинобитных жилищ аула. Здесь были преданы земле кочевники XVIII столетия, предки ныне живущих в Каржасе казахов. Принятое название некрополя – Старое мусульманское или кладбище аула Каржас. Слово «Каржас» переводится на русский язык так: «Кар» – стар, «жас» – млад, т. е. «стар и млад». Вероятно, объяснить название можно следующим образом: большинство населения аула составляли старики и дети.

Журналист В. Куницын так характеризует некрополь: «Умирают люди, зарастает травой Каржасское кладбище: разбиты надгробные плиты, погнуты или вовсе сбиты мусульманские полумесяцы, поржавели металлические оградки. Только узкая дорожка отделяет его от другого кладбища – русского с православными крестами на могилах»²⁰.

Дважды в 1977 и 1980 гг. городские власти принимали решение о закрытии некрополя²¹.

Упомянутое место погребения мусульман было детально обследовано 16 августа 2002 г. омскими краеведами И. Е. Бродским и М. Г. Сергеевым. Удалось выяснить, что казахи-кочевники задолго до того, как перейти к оседлому образу жизни, выбрали участок для упокоения своих умерших соплеменников на высоком, коренном берегу реки Иртыш. Некрополь возвышается над поймой метра на 3–4, «за валом», на расстоянии 500–600 м от берега Иртыша. Предусмотрительно было выбрано место, не затопляемое внешними водами. Напротив, на правом берегу прежде находился судоремонтно-судостроительный завод. Кладбище находится севернее посёлка Каржас, площадь того и другого примерно одинакова (по 3 гектара).

Видимые погребения расположены хаотично. Нет и намёка на ряды и аллеи. Зато наблюдается обвалование. Сооружённый по традиции земляной вал ограждает могилы со стороны Иртыша. Ясно, что вал создан искусственно, чтобы не заливало во время половодья.

Отметим, что жилые кварталы расположены в непосредственной близости от кладбища. На расстоянии 300 м от кладбища стоит жилой дом №19 по ул. Крупской. Между некрополем и домом – гаражи и улица.

От мусульманских могил на северо-восток находится православное кладбище посёлка Рыбачий. Их разделяет узкая дорожка.

На момент исследования никаких старинных памятников не обнаружено. Имелось 105 оградок. На них десяток читаемых табличек. Дата похорон – 1970-е гг. Самая ранняя: «Еслэм Улы Олжбай. 1963 туган – 1966 кайтэ». Очевидно, детская могила. На ряде табличек – арабская вязь и изображение полумесяца. Большинство оградок ржа-

вые и безымянные. Едва ли за ними ухаживают. На девяти десятых захоронений отсутствуют оградки, надгробия и памятники. Земля неровная. Повсюду холмики, ямы и ямочки, что, по нашему мнению, говорит о давних, сильно осевших, погребениях. Всё густо заросло сорной травой. Наиболее поздняя табличка – железобетонная плита. На ней изображён полумесяц, арабская вязь. По-русски: «Карабаева Камыл. 6.06.1980 кайтэ». Указана только дата смерти.

Кладбище ограничено с северо-востока поймой Иртыша, с северо-запада – кладбищем посёлка Рыбачий. С юга – посёлком Каржас и ул. 4-я Тюкалинская, с запада – гаражами и ул. Круппской.

Состояние некрополя удручающее. Для его сохранения крайне необходимо возвести ограждение, делающее его недоступным для выпаса скота и слива горючего.

*Кладбище Омского сельскохозяйственного института
(Аграрного университета)*

Некрополь находится в Советском округе нашего города. Его появление неразрывно связано с историей ОмГАУ. Обратимся к ней.

В 1912 г. примерно в трех верстах на северо-запад от Омска было решено разместить Омское среднее сельскохозяйственное училище. Одновременно возникает и кладбище. Первыми на нем были похоронены строители училища.

На базе училища организуется первое высшее сельскохозяйственное учебное заведение Сибири. Вуз был открыт 24 февраля 1918 г., по постановлению Сибирского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1922 г. состоялся первый выпуск специалистов. В марте того же года, в результате слияния сельскохозяйственного и омского земельного институтов была образована Омская сельскохозяйственная академия (Сибака). В 1924 г. академия была переименована в Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, а в 1935 г. в Омский сельскохозяйственный институт.

С апреля 1920 г. институт размещается в здании, построенном в 1913 – 1915 гг. для сельскохозяйственного училища по проекту архитектора Ф. А. Черноморченко (главный корпус вуза).

В период Великой Отечественной войны в этом здании по решению Омского обкома ВКП(б) был размещен эвакуированный из Ленинграда оптико-механический завод «Прогресс», выпускавший винтовочные прицелы, оптические и артиллерийские приборы корабельной артиллерии²².

Теперь о самом кладбище. Варианты его названия – Аграрное, на территории ОмГАУ, кладбище ОмСХИ. Спустя сорок лет с момента открытия – в 1952 г. – кладбище было закрыто²³. Однако немало лет там еще происходили самовольные захоронения. Это единственный ведомственный (вузовский) некрополь в городе. Его не жалуют вниманием картографы. Только на двух картах Омска нам удалось обнаружить едва заметный крестик²⁴.

Данное место погребения было детально обследовано омскими краеведами И. Е. Бродским и М. Г. Семеновым в июле 2002 г. и в сентябре 2003 г. Площадь невелика – 1,39 га²⁵. Кладбище расположено от остановки общественного транспорта на улице Красный путь на расстоянии около 900 м. Некрополь представляет собой несколько вытянутый неправильный треугольник. С северо-запада его ограничивает улица Агрономическая. С юго-востока – Физкультурная. За проезжей частью улицы (в 20 м) находится стадион. На север и северо-восток – зеленая зона. Кладбище расположено на территории дендропарка, в непосредственной близости от учебных корпусов²⁶. На юг – жилая застройка. С юго-востока примыкает березовая роща. С севера размещен вход на кладбище. В 40 м от ворот стоит 9-этажный корпус общежития № 2 (ул. Сibaковская, 16).

При входе мы обращаем внимание на плиту. Надпись на ней гласит: «На этом кладбище захоронены работники сельскохозяйственного института и Ленинградского завода НКВ № 357 (Наркомата вооружений – Ред.), размещавшегося в годы Великой Отечественной войны в корпусах института». Эта плита-obelisk установлена в 1990 г.²⁷. Только одна четвертая часть периметра огорожена.

Некрополь производит удручающее впечатление. Ни аллей, ни деревьев, ни цветов. Могилы расположены хаотично. Кучи мусора, заросшие сорняками холмики и бугорки. Надмогильных сооружений, достойных внимания, не обнаружено. Зато достаточно поржавевших крестов, оградок, жестяных пирамидок, безымянных захоронений. Наиболее ранняя дата на сохранившихся табличках – 1928 г., самая поздняя – 1978 г.

Настоящий некрополь – один из старейших среди оставшихся в сегодняшнем Омске. Поэтому он имеет особую историческую ценность. Меж тем он находится на грани исчезновения: кладбище крайне нуждается в обновлении табличек, благоустройстве и санитарной очистке. В последние годы стараниями университета было положено начало благоустройству кладбища: установлена новая металлическая ограда со стороны входа, установлен мемориальный знак. Тем не менее, отсутствие ограждения, постоянного надзора за кладбищем приводит к тому, что оно продолжает разрушаться, многие памятники опрокинуты.

В алфавитном порядке мы даем биографические справки ученых (кого удалось выявить), чей прах покоится на кладбище ОмСХИ. Даты рождения и смерти взяты с надгробий.

Башкиров Сергей Васильевич (28.12.1891–3.01.1949) – профессор, доктор технических наук. Родился в Костроме в семье фельдшера и акушерки. В период революции 1905–1907 гг. являлся участником боевой дружины, членом РСДРП. Был арестован и три с половиной года провел в Костромской тюрьме. В 1911 г. он выезжал в Германию (Саксония), где прошел курс в области сельскохозяйственной техники, овладел знаниями немецкого, французского и английского языков. С началом Первой мировой войны мобилизован и направлен в Омск в качестве руководителя по заготовке и прессованию сена для армии. С 1926 по 1928 г. был старшим ассистентом кафедры механизации сельского хозяйства Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. В марте 1940 г. Башкиров защитил докторскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы комбайновой уборки колосовых без потерь урожая», в сентябре того же года утвержден в ученое звание профессора. В 1947 г. Башкиров был назначен заместителем директора института по научной работе. Башкиров – крупнейший ученый Сибири в области механизации сельского хозяйства. Опубликовал более 90 научных работ, в том числе ряд брошюр и монографий²⁸.

Берникова Надежда Демьяновна (1870–1943) – внучка писателя Петра Павловича Ершова, автора сказки «Конек-Горбунок». Мать профессора, доктора сельскохозяйственных наук Вадима Венедиктовича Берникова (1896–1989)²⁹.

Зайковский Януш Станиславович (16.01.1887–28.12.1952) – профессор, доктор химических наук. Родился в селе Ясно в Галиции в семье железнодорожного служащего. В 1912 г. Зайковский окончил химико-технический факультет Львовского политехнического института и был оставлен преподавателем. В 1914 г. ему присуждена степень доктора наук. В 1924–1925 учебном году Зайковский работал в Ленинградском сельскохозяйственном институте. В 1925 г. он избран профессором Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, где проработал до конца жизни. Им была организована зоотехническая лаборатория, которая в 1930 г. преобразована в кафедру биохимии и химии молока. Зайковский возглавлял ее 22 года. Подготовил десять кандидатов наук. Опубликовал 60 научных работ³⁰.

Кокоулин Вениамин Прокопьевич (?–23.10.1926). Могила не сохранилась. Биографическую справку см. «Омский некрополь» – Омск, 2005.– С. 108.

Корш Владимир Петрович (27.03.1873–15.07.1928) – профессор, лесовод. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил Тифлисское реальное училище и Санкт-Петербургский лесной институт. По окончании института с 1898 по 1921 г. он трудился таксатором, заведующим лесничеством, ревизором лесоустройства в лесных районах от Архангельска до Хабаровска. С организацией лесного факультета при Сибирском институте сельского хозяйства Корш был избран в 1921 г. профессором кафедры лесоустройства. После преобразования Сибинститута в Сибкадемию он был заведующим кафедрой, деканом лесного факультета, заведовал научно-учебной частью академии, был членом ученого бюро, членом его правления и др. Корш организовал лесотипологическую экспедицию и руководил ею. По ее материалам он дал глубокое и всестороннее описание Екатерининской лесной дачи в Тарском районе. Опубликовал и другие работы³¹.

Кочергин Степан Михайлович (01.06.1879–01.08.1929) – профессор. В 1904 г. окончил Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве. Через год приехал в Сибирь. Заведовал Томской центральной лабораторией по молочному хозяйству, затем работал секретарем Западно-Сибирского сельскохозяйственного общества, соредактором журнала «Сибирский земледелец и садовод». Кочергин являлся высококвалифицированным специалистом в области молочного дела, поэтому при организации в Омске института сельского хозяйства был приглашен на преподавательскую работу. С 1921 по 1929 г. заведовал кафедрой молоковедения. До этого изучал молочное дело в Германии, Голландии, Дании, Швеции и Финляндии³².

Мурашкинский Константин Евгеньевич (10.05.1884–25.09.1948). Могила не сохранилась. Биографическую справку см. «Омский некрополь» – Омск, 2005. – С.108.

Ольховский Евгений Михайлович (30.12.1884–22.01.1952). Родился в городе Уфе в семье служащего. Родственник Петра Ильича Чайковского³³. В 1906 г. окончил Московский межевой институт. После чего до 1909 г. трудился землемером уездным. Затем был направлен в качестве производителя работ в Томскую переселенческую партию. С 1910 по 1930 г. преподавал геодезию и математику на землемерном отделении Томского политехнического техникума. Одновременно заведует землемерным отделением (имел перерыв в работе в связи с призывом в армию с 1915 по 1917 г.). С сентября 1930 г. в должности доцента преподает в Томском индустриальном институте. С 1933 г. до последних дней жизни Ольховский работал в ОмСХИ доцентом и заведующим кафедрой геодезии. В 1940 г. в результате

защиты диссертации присуждена ученая степень кандидата технических наук. Зарекомендовал себя как прекрасный педагог³⁴.

Павлов Никифор Дамианович (Демьянович) (24.01(5.02).1867–19.06.1929) – профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки РСФСР. Родился в селе Алисово Фатежского уезда Курской губернии в крестьянской семье. В 1887 г. окончил Курское землемерное училище, в 1889 г. – Военно-топографическое училище, в 1899 г. – Николаевскую академию генерального штаба. Служил в Управлении съемки Финляндии и Санкт-Петербургской губернии, Николаевской главной обсерватории (Пулково), с 1901 г. – производитель нивелирных работ при Военно-топографическом отделе Главного штаба. 22 апреля 1907 г. произведен в полковники. С 18 декабря 1908 г. – начальник Военно-топографического отдела штаба Омского военного округа. 14 апреля 1913 г. произведен в генерал-майоры. Оставался во главе местной военно-топографической службы при Временном правительстве, в период колчаковщины, при Советской власти. 24 января 1924 г. уволен из РККА.

Будучи на военной службе получил приглашение в Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, где создал кафедру высшей геодезии и бессменно возглавлял ее с 1918 г. до самой кончины. В 1924–1929 гг. – декан землеустроительного факультета, профессор.

С 1905 г. действительный член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, председателем которого состоял с 1911 по 1921 г. (в ноябре 1919 г., в момент отступления белых, не позволил вывезти из Омска ценнейшие документы, тем самым спас их для науки). С 29 января 1928 г. – почетный член Общества.

Один из наиболее крупных деятелей отечественной геодезии и топографии. Предложенный им способ определения точного времени стал классическим. Активно участвовал в работе Комиссии Госплана СССР по геодезии и астрономии, создал научную школу. Подготовил более 200 научных трудов.

На могиле установлен кирпичный памятник в виде саркофага. Последний нуждается в реставрации³⁵.

Петров Гавриил Гаврилович (14.12.1881–14.08.1942) – профессор, доктор сельскохозяйственных наук. Родился в Москве в семье часового мастера. В 1890 г. после окончания гимназии поступил в Московский университет, по окончании которого стал студентом Московской сельскохозяйственной академии. Завершив обучение на агрономическом факультете в 1908 г., был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. В 1912–1913 гг., находясь в научной командировке в Германии, специализировался в области физиологии растений.

Работал в лаборатории академика Д. И. Прянишникова. Подготовил монографию на тему «Усвоение азота высшими растениями на свету и в темноте», являющуюся ценным вкладом в физиологическую и агрономическую науки.

В 1918 г. Петрова пригласили на должность профессора, заведующего кафедрой ботаники организуемого в Омске сельскохозяйственного института. В 1920 г. из кафедры ботаники выделилась кафедра физиологии растений, которую возглавлял профессор Петров до последних дней жизни. Он был одним из участников создания первой Сибирской высшей сельскохозяйственной школы, выполнял обязанности декана агрофака, дважды на него возлагалось ректорство института. В 1938 г. ВАК подтвердил присвоение ему докторской степени без защиты диссертации. Его перу принадлежит двухтомный учебник по физиологии растений для сельскохозяйственных вузов, ряд научных монографий³⁶.

Сборовский Николай Александрович (11.04.1876–30.04.1943) – профессор. Родился в Санкт-Петербурге в семье горного инженера. В 1894 г. окончил Пермское реальное училище, затем Санкт-Петербургский горный институт (1884–1901). Обучение в институте шло с перерывами, связанными с арестами и высылками за участие в революционных кружках (примыкал к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»).

После окончания института трудился на инженерных должностях в Сибири – Омске и Томске, в том числе и переселенческом управлении. В 1920–1922 гг. преподает в Томском университете на факультете общественных наук. Но факультет закрыли. Сборовского пригласили на работу в Сибирскую плановую комиссию (г. Новосибирск), а затем в редакцию журнала «Жизнь Сибири», где возглавлял научно-редакционный аппарат.

В 1926 г. был избран заведующим кафедрой колонизации и переселения землеустроительного факультета Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. В том же году ГУСом он утвержден в звании профессора. В 1931 г. в связи с изменением учебных планов кафедра была ликвидирована. Сборовский перешел на работу заведующего институтской библиотекой. Занимал эту должность до последних дней. Опубликовал более 20 научных работ, в том числе ряд книг и статей в журналах, в Сибирской советской энциклопедии³⁷.

Ходорович Павел Алексеевич (28.07(15.07).1889–21.08.1949) – профессор, доктор технических наук. Родился в Санкт-Петербурге в семье ученого-лесовода. В 1916 г. окончил Московский межевой институт. Был аспирантом, одновременно учился на физико-математи-

ческом факультете Московского университета. В 1919 г. окончил это учебное заведение и был приглашен на должность профессора в Белорусскую сельскохозяйственную академию. При его участии в 1924 г. в академии открывается землеустроительный факультет, первым деканом которого был Ходорович. Там он читал лекции по геодезии. В 1929 г. совет Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства избрал его профессором и заведующим кафедрой высшей геодезии. Здесь он дважды (1936–1938, 1942–1946) выполнял обязанности декана. В 1938 г. ВАК присудил Ходоровичу ученую степень доктора технических наук без защиты диссертации. В ОмСХИ проработал до 18 августа 1949 г., являясь референтом и председателем экспертной комиссии ВАК, руководил аспирантами. Ходорович был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Им написано 30 капитальных работ, не потерявших научного и практического значения и в наши дни.

¹ Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела ГО СССР. – Вып. 3 (10). – Омск, 1960. – С. 22.

² Там же С. 22.

³ Омск, 1716–1991. Альбом. Омск, 1991. – С. 8–9.

⁴ Омский некрополь. Омск, 2005. – С. 158–159.

⁵ ГУ ГАОО. Предисловие к описи дел постоянного хранения Комбината специальных услуг Управления коммунальных предприятий и благоустройства г. Омска за 1943–1981 годы. С. 1–2.

⁶ Омск. Атлас. Город, улица, дом. – Омск, 2005. – С. 57.

⁷ Информация предоставлена кандидатом медицинских наук, доцентом ОмГМА И. И. Таскаевым.

⁸ Таскаев И. И. Профессор Л. М. Маслов. – Омск, 2006. – С. 229–232.

⁹ Бродский И. Почетный врач Сибири В. Е. Клячкин // В мир открытые сердца. Лит. альманах. – Вып. № 20. – Омск, 2007. – С. 92–95.

¹⁰ Таскаев И. Короткие заметки // Забвению не подлежит. Лит. альманах. Вып. № 22. – Омск, 2008. – С. 40.

¹¹ К 75-летию С.-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии. – СПб., 2000. – С. 242–243.

¹² Информация предоставлена кандидатом медицинских наук, доцентом ОмГМА И. И. Таскаевым; Бродский И. Е. Детский доктор профессор В. О. Мочан // Гармония жизни. Лит. альманах. – Вып. № 23. – Омск, 2008. – С. 49–51.

¹³ Бродский И. «Не могу оставаться равнодушным» // Труд – 7, 5 декабря 2007. – С. 7.

¹⁴ Бродский И. Кладбища Омска // Омский вестник. – 27.01.1994. – С. 2.

¹⁵ Коломиец А. Омские кладбища // Коммерческие вести. – 14.09.2000. – С. 12–13.

¹⁶ Список населённых мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т.1. – С. 152.

¹⁷ Мартынов Л. Воздушные фрегаты. – Омск, 1985 – С. 215.

¹⁸ ГУ ГАОО. Ф.437. Оп. 14. Д. 1457. Протокол № 19. Решение облисполкома № 535 от 1.07.1965 г. Утверждено постановлением Верховного Совета РСФСР 10.11.1965, № 149.

¹⁹ Каржас не должен исчезнуть // Газета «Замандас» (Омск). – 2006. – февраль. – №1 – С.1.

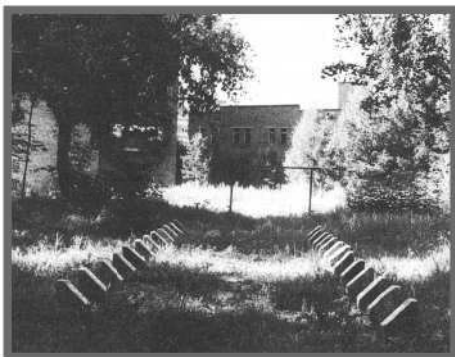
²⁰ Куницын В. И. Там, где северный олень встречается с верблюдом южных степей. // Вся губерния. – 2001. – 3 октября. – С. 6.

-
- ²¹ ГУ ГАОО. Ф.235. Оп. 2. Д. 4246. Л. 116–117. Решение Омгорисполкома № 439 «О закрытии и ликвидации кладбищ в Кировском районе»: «1) Закрыть с 1 ноября 1977 г. Кировское магометанское кладбище площадью 2 га ... запретить на вышеуказанных кладбищах любые захоронения». ГУ ГАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4459. Л. 156. Решение Омгорисполкома № 295 «О закрытии кладбища в посёлке Каржас Кировского района»: «Кладбище находится в зоне будущего жилищного и гражданского строительства. Кладбище площадью 5 га закрыть с 1 ноября 1980 г.».
- ²² Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. – С. 183
- ²³ Омские кладбища // Цены. – Февраль 1993. – № 1. – С. 4.
- ²⁴ Омск. Атлас. Город, улица, дом. – Омск, 2001 и 2007. – С. 37.
- ²⁵ ГУ ГАОО. Предисловие к описи дел постоянного хранения Комбината специальных услуг Управления коммунальных предприятий и благоустройства г. Омска за 1943–1981 гг. – С. 2.
- ²⁶ Омский некрополь. – Омск, 2005. – С. 107.
- ²⁷ Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 111.
- ²⁸ Червоненко В. Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Омск, 1994. С. 15–16.
- ²⁹ Коломиец А. Омские кладбища // Коммерческие вести. – 2000. – 28 сентября. – С. 12.
- ³⁰ Червоненко В. Н. Указ соч. – С. 42–43.
- ³¹ Указ. соч. – С. 57.
- ³² Указ. соч. – С. 58–59.
- ³³ Коломиец А. Омские кладбища // Коммерческие вести. – 2000. – 28.09. – С. 12.
- ³⁴ Червоненко В. Н. Указ. соч. – С. 222–223.
- ³⁵ Полный послужной список // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 131–469. Л. 6.; Семенов В. Ф. Очерк 50-летней деятельности ЗСО РГО. Омск, 1927; Степше Я. Я. Памяти Н. Д. Павлова // Известия ЗСО РГО. – Т. VII. – Омск, 1930. С. 239–240; Червоненко В. Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института. – Омск, 1994. – С. 81–82. Выражаем благодарность за предоставленную информацию кандидату исторических наук, доценту ОмГУ им. Ф. М. Достоевского А. В. Жуку.
- ³⁶ Червоненко В. Н. Указ. соч. – С. 84–85.
- ³⁷ Указ. соч. – С. 96–97.

Главный вход на
кладбище ОмСХИ.
Современный вид.
Фото А. П. Сорокина

На кладбище Омского
сельскохозяйственного
института.
Главная аллея напротив
главного входа.
Фото С. З. Шевырногова.
2003 г.

Кладбище ОмСХИ.
Общий вид.
Фото 2009 г.

**НАДГРОБИЕ ПРОФЕССОРА
С. В. БАШКИРОВА
(1891-1949)**

**МОГИЛА ПРОФЕССОРА
Н. Д. ПАВЛОВА
(1867-1929)**

**НАДГРОБИЕ В ВИДЕ КОВАНОГО
КРЕСТА. I ПОЛ. XX В.
ФОТО 2009 Г.**

**КАГАН ЭЗЕР МОИСЕЕВИЧ
(1887-1948)**

**КЛЯЧКИН ВЕНИАМИН ЕФИМОВИЧ (ХАИМОВИЧ)
(1858-1931)**

**ПРОФЕССОР ГЛЕЗЕР МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ (1896-1948) (4-й СПРАВА)
НА ЗАСЕДАНИИ КАФЕДРЫ ОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА**

ПАМЯТЬ МЕСТА

Лариса Дежурова, Алиса Шкурихина

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТРОИЦКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Троицкого сельского поселения Омского муниципального района Омской области в настоящее время существует несколько объектов культурного наследия XX века.

Первый памятник на территории села появился после окончания гражданской войны. Это была братская могила жертв колчаковского террора. Скромный деревянный памятник пирамидальной формы с красной звездой олицетворял скорбь по погибшим от рук белогвардейцев, победу идеи большевизма. В связи с разрушением деревянного памятника его заменили в середине 1960-х гг. на металлический, сохраняя общепризнанные формы монументов, связанных с революцией и гражданской войной. Данный памятник был демонтирован летом 1989 г. Точное местоположение братской могилы было утеряно ещё в конце 1950-х гг. и окончательно после указанного события.

В 1991 г. на территории мемориального ансамбля в центре села был возрождён памятник, связанный с событиями гражданской войны. Он представлен в форме мраморной плиты с новой символикой – изображением православного креста. Наш памятник посвящён жертвам социальной трагедии, противостояния расколотой России на «белых» и «красных». Он зовёт к покаянию, примирению и согласию.

Наш памятник и «белым», и «красным», и «зелёным». Его идейное содержание стало другим, чем у прежнего памятника. Православный крест символизирует страдание, траур, верность традициям Отечества, надежду, веру в светлое будущее. Вчитываясь в смысл надписи

«Землякам, погибшим в годы братоубийственной гражданской войны», мы отдаём дань памяти генералу Л. Г. Корнилову, чьё имя носил посёлок казаков на территории нашей малой родины. Могилы Корнилова нет, но вспомнить имя выдающегося сына России уместно у нашего памятника. Мы чтим память и Ф. Ф. Штумпфа, основателя поселения, положившего начало нашему селу. Могилы Штумпфа нет. Но поставить свечи памяти мы можем у нашего памятника. Крестьян, солдат, казаков, рабочих, погибших «белых» и «красных» мы вспоминаем, возлагая цветы, венки, гирлянды. Так живёт память о событиях гражданской войны.

В центре села Троицкое находится ансамбль группы объединённых памятников, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне. Мы называем его Мемориалом. Его торжественное открытие состоялось на праздничном митинге 9 мая 1985 г. В 1991 г. была проведена большая реконструкция мемориального комплекса. Была асфальтирована центральная площадь, поставлена оградка чугунного литья. На выступе, напоминающем бруствер окопа, в восточной части ансамбля, появились мраморные плиты с фамилиями 40 земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны.

На празднике 60-летия Победы, 9 мая 2005 г., были торжественно открыты ещё две мемориальные мраморные плиты. Они были созданы на народные пожертвования. Деньги передавали учителя, школьники, работники ЖКХ, Дома культуры, сельской библиотеки, детского сада. Собрали 6000 руб.

Одна из них напоминает нам о трудовом подвиге колхоза «Власть труда» в годы войны, собравшего 332 тысячи рублей на танковую колонну¹, снабжавшего Красную армию продовольствием, вложившего достойный вклад в Победу. Колхозники снабжали Красную армию и население продовольствием: мясом, молоком, хлебом, картофелем, овощами. Колхоз «Власть труда» всегда выполнял государственный заказ, был передовым, одним из лучших в области.

На другой плите ещё один скромный список фамилий земляков, отдавших жизнь за родину, и слова благодарной памяти потомков за совершённый подвиг старшего поколения.

О времени Великой Отечественной войны напоминает нам композиция ансамбля: даты «1941–1945», склонённые знамёна и звезда – символ Красной армии-победительницы. Наш ансамбль – это место празднования Дня Победы, закрепления в исторической памяти жителей боевого и трудового подвига нашего народа, трагических, жертвенных, но исполненных великого пафоса патриотизма лет войны. С восточной стороны ансамбля располагается бетонная плита в форме

земельной насыпи, напоминающей нам бруствер окопа, холм солдатской могилы. На ней закреплены мемориальные плиты, рассказывающие о боевой и трудовой славе земляков. С западной стороны – вход через двухстворчатые чугунные ворота чёрного цвета с пламенеющими альбами памятными датами – 1941–1945. В цветовой гамме – символ смерти, скорби, трагедии и пролитой в боях за правое дело крови защитников Отечества.

Площадка мемориального ансамбля окружена зеленью деревьев, кустарников, означающих вечную жизнь. Символика дорога и понятна, священна для каждого человека. Ансамбль выражает глубокий драматизм высокой скорби по погибшим и пафос жизнеутверждения, веры в светлое будущее человечества, спасённого Советской армией. Мемориал взывает к нашим чувствам патриотизма, увековечивает подвиг победителей и предупреждает будущее поколение о трагедии войны. Для нас, жителей села, ансамбль Победы – священное место. Здесь проводятся митинги, собрания, возлагаются цветы, венки, звучат строки стихов о вечной памяти потомков, вспоминающих дедов и прадедов, совершивших бессмертный подвиг в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Надписи и обозначения, содержащие информацию об объекте культурного наследия, определяются как информационные надписи и обозначения статьёй 27 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».² В нашем селе на 1 января 2006 г. насчитывается 4 информационные надписи, имеющие самостоятельный, оригинальный тип.

На стене здания МОУ «Троицкая СОШ» в 2000 г. появилась мемориальная доска, посвящённая выпускнику школы Андрею Горлову, погибшему в 1995 г. в зоне военных действий в Чечне. Надпись гласит: «В этой школе с 1981 по 1991 год учился Горлов Андрей Викторович. Погиб при исполнении воинского долга в Чечне 16 января 1995 года». Это был первый шаг в создании мемориальных плит на зданиях села.

В связи с юбилеем села летом 2004 г. торжественно открыли мемориальную доску, установленную на здании сельской администрации с текстом: «С. Троицкое (п. Корниловский) основан сибирскими казаками в 1919 г.». Данная информационная надпись закрепила важную для нас историческую справедливость, рассказав об основателях села – сибирских казаках и о первом названии села, связанном с именем генерала Л. Г. Корнилова. Мы шли к этому долго. О неизвестных ранее фактах юные краеведы узнали из архивных документов³. Они изучали их, собирали воспоминания старожилов и написали яркие научно-исследовательские работы. Общественность села познакомилась

с истинными фактами рождения села, его первым ярким названием. Мемориальная доска вернула нам забытое прошлое.

Торжественное открытие ещё одной мемориальной плиты состоялось на общешкольной линейке 19 октября 2005 г. На стене школы появилась новая информационная надпись: «В нашем селе школа была открыта учителем Ф. Зубовым 27 декабря 1919 г.». Она выполнена на плите из тёмно-серого мрамора. Доска эта – подарок выпускника школы 1992 года Д. А. Замкового. Первоначальная страница истории нашей сельской школы вошла в память и взрослых, и маленьких жителей нашего села. Указанный факт был найден в архивных документах⁴ и предстал теперь «в камне».

Белый мраморный камень поставлен на фоне зелёных насаждений у здания сельской администрации 20 октября 2005 г. Лицевая сторона повернута на север, чтобы проходящие по улице люди могли увидеть его и прочитать текст: «Ф. Ф. Штумпфу (1863–1921), крестьянам-переселенцам, основателям села». Установка этого мемориального знака была для нас большой победой. Ф. Ф. Штумпф был давно достоин большого, яркого памятника в городе Омске. Это был известный предприниматель и общественный деятель, личность новаторская, патриот России и Степного края начала XX века. Память о простых людях, крестьянах-переселенцах, своим упорным трудом преобразующих край, увековечена. Это дорого их потомкам, проживающим в нашем селе, всем, кто с почтением относится к истории малой родины.

Среда обитания человека невозможна без сохранения исторической памяти как части культуры. Опираясь на определение Д. Лихачёва – «экология культуры», мы предлагаем выражение – «экология исторической памяти» как систему сохранения знаний о прошлом своего народа в среде обитания в разнообразных формах, несущих информацию.

Молодёжь должна знать памятники родного края. Они воскрешают ушедшее и приобщают нас к великому прошлому во всей непосредственности и правде, обогащают и углубляют познания по истории борьбы и побед трудящихся и вместе с тем воспитывают высокие качества человека – гражданина, беззаветную любовь к родине, героизм⁵.

Обращение к идее создания памятника и её практическое осуществление – это путь к национально-этнической, самобытной идентификации современников в эпоху нарастания глобализации и развивающегося в России кризиса массового сознания.

Широко поле для научной работы членов НОУ «Поиск» в дальнейшем. Ждут исследователя такие объекты культурного наследия, как здание 1911 г., в котором был молебельный дом молокан, крестьян села Нижний Карбуш, а с 1920 по 1962 г. действовала начальная школа. Не

завершена работа по изучению современного сельского некрополя. Интересно продолжить работу по изучению достопримечательных мест – центра исторических поселений или фрагментов застройки, памятных мест, культурных и природных ландшафтов, связанных с историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей.

В городах и сёлах сохранилось много достопримечательных мест, связанных с далёким прошлым Прииртышья. В память о важнейших из них воздвигнуты обелиски, установлены мемориальные доски. На территории края 352 памятника, которые решением Омского облисполкома «Об охране и использовании памятников истории и культуры Омской области» поставлены на охрану. В списках, утверждённых райисполкомами, значится 876 памятников, кроме памятников археологии. Однако это далеко не полные списки. Идёт непрерывный процесс накопления знаний об исторических событиях, увеличивается количество зарегистрированных памятников⁶.

Строгой, аргументированной фразой научно-исследовательской работы, эмоциональной поэтической строфой, живописью и каменными скрижалями мы формируем историческую память социума. Это и есть наша главная работа⁷.

Таким образом, на территории нашего села сейчас существуют памятники, связанные с событиями гражданской и Великой Отечественной войн, информационные надписи, обозначающие ряд исторических явлений и событий, дорогих всем, кто уважает и помнит прошлое малой родины. Все перечисленные памятники на территории малой родины были созданы на деньги, пожертвованные жителями, предпринимателями, учреждениями, предприятиями. Но с тревогой авторы отмечают, что пока не оформлены документы, которые бы способствовали паспортизации и сохранности памятников и информационных надписей.

В статье 14 главы 3 «Вопросы местного значения» Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указывается, что охрана и сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных в границах поселения, относятся к вопросам местного значения⁸.

Местное самоуправление должно заботиться об объектах культурного наследия. Необходима паспортизация памятников истории и культуры, создание реестра, охрана, поддержание порядка. Силами учащихся начата общественная паспортизация указанных объектов, подготовлен материал для составления реестра. Перед местным самоуправлением поставлена проблема паспортизации, взятия на учёт, на баланс памятников, их содержание и охрана.

К. Ясперс писал, что история становится путём к надысторическому. История не просто удовлетворяет любопытство, а становится вдохновляющей силой. История для нас – воспоминания, в которых корни нашей жизни, основа, связь, которую мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека⁹. Яркий пример этому – наличие установленных в последние годы объектов культурного наследия в нашем селе.

¹ Телеграмма И. В. Сталина // Омская правда. – 1943. – № 66. – С. 1.

² Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73 – ФЗ от 25.06.2002. – М., 2002. – С. 14.

³ ГАОО. Ф.Р-1706. Оп. 1. Д. 261.

⁴ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 45. Л. 41, 63.

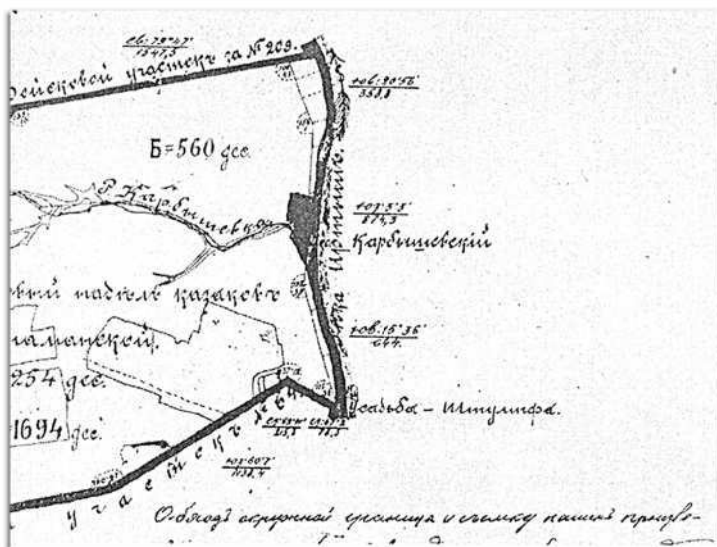
⁵ Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омской области. – Омск, 1967. – С. 6.

⁶ Колесников А. Д. Памятники и памятные места Омска и области. – Омск, 1987. – С. 3–4.

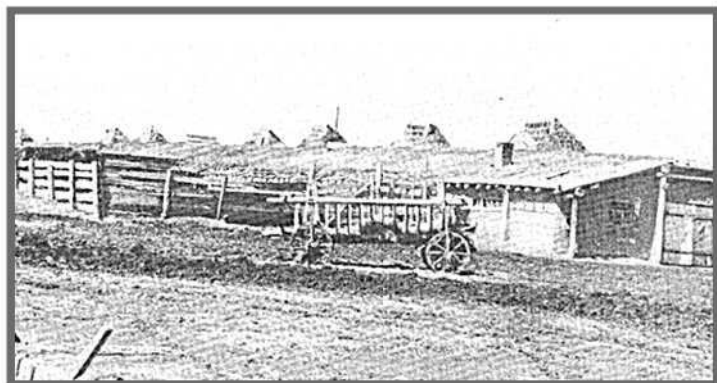
⁷ Дежурова Л. Н. Формирование памяти о прошлом малой родины // Школьное краеведение: опыт и проблемы. – Омск, 2005. – С. 14.

⁸ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». № 131-ФЗ. – М., 2003. – С. 5.

⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 240.

КАРТА-СХЕМА ТЕРРИТОРИИ С. ТРОНЦКОЕ.
НАЧАЛО XX В. (КСЕРОКОПИЯ)

КОЛХОЗНАЯ КОНЮШНЯ

ЗДАНИЕ СТАРОГО КЛУБА

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОГО ЗНАКА
В ЧЕСТЬ Ф. Ф. ШТУМФА
И КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

МЕМОРИАЛ
С. ТРОИЦКОЕ

СВЯТО-НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ В С. БОЛЬШЕКУЛАЧЬЕ:
ОТ ЦЕРКВИ К МОНАСТЫРЮ.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в силу изменения государственной политики по отношению к Русской православной церкви все действующие и недействующие церкви нашего города, благодаря во многом старанию тогдашнего областного архитектора М. М. Хахаева, были поставлены на учёт и охрану как памятники регионального значения. Коснулись эти мероприятия и культовых зданий на территории Омской области. Однако, несмотря на это, полной истории сельских церквей на сегодняшний день пока не существует. Вот почему, думается нам, что рассказ о Свято-Никольском православном храме в с. Большекулачье Омского района, на основе которого был учреждён и ныне действует мужской монастырь, будет и к месту, и ко времени.

Из истории села

Основание поселения Кулачинское исследователи относят к 1718 г. Именно тогда крестьяне Маталасовы, Глебовы, Ермовы, Плехановы, Перекладовы поселились на озере, образуемом старицей реки Иртыша. Вскоре вновь возникшее поселение пополнилось крестьянскими семьями Казанцевых, Грохотовых, Кругловых. Жить скученно старожилы поселенцы не хотели, а свободной вокруг земли было много. Поэтому в 1718 г. вблизи деревни Кулачинской, вниз по Иртышу, возникает поселение Малокулачинское. К его основателям можно отнести крестьян Фому Колмогорова и Никифора и Павла Черепановых. Приблизительно в это же время благодаря переселенцам Ивану Колмогорову и Герасиму Палошникову возникает деревня Горнокулачинская. Довольно быстрое возникновение этих населенных пунктов способствовали возвышению и росту Кулачинского населения. Оно достаточно быстро получает статус села, в ведение которого и входят две возникшие деревни. Но рост населенных пунктов вокруг Кулачинского села продолжается. К 1763 г. число населенных пунктов возросло до семи. Согласно данным «Ревизских сказок», в них насчитывалось 846 мужских душ.¹

В середине XVIII в. в Кулачинском селе жили потомки его основателей. Среди них следует назвать крестьян – Авдея Константино-

вича Маталасова (1738 г. р.) с супругой Марфой Егоровной, сыном Прохором, невесткой Марфой Степановной и внучками Ольгой, Марфой, Верой; Михаила Ивановича Филишова (1732 г. р.) с сыновьями Иваном, Тимофеем, Николаем, Михаилом и Василием, внуками Иваном, Тимофеем, Дементием и Ильей; Артемия Егоровича Глебова (1711 г. р.) с сыновьями Петром и Осипом, внуками Евсеем, Иваном, Ефимом, Сергием, Даниилом и Степаном.

Выгодное географическое положение села Кулачинское привлекало внимание и ученых. Так, в 1734 г. геодезистами, участвовавшими в академической экспедиции Г. Ф. Миллера, впервые был нанесен на карту этот населенный пункт, а вместе с ним и озеро Кулач, которое имело в длину шесть верст, а шириной четыреста саженей.

Из «Ведомостей Тобольской Консистерии» за 1781 г. в с. Кулачинском Омского Заказа значится уже 36 дворов.² В августе 1793 г. землемером прапорщиком Германом Пузыкиным был составлен «План специальный Омского уезда Кулачинской волости села Кулачинского о принадлежащих к нему деревнях, которые состоят в ведении казенного ведомства государственных пашенных крестьян».

План этот зафиксировал в экспликации своей даже рост населения в селе. Так, упоминается, что по 4-й ревизии в Кулачинском имелось 67 дворов и 198 душ мужского пола и 190 женского. А в 1793 г. налицо в селе состояло уже 249 мужчин и 215 женщин.

В 80-гг. XVIII в. в Кулачье жили также и мещане. Метрические книги донесли до нас фамилии целых семейств: Павел Михайлович Кравцов с супругой Окинфией Дмитриевной и дочерью Анной и Харитон Сергеевич Кудейкин с супругой Ефимией Артемьевной, с сыновьями Михаилом и Егором, дочерьми Анной и Просковьей.

Современники свидетельствуют, что условия жизни обитателей села во многом зависели от водного режима Кулачинского озера. С середины апреля и до середины июля, когда озеро соединялось протокой с Иртышом, вода в нем была пригодной для питья. По этой же протоке из реки в озеро заходила рыба. Летом крестьяне ловили в озере шук, чебаков, карасей. В середине июля протока пересыхала, вода в озере портилась, а сами жители предпочитали пользоваться ключом, расположенным в одном из лесов близ села. Речная рыба, попавшая в озера, к зиме погибала.

На протяжении последующих двух столетий село Кулачинское являлось крупнейшим населенным пунктом одноименной волости. Особой популярностью, как место постоянного обитания, оно пользовалось у крестьян-переселенцев и у солдат. Последние, выходя в отставку после 25-летней службы, нередко селились в этих местах. В 1834 г. в Кулачин-

ском насчитывалось 138 дворов. В их число входил 101 крестьянский двор, 31 двор поселенцев и 6 дворов отставных солдат.

К 1903 г. население села Кулачинское несколько сократилось. В нем находилось 100 дворов, в которых проживало 470 мужчин и 450 женщин. Поскольку село стояло на земском тракте, то имелась и земская станция, на которой меняли лошадей и предоставляли приют уставшим путникам. Поскольку Кулачинское являлось центром одноименной волости, то в нем имелось волостное правление, министерская школа, хлебозапасный магазин, казенная винная и четыре торговых лавки. Почтовая связь села осуществлялась при помощи волостного правления два раза в неделю. А ближайший вокзал, телеграф и больница находились в Омске. К 1913 г. в с. Кулачинском имелось: две мелочные лавки, одна пивная и одна казенная винная. Население занималось земледелием и скотоводством. Зажиточные крестьяне ежегодно засевали от 40 до 50 десятин, средние от 5 до 10 десятин, а бедные менее 5 десятин. Скотоводство имело средние размеры, но довольно хорошо было развито молочное хозяйство. Очень большим подспорьем в крестьянском хозяйстве были огородничество, рыболовство и извоз. Продукты от первых двух занятий с большей выгодой сбывались на рынках Омска.³ Сегодня старинное село Кулачинское обозначено на современных картах как деревня Большекулачье. В конце 80-х гг. прошлого века население деревни насчитывало 121 человека, большинство из которых составляли русские. В административном плане она подчиняется Надеждинскому сельсовету. Как в старые добрые времена, сегодняшние нужды деревни решает сход ее жителей. А он проходил и проходит возле Никольской церкви.

Из истории храмостроительства на большекулачинской земле

Первые упоминания о строительстве храма в селе Кулачинском относятся к 1751 г., когда Иван Миронович Круглов с другими односельчанами выстроил деревянную церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая.⁴ Это был небольшой однопрестольный храм, сооруженный из соснового леса. Есть основания предполагать, что кулачинцы ещё тогда желали устроить в храме придел во имя Св. мучеников Кирика и Улиты. Однако, скорее всего, финансовые трудности помешали им это сделать первоначально. В 1780 г. в Кулачинский приход входило 4 поселения, которые в общей сложности составляли 130 дворов. В них проживало 1436 душ обоого пола.⁵ Во второй половине XVIII в. в Никольской Кулачинской церкви служили священник Захар

Саввич Лапин и дьяк Александр Серебренников. Не очень сложно установить их социальное положение и родственные связи. Александр и Степан Серебренниковы были из рода чернолуцкого духовенства, а Иван Лапин был сыном первого кулачинского священника Захара Лапина.⁶ К 1793 г. Никольская деревянная церковь с колокольной сделана «в твёрдости опасной», поэтому кулачинцы в лице крестьян Алексея Драницына, Степана Малсихина и Кондратия Брешкова ходатайствовали перед Омским Духовным Правлением о разрешении им возвести за лето 1793 г. новую деревянную на каменном фундаменте Никольскую церковь, но теперь уже с пределом Св. мучеников Кирика и Улиты. Причём селяне, судя по ходатайству, не торопились разбирать старую церковь, где намерены были молиться Всевышнему во время строительства новой. Они просили Архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама (Петрова) и просили ввиду ветхости антиминсов прислать им новые. Но заложить в то лето новый храм кулачинцам не удалось. Осуществить это у них получилось только через год – 1 октября 1794 г. Чинно и торжественно была произведена закладка новой двухпрестольной церкви. Из «Доношения» на имя Архиепископа Тобольского и Сибирского Антония (Знаменского) мы узнаём, что к маю 1803 г. сооружение Кулачинского храма было уже закончено. «... Иконостас Первого Предела, так и прочие Служебные вещи приготовлены...».⁷ По распоряжению Его Высокопреосвященства в Омское Духовное Правление был послан атласный антиминс и благословенная грамота на освящение храма. Антиминс, по определению Тобольской Духовной Консистории, был взят из числа хранившихся в Тобольском Софийском соборе.

Эта деревянная церковь просуществовала до середины XIX в. В 1864 г. пришедший в ветхость храм был заменён новым, также деревянным и на каменном фундаменте.⁸ Он явился третьим по счёту из известных нам Кулачинских храмов. Но к началу XX в. отстоявший почти сорок лет храм сгорел. Собравшиеся на сход селяне решили возводить в Кулачинском новую церковь, но теперь уже каменную. Работа с «Метрическими книгами» данного храма за конец XIX в. позволила нам установить, что настоятели пострадавшей от пожара Никольской церкви менялись довольно часто. Так, в декабре 1891 г. в храме служил священник Иоанн Кисилёв, а в октябре 1897 г. его сменил иерей Симеон Сергиев, а летом 1899 г. кулачинским священником был отец Пётр Бодров.

В 1902 г. кулачинцы приступили к строительству нового каменного храма вместимостью на 300 чел. По мнению искусствоведа Н. И. Лебедевой, в основе проекта церкви лежит образцовый чертёж «Проект

каменной церкви, вместимостью до 500 человек, № 24», разработанный в Св. Синоде в 1898 г⁹. Вышеупомянутая исследовательница полагает, что, возможно, к его созданию был причастен гражданский инженер, член технико-строительного комитета хозяйственного управления при Св. Синоде Е. Л. Морозов, проектировавший в русском стиле во многих городах России, в том числе и в Омске. Очень похожа по своему архитектурному исполнению на Кулачинскую Никольскую церковь градо-омская Параскевиевская церковь. По мнению специалистов, Кулачинский храм скорее всего строился по чертежам, переработанным тем же архитектором, который возводил и церковь во имя Св. Параскевы Пятницы. Но если Параскевиевская церковь дважды перестраивалась, то Кулачинская дошла до нас в почти первоначальном виде.¹⁰ В архитектурно-стилистическом плане Никольский Кулачинский храм имеет ярко выраженный русский стиль: высокий кубический центральный объем, увенчанный пятью декоративными главами, трапезная с притвором, над которым возвышается восьмигранная колокольня с арочными окнами, шатровым покрытием и луковичной главкой. На красных кирпичных стенах храма хорошо выделяются белые декоративные детали фасадов. Церковь, поставленная в центре села, со сходящимися к ней улицами, явилась не только духовным, но и архитектурно-планировочным центром Кулачинского села.

В 1903 г. были завершены основные строительные работы по возведению Никольского храма, однако его освящение состоялось лишь по прошествии двух лет.¹¹

В приход храма Святителя Николая в начале XX в. входили, кроме села Кулачинского, следующие крестьянские поселения: деревни Харино, Луговая, Надеждино и переселенческий посёлок Давыдовка. В двух вышеупомянутых деревнях имелись приписанные к церкви часовни. В 1900 г. Кулачинский приход насчитывал 2 723 чел., а тринадцатью годами позже число прихожан сократилось до 1319 чел., поскольку вместо густонаселённой деревни Надеждино в приход вошёл менее населённый посёлок Давыдовка. В приходе согласно штату полагалось состоять: священнику, дьякону и псаломщику. Церковный причт размещался в трёх домах, выстроенных сельским обществом. Но если в 1900 г. квартиры священно-церковнослужителей были «удобны», то к 1913 г. они стали тесными и неудобными. На содержание церковного причта из казны отпускалось жалованье в размере 200 руб. 56 коп. в год. Сумма эта между священно- и церковнослужителями распределялась следующим образом: священник получал 130 руб., дьякон и псаломщик по 35 руб. 28 коп. каждый. Помимо этого, батюшка за преподавание Закона Божьего в министерской школе имел до-

полнительный приработок, который составлял 60 руб. в год. Для отопления причтом своих квартир в весенне-осеннее и зимнее время сельское общество выделяло по два крестьянских лесных пайка. Цена же сухих берёзовых дров колебалась перед Первой мировой войной от 5 до 6 руб. Прихожане проявляли очень радивое отношение к содержанию в должном благолепии как храма, так и в доброй исправности домов священно-церковнослужителей. Церковный причт имел 90 десятин пахотной и 9 десятин сенокосной земли. Собственных сил для обработки такого количества земли причту не хватало, поэтому большая её часть сдавалась в аренду крестьянам. Арендная плата за десятину в 1913 г. составляла от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. Приблизительно в то же время ежегодно, в среднем, в Кулачинском приходе бывало до 100 крещений, до 20 венчаний и до 60 погребений. А церковный капитал насчитывал 556 руб. 37 коп. Из «Справочной книги Омской Епархии», составленной священником Иоанном Голошубиным и изданной в Омске в 1914 г., мы узнаём, что «...пасхальное хождение со Св. иконами бывает по всем домам. Крестные ходы по полям бывают во всех селениях, но молебнов по домам после них не служитя. «Съезжие» праздники: в селе [Кулачинском – А. Л.] – 6 декабря, в деревне Давыдовке – 6 декабря и в деревни Луговой – 22 октября. В эти праздники в деревнях отправляется богослужение и бывает хождение со Св. Крестом ... »!!!

В годы Первой мировой войны прихожане как могли помогали фронту. Так, 8 марта 1915 г. был устроен вечер духовного пения в пользу раненных воинов. Перед верующими прекрасно выступил церковный хор под управлением церковного учителя Карпова. Билетный сбор от вечера дал 48 руб.

Сведения о церковном причте Никольского Большекулачинского храма пока разрознены и весьма отрывочны. Вне всякого сомнения, эта проблема ещё ждёт своего исследователя. Стоит однако заметить, что работа по выявлению приходского клира весьма сложная и трудоёмкая, поскольку более или менее полной подборки «Клириковых ведомостей» и «Метрических книг» в Омском и Тобольском архивохранилищах автором пока не обнаружено. Из имеющихся в нашем распоряжении документов удалось установить, что в начале XX в. дьяконом в Кулачинском приходе был воспитанник Ишимского духовного училища Павел Васильевич Гиганов (1868 г. р.). В 1897 г. он принимал активное участие в Первой всеобщей переписи населения, за что даже был представлен к медали. В село Кулачинское он прибыл в 1893 г. Так что довелось ему послужить ещё и в деревянной Николаевской церкви, сгоревшей в 1900 г. А псаломщиком Свято-Никольского храма с 1896 г. был Фёдор Никандрович Афанасьев, в своё время получив-

ший образование в Тобольском Духовном училище. Именно им, судя по всему, довелось стоять у истоков строительства каменного Никольского Кулачинского храма.

Перед Первой мировой войной и в суровые военные годы настоятелем Кулачинского храма был иерей Сергей Донченко, награждённый в 1912 г. скуфьей, а тремя годами позже получивший назначение в члены совета Благочиния. В суровый и грозный 1918 г. окормлять кулачинских прихожан выпало на долю священника Сергея Пламеневского, который одновременно нёс послушание в качестве благочинного своего округа.

С установлением Советской власти переименованное уже к тому времени село из Кулачинского в Большекулачинское вошло в состав Кагановического района Омской области. Никольская церковь была закрыта, всё убранство храма ликвидировано, а купола варварски сняты. В обезглавленном остове церкви разместили зернохранилище. К 1960-м годам здание сильно обветшало. Случившийся пожар только усугубил дело. Пострадавшее здание оказалось заброшенным. Находились даже смельчаки, ратовавшие за снос храма. Но один из директоров хозяйства, атеист по убеждениям, эту идею не поддержал. И не дал ни работников, ни техники. Так и стояла посредине села полуразрушенная церковь с разбитыми оконными проемами, захлапленными помещениями и поросшей густой травой прилегающей к ней территории.

С конца 1980-х гг. прошлого века остов Никольского храма был передан Омско-Тарской епархии. Благодаря неутомимой деятельности Его Высокопреосвященства Митрополита Омского и Тарского Феодосия (Процюка) началось поэтапное возрождение Никольского Большекулачинского храма. Начало первых строительных работ следует датировать летом 1989 г.

Молитвы и труды нашего Владыки Феодосия не только способствовали быстрому возрождению храма, но и тому, что в весьма непродолжительное время приход этот стал одним из духовных центров Омского района. Назначение в 1991 г. на вновь возрождающийся приход Омско-Тарской Епархии иерея Вячеслава Кляритского (ставшего впоследствии игуменом Виталием) способствовало его внешнему и внутреннему преображению.

В 1990 г. благодаря неустанным заботам настоятеля возвели каменное покрытие над храмом, восстановили колокольню и шатер над ней. Над главами подняли кресты, выполнили наружную и внутреннюю отделку, а после освящения начались богослужения в церкви. Благодетель А. Н. Беляев взялся за дальнейшее восстановление храма. В первую очередь заказал отливку и доставку 7 колоколов с Ураль-

ского завода. По его просьбе сотрудники кафедры строительных конструкций и НПФ «ОНИЛ-СК» СибАДИ разработали проект навески колоколов, изготовили необходимые для этого приспособления. Весной 1994 г., перед самой Пасхой, подняли колокола на колокольню.

В это время к храму стали собираться послушники, которые составили основу будущего монастыря. Город полюбил это место, целыми семьями стали приезжать на богослужения.

В начале 1997 г. перед приходом встали две задачи: 1) произвести замену временного покрытия над центральной частью храма на постоянное, с устройством над ним светового барабана; 2) расширить центральную часть храма за счет пристройки с южной и северной сторон двух приделов, что повело за собой ликвидацию всех существующих окон нижнего яруса.

А. Н. Беляев обратился к кафедре НПФ «ОНИЛ-СК» СибАДИ с предложением выполнить этот проект. Новое архитектурно-конструктивное решение однокупольного покрытия центральной части храма со световым барабаном не нарушило архитектурный стиль существующего храма.¹²

Иконостас храма выполнен преподавателями художественно-графического факультета Омского государственного педагогического университета супругами Михальченко. Стилистика двухъярусного иконостаса ориентирована на древнерусские образцы.

Большинство икон в храм было пожертвовано друзьями настоятеля игумена Виталия, а также прихожанами-селянами. Так, одна из прихожанок принесла небольшую икону Святителя Николая, которая, по её словам, хранилась в храме по день его закрытия. Многие иконы по стилю написаны весьма разнообразно. Имеются Святые образы северного письма, украинского и «фряжского». В алтаре имеются три иконы, пришедшие в Никольский храм из одного из северных храмов России и несколько икон в окладах XIX в. Самым интересным и наиболее почитаемым у прихожан образом является двусторонняя выносная Богородичная икона. С одной её стороны имеется лик Казанской Божией Матери, а с другой – Знамение. Предполагают, что сей образ был написан мастерами-иконописцами Северной России, датировку которого следует отнести к XIX в. Примечательно и то обстоятельство, что первоначально иконы были очень тёмными, но за время пребывания в храме многие из них просветлели. Практически все обновившиеся образы – это дар приходу отца Германа Петровского, проживающего в Финляндии. Например, образ Святого Георгия Победоносца, написанный в европейской манере, был подарен Никольскому храму Анатолием и Константином Морозовыми. А образы святителя Николая Угодни-

ка и Апостолов Иоанна Богослова и Матфея были приобретены для монастырского храма в Омске. Образ же святителя Иннокентия Иркутского очень необычен по своей технологии исполнения, поскольку лик Иркутского святителя выполнен на металле. А три иконы украинского письма отличаются яркостью красок и своею праздничностью. На этих Святых образах много жёлтого и голубого цветов. К таковым мы можем отнести иконы Божией Матери Троеручицы, Облачное Успение Пресвятой Богородицы, а также образ с девятью клеймами. Омский искусствовед Н. И. Лебедева в своё время высказала предположение, что все эти иконы попали к нам, в Западную Сибирь с украинскими переселенцами.¹³ Учреждение в 1995 г. Свято-Никольского Большекулачинского мужского монастыря имеет свою предысторию.

Покровская обитель

Начало монастырскому строительству на Омской земле было положено учреждением в 1895 г. Омско-Семипалатинской епархии. Поскольку монастыри, по своей сути, являются оплотом и хранителями чистоты Православной веры, то каждый Владыка склонен иметь в епархии какую-либо монастырскую обитель. Так было и в 1895 г., когда на только что вновь учреждённую Омскую кафедру прибыл Епископ Григорий (в миру Лев Полетаев). Он сразу же дал распоряжения Омской Духовной Консistorии приступить к сбору документов, необходимых для учреждения обители, а также истребовал разрешение Св. Синода на сбор пожертвований в пределах Империи на устройство монастыря в Омской епархии. Однако пожертвования много не дали. И тогда Его Преосвященство решил ходатайствовать перед Св. Синодом об уступке земли для Архиерейской дачи, а заодно с этим и для монастыря, что 8 марта 1897 г. Высочайше было удовлетворено.¹⁴ С этой даты и начинается история Покровского мужского монастыря Омской епархии.

Монастырь находился в 15 верстах к северу от Омска, в районе Кулачинской волости, Тюкалинского уезда, Тобольской губернии, посередине двух переселенческих деревень, возникших в 1852 г. и названных в честь Российских Императоров – Александровской и Николаевской. Обитель располагалась на высоком берегу Иртыша. Перед взором проплывавшего либо по реке, либо следовавшего по дороге путника представлялась следующая картина. Небольшой деревянный на каменном фундаменте храм, освящённый 25 августа 1902 г.¹⁵ епископом Сергием во имя Святителя и Чудотворца Николая был обнесён довольно широкой деревянной оградой. Напротив западных дверей

храма для монастырской братии был построен весьма вместительный деревянный дом. Верхний этаж был сооружён из леса, а нижний из кирпича. За оградой имелся небольшой четырёхкомнатный деревянный дом с хозяйственными постройками. К их числу относились: людская, сарай, амбары и скотный двор. Тогда же, в 1902 г. в монастыре собирались строить и большой трёхпрестольный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, вместимостью до 800 человек. К тому времени были и собраны средства для строительства. Ни много ни мало – 19 000 руб. Горный инженер А. Сборовский разработал проект храма и составил смету на его возведение. К сожалению, по невыясненным пока причинам проект этот так и остался только проектом. Заложенный в 1907 г. фундамент предполагаемого собора остался незастроенным, хотя на его кладку ушло 700 000 штук кирпича.¹⁶

В 1902 г. в монастыре насчитывалось до 10 человек братии. Из них монашествующим был только один – сам настоятель монастыря, иеромонах Лаврентий, начавший свой подвижнический подвиг в Козельской Оптиной пустыни, в Покровский монастырь он прибыл из Почаевской лавры. Под его началом в обители находилось пять рясофорных и четыре простых послушников. Весь состав монастырской братии был пришлым, из разных монастырей Европейской России. К 1913 г. заметно увеличивается число насельников монастыря. В монастырскую братию уже входило 7 иеромонахов, 1 иеродиакон, 6 монахов и 6 послушников. С 9 декабря 1911 г. управляющим Покровским монастырём стал бывший епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии Исидор (в миру Пётр Колоколов). Но в июне 1913 г. он был освобождён от этой должности в связи с назначением в Филейский Александро-Невский монастырь Вятской епархии. В настоящее время он прославлен как Новомученик.¹⁷

Имелись у обители и свои святые. Так, Святой Праведный отец Иоанн Кронштадский пожертвовал для Никольского храма Покровской обители икону Божией Матери «Всех скорбящих Радости», которая являлась точной копией с иконы, хранящейся в часовне, воздвигнутой на стеклянном заводе в г. Санкт-Петербурге. Размер иконы был 16х12 вершков. Образ был написан на золотом, чеканной работы, фоне. На иконе искусно были вделаны натуральные медные монеты в тех местах, где они чудесным образом впечатлелись в достопамятный день Знамения этой иконы. Имелся также в монастыре образ Иверской Божьей Матери, насчитывающий со дня своего написания почти 300 лет. Икона была украшена массивной серебряной ризой.

Имелись в обители и другие чтимые иконы. Так, например, 27 августа 1915 г. настоятель монастыря игумен Аристоклий (в миру Авсен-

тий Ветер), пребывавший на сей должности в этой обители с 13 сентября 1913 г., ходатайствовал перед Омской Духовной Консисторией о проведении, по примеру прежних лет, крестного хода с храмовой иконой Святителю Николаю Чудотворворца по сёлам Петропавловского, Кокчетавского и Ишимского уездов.¹⁸

На 1913 г. удобной и неудобной монастырской земли имелось 730 десятин. Трудами братии из них обрабатывалось только 70 десятин. Остальная же земля сдавалась в аренду александровским и николаевским крестьянам. Небогатое монастырское хозяйство насчитывало к тому времени 12 лошадей, 20 коров и 20 овец.

Монастырь имел своё подворье с церковью в г. Омске, а также два дома в г. Ново-Николаевске (ныне – Новосибирск). До 1916 г. к Покровскому монастырю был приписан храм во имя Иоанна Златоуста на заимке А. Д. Кузьмина, которая в 1916 г. была передана жителям с. Китайлы.¹⁹

С установлением советской власти в 1917 г. была конфискована принадлежащая монастырю земля. Жители окрестных поселений Николаевки и Александровки зачастую, вплоть до самых стен монастыря, вспахали принадлежащие некогда обители земли. Монастырский скот был обречён на голодную смерть, поскольку благодаря «бдительности беднейшего крестьянства» на сенокосные пастбища он просто не допускался.

В монастыре в это время наряду с насельниками разместились увечные воины-инвалиды, получившие свои увечья на фронтах Первой мировой войны. Взаимоотношения у них с александровскими крестьянами, мягко говоря, просто не сложились. Поселяне обвиняли увечных воинов, что они самовольно захватывают монастырскую землю, распоряжаются по своему усмотрению сельскохозяйственным инвентарём и пр. Злоба и обида со стороны крестьян по отношению к инвалидам, на наш взгляд, объясняется просто. Многие из них в дореволюционный период арендовали и обрабатывали монастырскую землю, которую уже привыкли считать как бы своей. Советские административные органы выступили однако на стороне инвалидов, а не крестьян. Так, Омский областной комиссариат земледелия и землеустройства, своим постановлением от 10.04.1918 г. за № 126 передал земельный участок монастырской земли со всем живым и мёртвым инвентарём, лесом и имуществом во временное пользование Комитету увечных воинов.

С приходом Белой власти монастырская братия обратилась с ходатайством о возвращении монастырской земли к Земельной управе Временного Сибирского Правительства. Своим решением Акмолинская областная управа от 5.06.1918 г. постановила отвести монастырю

125 десятин сенокоса из конфискованного «советами» монастырского участка. Однако, на практике вернуть этот земельный участок оказалось не таким-то простым делом. Александровские и Николаевские крестьяне вернуть монастырю засеянную ими уже к тому времени землю отказывались. Ссылались они на то, что эти земли были им переданы советской властью не менее чем на год. В конце концов, монастырская братия Покровского монастыря получила 3.07.1918 г. лишь только 65 десятин земли.

С окончанием братоубийственной гражданской войны и установлением диктатуры пролетариата для Покровского мужского монастыря наступили чёрные дни. Его движимое и недвижимое имущество было конфисковано, братия разогнана, а сам монастырь к 1930-м годам вовсе прекратил своё существование.

Почти через век с начала своего основания монастырь возродился вновь, но уже на новом месте и с новым названием – Свято-Никольский Большекулачинский мужской монастырь. Хотя, если исходить из географических постулатов, то ближайшим «наследником» и правопреемником монастырских земель, наряду с вышеупомянутой обителью, является самая северная церковь г. Омска – Храм во имя Всех Святых Земли Сибирской Просиявших. Сегодня уцелевший монастырский корпус Покровского монастыря является скитом возрождённой обители.

Возрождение обители

В конце 1980-х годов некогда старинное село Большекулачье насчитывало всего 50 дворов. Многие из его жителей работали в городе и в близлежащих посёлках. В самом центре села величественно возвышался остов храма. Вид его был неприглядный. Голые стены без крыши и дверей. Частично разрушенная и сильно опалённая огнём кладка. Пустые глазницы окон, смотрящие насквозь. Громадные кучи мусора изнутри.

В конце лета 1988 г. осмотреть остатки храмового здания, переданного Епархии, приехал вместе с духовенством Архиепископ Омский и Тарский Феодосий. По его Архипастырскому благословлению сразу же была составлена бригада из послушников для восстановления храма. Началась реставрация. В 1988–1989 гг. значительную помощь при реставрации храма оказал директор совхоза «Надеждинский» Н. И. Вишня. Была отремонтирована и покрыта под рубероид крыша, установлена небольшая маковка с крестом на центральном куполе храма, а также произведена консервация здания, заменены и утеплены окна и двери.

Внутри стен были установлены леса. Служба в этот период в храме не проводилась. Приход же разместили в старой одноэтажной деревянной школе, расположенной напротив храма. 22 мая 1990 г. на престольный праздник приехал из Омска с паломниками Владыка Феодосий. До 1991 г. постоянного священника в Большекулачье не было. В село, по благословлению Владыки, приезжали в командировку разные батюшки, чтобы служить и крестить людей. С весны 1991 г. настоятелем Никольского Большекулачинского храма назначается иеромонах Виталий (Кляритский), который окормлял обитель до 2005 г. Он же стал первым настоятелем и игуменом учреждённого в 1995 г. Большекулачинского Свято-Никольского монастыря. Летом 1991 г. на базе вновь возраждающегося прихода был устроен детский православный лагерь. В августе 1991 г. восстанавливаемый храм был уже оштукатурен. К 1993 г. храм приобрёл изнутри и снаружи более или менее приглядный вид. Был настлан пол. Произведены изнутри штукатурка и побелка. Прихожане несли в храм иконы и другую спасённую от поругания церковную утварь. Также удалось приобрести напрестольное Евангелие и храмовую икону Николая Чудотворца, которая и поныне в монастыре является наиболее почитаемой и чудотворной.

15 апреля 1995 г., перед Пасхой, были освящены и подняты на колокольню 9 колоколов. Самый большой из них имел вес 640 килограммов.

В том же 1995 г. при очередном посещении Свято-Никольского храма Владыка Феодосий дал своё Архипастырское благословление на основание мужского монастыря во имя Святителя и Чудотворца Николая в с. Большекулачье. Владыка Феодосий сразу же после этого стал ходатайствовать перед Священным Синодом Русской православной церкви Московской патриархии о принятии по этому поводу необходимого решения. 16 июля 1995 г. таковое было принято.

В 1996 г. продолжались работы по ремонту и реставрации храма.

В канун 2000-летия Рождества Христова в монастыре началась активная работа по реконструкции храма, который уже к этому времени стал тесным. Архитекторами П. Ф. Дзмишкевичем и А. Р. Нелеповым было разработано оптимальное архитектурно-конструктивное решение однокупольного покрытия центральной части храма со световым барабаном. Оно не нарушало архитектурный стиль здания и позволяло расширить центральную часть за счёт пристройки северного и южного приделов. Строительные работы завершились к 2002 г. Северный придел освятили во имя Царственных Мучеников, а южный во имя Святых мучеников Кирика и Иулиты. Под приделами были построены цокольные этажи, в которых разместились Воскресная школа, библиотека, кинозал, ризница и мастерская по ремонту и глажению облачения.²⁰

*Монастырь сегодня*²¹

В настоящее время в состав монастыря входят:

- храм в честь Святого Николая Чудотворца с келейными корпусами, трапезной, мастерской и гаражом на прилегающей территории;
- скит в честь святого Преподобного Александра Свирского, животноводческого направления, расположенный на берегу Иртыша в 7 километрах от монастыря;
- скит в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша», сельскохозяйственного направления, расположенный в двух километрах к северу от монастыря;
- источник и часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы Живоносный источник, расположенный в полутора километрах на юго-восток от монастыря;
- богадельня, находящаяся на территории монастыря;
- скит на месте Покровского мужского монастыря, где с дореволюционных времен братский корпус с бывшей некогда в нем домовою церковью.
- обитель в честь Святого Блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского Чудотворца в селе Вятка Усть-Ишимского района;
- подворье в честь святого Праведного Симеона Верхотурского в селе Кайсы в пяти километрах от обители. В настоящее время здесь проживают 1 монахиня и 2 послушницы;

В настоящее время в монастыре 2 иеромонаха, 2 иерея, 3 инока, 20 послушников и 60 трудников. В богадельне живут 10 больных, бездомных людей, оказавшихся в жизненном затруднительном положении. Монастырь обладает движимым и недвижимым имуществом, землей и техникой.

Скит в честь преподобного Александра Свирского

Находится в семи километрах от монастыря. При хорошей видимости скит виден из монастыря и из него слышится колокольный звон. Зимой напрямую через озеро до скита можно добраться пешком за 40 минут, на лошади минут за 15–20, а на лыжах иногда и быстрее. В народе место, где располагается скит, называется «Битые горки». Название это не случайное, поскольку до сегодняшнего дня там сохранились древние курганы. В 1980-х годах здесь находилась летняя дача для малолетних преступников. Однако со временем строения дачи пришли в ветхость. Частично они разрушились сами, а частично были

разграблены. Руководство исправительного учреждения передало строения монастырю. Будущий скит был отремонтирован и обустроен в 2000 году. День памяти о преставлении преподобного Александра Свирского празднуется 30 августа/12 сентября, а первое обретение его святых мощей – 17/30 апреля. Дважды в год в эти дни из села Большекулаче от храма в честь Святителя Николая Чудотворца в скит направляется Покаянный Крестный ход.²²

Насельники монастыря и прихожане с хорутвьями и иконами идут вдоль берега старичного озера Иртыша до небольших возвышенностей и широкой протоки, на берегу которой и находится скит.

В скиту имеется домовая церковь с иконостасом. Наиболее в ней почитаемые образы – это старинная икона Александра Свирского и Даниила пророка, а также образ Святителя Николая.

В 2002 году скит впервые посетил Его Высокопреосвященство Владыка Феодосий и благословил совершать в нём молитвенное правило. А 12 сентября 2006 года, пребывая в скиту, Митрополит Омский и Тарский Феодосий осмотрел место под строительство нового храма.

Сегодня в скиту проживает, как правило, 6–7 насельников. Распорядок дня их очень прост – после утренних молитв все идут на послушания. Хозяйство небольшое: три коня, коровы, овцы, куры и огород. Весь день в трудах в зависимости от времени года. В конце дня, после трапезы, вечерние молитвы.

Скит в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша»

Скит организован в начале XXI в. и находится в двух километрах к северу от села Большекулаче.

Ежегодно, 18 мая, в день празднования иконы Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша» от храма в честь Святителя Николая Чудотворца в этот скит направляется Крестный ход. Насельники монастыря, прихожане и паломники Свято-Никольского монастыря молятся об исцелении страждущих от порока винопития и других страстей.

По благословению священно-архимандрита Свято-Никольского монастыря Митрополита Омского и Тарского Феодосия выпущено два «Монастырских листка» о православном трезвенническом движении в дореволюционное время и о духовных корнях алкоголизма. В данном скиту живет обычно 5–7 братьев. Они занимаются сельскохозяйственными работами, строят новый келейный корпус и поют на клиросе. Здесь же хранится и ремонтируется сельхозтехника.

*Источник и часовня в честь иконы Пресвятой
Богородицы «Живоносный источник»*

Народная молва гласит, что каждый монастырь или храм должен иметь источник чистой воды либо колодец. Большеулучинскому монастырю в этом плане повезло. Всего в километре от храма в овраге с давних пор течёт родник, берущий своё начало из источника. Вода в роднике пресная, чистая, холодная. С первых дней возрождения храма прихожане вместе с батюшкой ходили на него, служили там молебны и освящали воду. Весной 1998 года решено было облагородить источник. Посильную финансовую помощь в этом мероприятии оказали благотворители А. Н. Беляев и В. В. Валиков. Как и полагается, вначале место было освящено и здесь был установлен поклонный крест. А затем силами благотворителей и строителей была сооружена часовня. От неё к источнику ведёт крепкая деревянная лестница, изготовленная из лиственницы. 92 ступеньки должен преодолеть паломник, чтобы добраться до воды. 5 мая 1999 года Его Высокопреосвященство Митрополит Омский и Тарский Феодосий посетил это место, освятил часовню и благословил назвать её в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный источник». Над самим родником были возведены небольшие мостки, плотины и бассейн для крещения. В глубине оврага над источником также был установлен поклонный крест и посажены молодые ёлочки. На все Богородичные праздники к источнику и часовне насельники и прихожане идут Крестным ходом. Служатся водосвятные молебны и освящается вода.

Вода из источника собирается в небольшом пруду, который на Крещение Господне освящается. Тысячи людей набирают в нем Крещенской воды и купаются в специально оборудованных прорубях.

*Обитель в честь святого Блаженного Василия,
Христа ради юродивого, Московского Чудотворца*

К концу XX века от села Вятка Усть-Ишимского района осталось два дома местных жителей и деревянная красавица-церковь со следами обветшания и разрушения.

Весной 1996 года, за месяц до Пасхи, митрополит Омский и Тарский Феодосий благословил отца Сергия Загребельного (в то время еще не имевшего монашеского пострига) на восстановление храма в честь Святого Блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца, в селе Вятка.

В настоящее время постоянно в обители проживает 5–7 человек. Устав не строгий, но жизнь с молитвой и по распорядку, в котором трудовые послушания сменяются чтением святого писания и святоотеческого наследия, оставляет в душе благотворный след.

В 2003 году Митрополит Омский и Тарский Феодосий стал первым архиереем, посетившим Вятскую обитель покаяния, труда и милосердия, а также село Кайсы, где освятил устроенную в простом сельском доме церковь в честь святого Праведного Симеона Верхотурского и причислил ее к Вятской обители.

В Кайсах при церкви организовано подворье Вятской обители и подготовлено два дома для проживания насельников. В Вятской обители осенью 1996 года в одном из сельских домов была устроена церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

В 2004 году была поднята колокольня, которая стала крениться, и начато устройство бетонного фундамента для укрепления основания храма в честь Василия Блаженного. Летом 2006 года эти работы были закончены. В том же 2004 году по благословению Митрополита Омского и Тарского Феодосия построена небольшая церковь в честь Новомучеников Омских явленных и неявленных. К настоящему времени уже закончено строительство часовни в честь святого Преподобного Серафима Саровского, перенесена проезжая дорога в обход обители, с двух сторон (западной и восточной) устроен забор (с северной и восточной стороны обитель огибает река Кайсушка).

В апреле 2005 года по благословению митрополита Омского и Тарского иеромонах отец Савватий (Загребельный) стал настоятелем Свято-Никольского мужского монастыря в селе Большекулаче, а Вятская обитель приобрела статус северного скита Свято-Никольского монастыря. Сейчас в обители есть трактор и автомобиль, подготовлена база для установки деревообрабатывающих станков. Заведено небольшое хозяйство: два коня, корова, телки, четыре пчелиных семьи и огород. У местных жителей выкуплены дома в Вятке и два дома, из трех оставшихся, в селе Нижний Тюляк.

Строительство и обустройство Свято-Никольского монастыря продолжается. Священно-архимандритом Феодосием, Митрополитом Омским и Тарским утвержден тщательно продуманный и детально разработанный генеральный план его дальнейшего развития.

На примере возрождения Свято-Никольского монастыря можно видеть, что история храмов и обителей определяется прежде всего молитвенной связью верующих людей, которые, видя в ней промысел Божий, еще более укрепляются в вере. Людей неверующих она потря-

сует непредсказуемостью, опровергая их рационалистические предположения и выводы.

Для мирских людей монастыри были и остаются некими островками среди повседневных сует, местами, где даже время течет иначе (неспешно и размеренно), где можно остановиться, подумать о душе, о смысле жизни и о смысле смерти...

¹ Куроедов М. В. История Омского района. – Омск, 2003. – С. 50.

² Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской Епархии. // Христианство и церковь феодального периода (Материалы). – Новосибирск, 1986. – С. 304.

³ Голошубин И. Справочная книга Омской Епархии. – Омск, 1914. – С. 578.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156, Оп. 4, Д. 1292. Л. 2.

⁵ Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской Епархии. // Христианство и церковь феодального периода (Материалы). – Новосибирск, 1986. – С. 304.

⁶ Куроедов М. В. История Омского района. Омск, 2003. – С. 122.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156, Оп. 4, Д. 1292. Л. 6.

⁸ Тобольская Епархия. Ч. II. Отд. 2. Описание церквей и монастырей Тобольской Епархии. – Вып. 4. – Омск, 1892. – С. 60.

⁹ Лебедева Н. Никольская церковь в селе Большекулаче. // Иртыш : альманах. Омск, 1998. Вып. I – С. 201.

¹⁰ Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2003. – С. 53.

¹¹ Лебедева Н. Никольская церковь в селе Большекулаче. // Иртыш : Альманах. – Омск, 1998. – Вып. I – С. 200.

¹² Дземешкевич П. Ф., Нелепов А. П. Опыт возрождения храмоздательства. – Омск, 1999. – С. 155–158.

¹³ Лебедева Н. Никольская церковь в селе Большекулаче // Иртыш: альманах. – Омск, 1998. – Вып. 1. – С. 201–202.

¹⁴ Парвицкий И., священник. Освящение храма в Покровском мужском монастыре и краткие, в летопись сего монастыря, сведения о самой обители. // Омские Епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1902. – № 19. – 1 окт. – С. 12.

¹⁵ Там же, С. 9.

¹⁶ ГУ ГАОО. Ф. Р–209, Оп. 1. Д. 1739э. Л. 2.

¹⁷ Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2003. – С. 59.

¹⁸ ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Л. Л. 444, 444 об.

¹⁹ ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 190. Л. 10 об.

²⁰ Игумен Виталий (Кляритский) История Свято-Никольского мужского монастыря Омско-Тарской епархии. Дипломная работа сектора заочного обучения Тобольской Духовной Семинарии. Рукопись. – Тобольск, 2004. – С. 35.

²¹ Скорьева Л. Святая обитель возрождается. Современное состояние монастыря. // Благовещение. Православная газета (Омск). – 2007. – № 5(55) – май. – С. 5.

1803 года, декабрь 29 дня. Къ Императору и Императрице
и Храму показавши все вышесказанное.

Всего Высокому Государственному
Антиполю Архиепископу Тобольскому и Сибир-
скому и Кавалеру.

Изъ Омскаго Околотнаго Присылки.

Донесеніе.

Сего Мѣсяца 13го дня Ревизию Селъ Ключаеваго Курья Николаевской
Священноцерковнослужителей Околотнаго Присылки Омскаго, Ота Зако-
нства въ Мѣсяцъ Селъ 1802го года Октября. Е. Д. Села въ Мѣсяцъ Селъ
Околотнаго Селъ Деревяннаго Николаевскаго Фундаментъ Окруже-
Околотнаго Селъ Священствъ и Судостроителъ Николая, и Священствъ
Михаила Хиринка и Улимова иереевъ, Супруженствъ охотника, и Кладъ
Иксентоваго Трестова Прядега, такъ и прочія Судостроителъ блажи
притомъ являлись. По Селу же Присылки Притомъ являлись и прочія
Околотнаго Селъ Перваго Присылки. Мого раба Селу Мѣсяцъ Пре-
освященному Святославу Омскаго Присылки Присылки Селъ и Мого-
лности. По Околотнаго Присылки Присылки Селъ Священствъ и Су-
остроителъ Николая Священствъ Антиполю на Омскѣ, и Кавалеру
Селу Присылки. Заключивъ Протоколы Владиславовъ.
Кавалеру Селу Присылки.

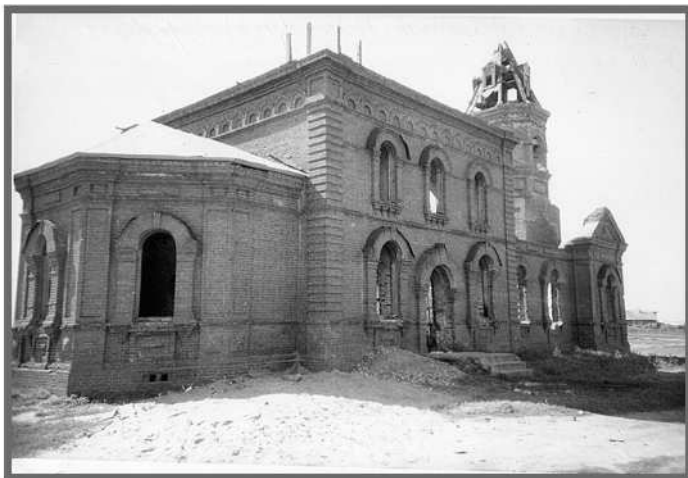
ГЦО "Государственный архив в г. Тобольске"
№ фонда 156
№ описи 4
Ед. хранения 1803

№ 157

1803го года
Июль 16го дня.

Пос. Кавалеру Селу Присылки.

ДОНОШЕНИЕ АРХИЕПИСКОПУ ТОБОЛЬСКОМУ И СИБИРСКОМУ АНТИПОЛЮ О ЗАВЕРШЕНИИ
СТРОИТЕЛЬСТВА II-Й ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ В С. КЛУЧАЕВЪ. 1803 Г.
ДОКУМЕНТ ИЗ ФОНДОВ ГОСАРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ

Церковь до реставрации. Вид с северной стороны

Восстанавливаемый храм. Вид изнутри. 1989 г.

ФОТОГРАФИИ АВТОРА

**Вид на
Свято-Никольский
храм
с северной стороны.
Фото 1999 г.**

**Пристройка к храму
двух боковых приделов.
2002 г.**

**Поднятие главы на
колокольню после
реконструкции.
2002 г.**

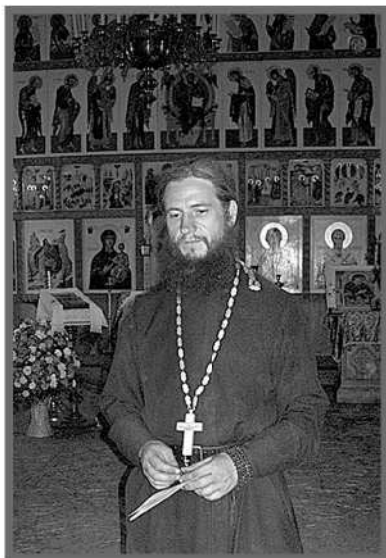
Часовня на источнике иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный источник»

Монастырский источник.
ФОТО АВТОРА. 2008 Г.

Иконостас Свято-Никольского храма

**Настоятель монастыря иеромонах Савватий
(Загребельный). Фото автора. 2008 г.**

Монастырская братия и духовенство соседствующих с монастырем сел

НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ, ЖЕТОНЫ И НАСТОЛЬНАЯ
МЕДАЛЬ ОМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА
(1907–2003)

Омский кадетский корпус был основан в 1813 году как Войсковое казачье училище¹, многие воспитанники корпуса были представителями казачьего сословия, поэтому рассмотрение данной темы следует начинать с учреждения нагрудного знака Сибирского казачьего войска в 1912 году.

18 февраля 1912 года последовало Высочайшее соизволение Императора Николая II на утверждение нагрудного знака Сибирского казачьего войска. Каждому подразделению войска было предоставлено право ходатайствовать по команде о дополнении нагрудного знака эмблемами и надписями, характеризующими особенности службы сибирских казаков².

В окончательном виде нагрудный знак Сибирского казачьего войска представляет собой круглый щит, покрытый красной эмалью (Прим.: Круглый щит является частью эмблемы возрожденного Омского кадетского корпуса). По окружности щита на белом эмалевом ободке красной эмалью выполнена славянская надпись: «Царская служила рать» (Прим.: В книге С. Андоленко и Р. Верлиха сказано, что славянская надпись имеет малиновый цвет³). На щите расположены накладные инициалы имён: в верхней части Царя Иоанна Васильевича Грозного «ІВ» – под шапкой Мономаха, наложенной на ободок щита, справа – Императора Александра III, слева – Императора Николая II, под Императорскими коронами (Прим.: В зависимости от заказа царские вензеля могли быть позолоченными, серебряными или бронзовыми). На нижней части щита помещено накладное профильное изображение головы атамана Ермака – покорителя Сибири и основателя Сибирского казачьего войска. Щит окружён золочёным венком из лавровой и дубовой ветвей, перевитых белой эмалевой лентой, на которой под изображением головы атамана Ермака находится красная эмалевая надпись: «Сибир. каз. в.» – сокращённое наименование войска (Прим.: В книге С. Андоленко и Р. Верлиха сказано, что данная надпись имеет малиновый цвет⁴). Над щитом помещена Георгиевская эмалевая лента с белыми эмалевыми датами: справа «1582» – год формирования войска, посередине – «1903» – год дарования войску Георгиевского знамени, слева «1882» – год 300-летия Сибирского казачь-

его войска. В верхней части нагрудного знака расположен оксидированный серебристый двуглавый орёл, увенчанный двумя малыми и одной большой золочёными Императорскими коронами с лентами⁵. На каждом крыле двуглавого орла изображено по два герба: на правом – Царства Казанского и Царства Польского, на левом – Царства Астраханского и Царства Сибирского⁶. Царские вензеля и голова атамана Ермака прикреплены к знаку на усики, а сам знак имеет винтовое крепление.

По официальному описанию, размеры нагрудного знака Сибирского казачьего войска составляют: в вышину не более 1,7 дюйма (около 43 мм) и в ширину не более 1,3 дюйма (около 33 мм)⁷, однако в реальности они больше. Так размеры нагрудного знака из коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея составляют 50x35 мм⁸.

Это не единственное противоречие между официальным описанием и реальностью. В описании сказано, что: «Для нижних чинов знак того же рисунка, но из другого металла и без эмали»⁹. В реальности: «30 мая 1912 года Войсковой Наказный Атаман (Е. О. Шмидт)¹⁰ приказал объявить, что экземпляры Высочайше утверждённого нагрудного знака Сибирского казачьего войска можно получить из граверной мастерской Э. Кортман (С.-Петербург, Невский пр. дом № 34, кв. 12), которому было поручено изготовление образцового знака по следующим (разновидностям и) ценам:

офицерский серебряный вызолоченный	– 12 руб.
офицерский бронзовый вызолоченный	– 10 руб.
для нижних чинов: с эмалью бронзовый	– 3 руб.
для нижних чинов: без эмали штампованный	– 1 руб» ¹¹ .

Нагрудный знак из коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея также был изготовлен в данной граверной мастерской. Об этом свидетельствует надпись на медной вызолоченной гайке: «Э. Кортмань».

Нагрудные знаки изготавливали и другие граверные мастерские. В книге С. Андоленко и Р. Верлиха приведён нагрудный знак Сибирского казачьего войска, внешне отличный от музейного экспоната¹².

Право ношения нагрудного знака предоставлялось всем офицерам, военным врачам, классным чиновникам, военному духовенству и нижним чинам Сибирского казачьего войска независимо от времени их поступления на службу¹³. Нагрудный знак носился на левой стороне груди и при всех формах одежды. Право на его ношение заносилось в формулярный список¹⁴.

Нагрудный знак Сибирского казачьего войска из коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея был найден

колхозниками колхоза «Челюскинец» Преображенского сельсовета села Николаевка Черлакского района Омской области и передан в фонд 5 мая 1944 года секретарём райисполкома Т. И. Бабинцевой¹⁵.

С 1880-х годов в русской армии существовала традиция – офицеры, юнкера и кадеты заказывали себе в ювелирных мастерских оригинальные жетоны (брелоки) в виде миниатюрных погончиков с шифровками тех полков (например: серебряный погончик Либавского полка 1803–1903), военных ведомств и учебных заведений, где они служили или учились. Изготавливали их из золота, серебра или латуни с использованием разноцветных эмалей. В 1907 году Сибирский кадетский корпус был переименован в Омский¹⁶. Это событие нашло отражение во внешнем виде серебряного жетона: на белом поле погончика была помещена шифровка «Ом К». Примерные размеры данного жетона составляют 25x11 мм. В 1913 году Омский кадетский корпус был назван Первым Сибирским Императора Александра I кадетским корпусом, а его воспитанники получили на свои погоны (Прим.: и возможно, погончики) Императорские вензеля. Жетоны носили на левой стороне груди на специальной цепочке, иногда цепочка крепилась на погонной пуговице.

В подготовке к 100-летию торжеству Омского кадетского корпуса пожелали участвовать все служащие. Из своего состава они образовали несколько специальных комиссий, одна из которых, под председательством полковника Е. В. Руссета, должна была заниматься разработкой юбилейного нагрудного знака. В день праздника кадетам предполагалось раздать юбилейные памятки, особые юбилейные кружки и рубли, чеканки 1913 года, если на то последует Высочайшее соизволение¹⁷.

28 февраля 1913 года был утверждён юбилейный нагрудный знак Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. Юбилейный нагрудный знак представляет собой выпуклую восьмиконечную золочёную звезду с эмалевым гербом Царства Сибирского в центре¹⁸. Герб выглядит следующим образом: в горностаевом щите два чёрных соболя, стоящие на задних лапах и поддерживающие одной передней лапой золотую пятизубцовую корону, другой – червлёный лежащий лук и две поставленные крестообразно, остриями вниз, стрелы¹⁹. Над горностаевым щитом помещена шапка Мономаха, а по бокам – матовые вензеля Императоров Александра I и Николая II. Под гербом на звезде расположена красная эмалевая Александровская лента с юбилейными датами: 1813, 1913. Над восьмиконечной звездой помещён оксидированный серебристый двуглавый орёл, увенчанный двумя малыми и одной большой золочёными Императорскими коронами²⁰.

На груди двуглавого орла щит с изображением Святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия.

Размеры юбилейного нагрудного знака составляют примерно 42x34 мм. Он изготавливался из бронзы²¹ и, возможно, из серебра, с помощью винта и гайки крепился на левой стороне одежды (Прим.: На правой стороне носили знаки в память 100-летия Пажеского Е. И. В. корпуса и в память 175-летия 1-го кадетского корпуса (преподавательские)²²). Вероятно, нагрудный знак 1913 года являлся не только юбилейным, но и выпускным.

1 октября 1913 года был утверждён юбилейный жетон по случаю 100-летия Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. Жетон представляет собой фигурный серебристый щит, обрамлённый широким золочёным ободком и увенчанный оксидированным серебристым шлемом. Щит расположен на двух скрещенных мечах с золочёными рукоятями и серебристыми клинками, опущенными вниз²³ (Прим.: Современная эмблема Омского кадетского корпуса представляет собой круглый щит (см. выше), увенчанный шлемом и размещённый на двух скрещенных мечах с опущенными вниз клинками). На лицевой стороне во всё поле щита расположен золочёный вензель Императора – основателя Александра I под короной. На оборотной стороне в нижней части щита размещены два погона: красный и белый (последний с вензелем Императора Александра I). В верхней части щита расположен герб Царства Сибирского (Прим.: описание см. выше) с юбилейными датами по сторонам: справа – 1813, слева – 1913. Жетон кадетского корпуса носили на цепочке, прикреплённой к рукоятям мечей. Его размер составляет 50x25 мм²⁴.

После гражданской войны русскими эмигрантами в Китае было образовано Шанхайское общество кадетов-сибиряков. 14 мая (1 мая по ст. ст.) 1938 года это общество торжественно отметило 125-летие со дня основания первого в Сибири кадетского корпуса. Торжественные мероприятия включали в себя: молебен, юбилейное заседание и общекадетский ужин, собравший представителей 19-ти кадетских корпусов дореволюционной России. На юбилейном заседании Общество приветствовали представители воинских организаций, пришедшие поздравить сибиряков в этот знаменательный день. В память 125-летия со дня основания корпуса Шанхайским обществом кадетов-сибиряков был учреждён юбилейный жетон. Он представляет из себя белый эмалевый крест с жёлтой каймой (цвета корпуса) по краям. В центральном медальоне креста изображён вензель Императора-основателя Александра I, в верхнем луче креста помещена Императорская корона, в нижнем – юбилейное число «125». Автором проекта юбилейного жетона был вы-

пускник 1922 года С.В. Молоствов. Право ношения юбилейного жетона было предоставлено всем членам Шанхайского общества кадетов-сибиряков (его носили на левой стороне груди). Кроме этого для выдающихся сибиряков были предусмотрены именные почётные юбилейные жетоны, которые высылали им в различные страны мира²⁵.

Выпускной нагрудный знак возрождённого Омского кадетского корпуса представляет собой выпуклую восьмиконечную золотистую звезду с золотистым вензелем Императора – основателя Александра I в центральной части. В верхней части восьмиконечной звезды помещён серебристый двуглавый орёл, увенчанный двумя малыми и одной большой Императорскими коронами. На груди двуглавого орла красный эмалевый щит с изображением Святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия. Орёл опирается на два покрытых эмалью исторических герба: справа – Царства Сибирского (Прим.: описание см. выше), слева – города Омска²⁶. В 1785 году уездному городу Омску был дан герб, который выглядит следующим образом: щит, разделённый горизонтально на две равные части: в верхней – герб Тобольской губернии – на синем поле воинская арматура, в нижней – на серебряном поле фигурная полоса, изображающая укреплённую линию. В нижней части звезды изображена синяя эмалевая лента с надписью «Омский кадетский корпус» и годом «1813». Выпускной нагрудный знак изготовлен из томпака и нейзильбера, с использованием горячих эмалей²⁷. Он имеет винтовое крепление и носится на правой стороне груди. На гайке указано название и место размещения фирмы-производителя: «ОРЁЛ и Ко МОСКВА». Золотые и серебряные медаллисты Омского кадетского корпуса получают нагрудные знаки под специальными номерами. Номер размещается на оборотной стороне выпускного нагрудного знака под винтом (Например: 0006).

14 декабря 2002 года автором данной статьи (А. С. Афанасьевым) был подготовлен эскиз юбилейного нагрудного знака «190 лет Омскому Кадетскому Корпусу», который впоследствии был передан заместителю начальника корпуса по воспитательной работе подполковнику С. М. Турянчику.

По описанию к эскизу, юбилейный нагрудный знак должен был представлять собой круглый красный эмалевый щит с золотистыми ободками: внутренним и внешним. Во внутреннем ободке помещена горизонтальная золотистая надпись в две строки: «190 лет». По окружности щита между ободками расположена золотистая надпись: «Омский кадетский корпус». Между словами данной надписи помещены три золотистые точки. Щит размещён на двух скрещенных золотистых мечах с опущенными вниз клинками. Щит и мечи расположены внутри

золотистого лаврового венка. Под щитом в основании венка помещена красная эмалевая лента с золотистыми краями и датой основания Омского кадетского корпуса: «1813». В верхней части венка расположен золотистый шлем. Все вышеприведённые детали юбилейного нагрудного знака (щит, мечи, венок, лента, шлем) с помощью заклёпок крепятся на овальной белой эмалевой пластине. По описанию к эскизу, юбилейный нагрудный знак должен был иметь размеры 51x33 мм, изготавливаться из бронзы и с помощью винтового крепления носиться на правой стороне груди²⁸. По причине своей дороговизны данный проект не был реализован.

Вместо юбилейного нагрудного знака была выпущена памятная настольная медаль. На лицевой стороне медали изображена эмблема Омского кадетского корпуса (щит, шлем и два скрещенных меча) на фоне лавровой ветви и Георгиевской ленты. Над эмблемой помещены юбилейные даты: «1813–2003», сбоку от эмблемы – юбилейное число в две строки: «190 лет», а под эмблемой – надпись в три строки: «Омский – кадетский – корпус». На оборотной стороне во всё поле медали расположена надпись в четыре строки: «Памятная медаль – к 190-летию – Омского кадетского – корпуса». Памятная настольная медаль изготовлена из тяжёлого металла в двух разновидностях: золотистого и серебристого цвета, диаметр её составляет 50 мм.

¹ Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967. – С. 58.

² Приказ Сибирскому казачьему войску № 69 (п.1) от 16 мая 1912 года, город Омск.

³ Андоленко С., Верлих Р. Нагрудные знаки Императорской России. Воинские Гражданские Религиозные. – СПб., 1994. – С. 128.

⁴ Там же.

⁵ Описание нагрудного знака Сибирского казачьего войска (Приложение № 1 к Приказу Сибирского казачьего войска № 69 (п.1)).

⁶ Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. – СПб., 2002. – С. 297.

⁷ Описание нагрудного знака Сибирского казачьего войска (Приложение № 1 к Приказу Сибирского казачьего войска № 69 (п.1)).

⁸ Коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея.

⁹ Описание нагрудного знака Сибирского казачьего войска (Приложение № 1 к Приказу Сибирского казачьего войска № 69 (п.1)).

¹⁰ Вилбе П. П., Михеев А. П., Пугачёва Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 60.

¹¹ Циркуляры Сибирскому казачьему войску № 3 от 30 мая 1912 года, город Омск.

¹² Андоленко С., Верлих Р. Указ. соч. – С. 128.

¹³ Приказ Сибирскому казачьему войску № 69 (п.1) от 16 мая 1912 года, город Омск.

¹⁴ Военная энциклопедия. – Т. 10. – СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. – С. 528–529.

¹⁵ Коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея.

¹⁶ Палашенков А. Ф. Указ. соч. – Омск, 1967. – С.58.

¹⁷ Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус. – Шанхай, 1940. – С. 131.

-
- ¹⁸ Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. – Омск, 2003. – С.155.
- ¹⁹ Мурашев Г. А. Титулы, чины, награды. – СПб., 2002. – С.297.
- ²⁰ Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. – Омск, 2003. – С.155.
- ²¹ Там же.
- ²² Военная энциклопедия. – Т.10. – СПб.: Т-во И. Д.Сытина, 1912. – С. 529.
- ²³ Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. – Омск, 2003. – С. 155.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус. – Шанхай, 1940. – С. 354–355.
- ²⁶ Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. – Омск, 2003. – С. 156.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Афанасьев А. С. Описание к эскизу юбилейного нагрудного знака «190 лет Омскому Кадетскому Корпусу». – Омск, 14 декабря 2002 года.

НАГРУДНЫЙ ЗНАК
СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ВОЙСКА. КОЛЛЕКЦИЯ
ОГИК МУЗЕЯ

ЗНАК ПЕРВОГО СИБИРСКОГО
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
КАДЕТСКОГО КОРПУСА.
(Из книги С. Андоленко
и Р. Верлиха «Нагрудные
знаки Императорской
России...»)

ЗНАК ПЕРВОГО СИБИРСКОГО
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
КАДЕТСКОГО КОРПУСА.
(Из книги В. Р. Басаева
«Омский кадетский корпус:
история и современность»)

ФОТО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
АЛЕКСАНДРА БЕЛОВА,
ВЫПУСКНИКА 1893 г. НА
МУНДИРЕ ЗНАК ПЕРВОГО
СИБИРСКОГО ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I КАДЕТСКОГО
КОРПУСА. (ФОТО ИЗ КНИГИ
«ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
КАДЕТСКИЙ КОРПУС
1813-1938»,
ШАНХАЙ, 1940)

Фото кадетов Александра Болотникова (слева) и Никиты Тарасюка, выпускников 1921 - 1922 гг. На форменной одежде - погончик Омского кадетского корпуса (Из книги «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус 1813-1938», Шанхай, 1940)

Погончик Омского кадетского корпуса. (Из журнала «Аверс»)

Лицевая сторона

Жетон Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. (Из книги В. Р. Басаева «Омский кадетский корпус: история и современность»)

Оборотная сторона

Фото полковника Алексея Георгиевича Грызова, выпускника 1887 г. На гражданской одежде жетон «125 лет Первому Сибирскому Императора Александра I кадетскому корпусу»

Юбилейный жетон «125 лет Первому Сибирскому Императора Александра I кадетскому корпусу»

Эскиз юбилейного нагрудного знака «190 лет Омскому Кадетскому Корпусу». Автор эскиза – А. С. Афанасьев. Эскиз не был утвержден

Гайка к знаку возрожденного Омского кадетского корпуса. Рисунок автора

Знак возрожденного Омского кадетского корпуса. (Из книги В. Р. Басаева «Омский кадетский корпус: история и современность»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГЗУ – Губернское земельное управление
ГлавАПУ – Главное архитектурно-планировочное управление
ГУ ГАОО – Государственное учреждение «Государственный архив Омской области»
ГУ ИсаОО – Государственное учреждение «Исторический архив Омской области»
ГубОНО – Губернский отдел народного образования
ГУЛАГ – Главное управление лагерей НКВД СССР
ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске
Д. – дело
ЖКХ – Жилищно-коммунальное хозяйство
ЗСО РГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Л. – лист
МВД – Министерство внутренних дел
МОУ – Муниципальное образовательное учреждение
НПТУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НОУ – Научное общество учащихся
ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
ОмСХИ – Омский сельскохозяйственный институт
Оп. – опись
ОСПА – Омский союз профессиональных археологов
ОФ ИАЭт СО РАН – Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ОФ РФК – Омский филиал Российского фонда культуры
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая партия (большевиков)
СибАДИ – Сибирский автомобильно-дорожный институт (ныне – академия)
СибВО – Сибирский военный округ
СНК – Совет народных комиссаров
СМИ – средства массовой информации
СФ РИК – Сибирский филиал Российского института культурологии
ТФ ГАОО – Тарский филиал Государственного архива Омской области
Ф. – фонд
ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦДННАО – Центр документации новейшей истории Омской области
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьев Александр Сергеевич

Преподаватель Омского техникума железнодорожного транспорта. Область научных интересов: геральдика, фалеристика.

Бродский Илья Ефимович

Краевед, член Президиума ОФ РФК, руководитель совета «Память» ОФ РФК. Область научных интересов: история городских кладбищ.

Борисов Артур Владимирович

Главный специалист – юрист управления по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры Омской области. Область научных интересов: юридические аспекты охраны культурного наследия.

Дежурова Лариса Николаевна

Учитель Троицкой средней школы Омского муниципального района Омской области (с. Троицкое), краевед. Область научных интересов: история сёл Омской области, сохранение культурного наследия.

Каримов Альберт Миниханович

Архитектор, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, председатель Омского областного отделения ВООПИК. Область научных интересов: история и современное развитие архитектуры и градостроительства.

Коновалов Игорь Леонидович

Строитель-реставратор, заместитель председателя Омского областного отделения ВООПИК. Область научных интересов: изучение, сохранение и реставрация недвижимых памятников истории и архитектуры.

Конилов Борис Александрович

Кандидат исторических наук, профессор, директор Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, председатель Омского союза профессиональных археологов. Область научных интересов: средневековая и городская археология Западной Сибири.

Лебедева Наталья Ивановна

Кандидат исторических наук, доцент Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). Область научных интересов: история православной церкви Западной Сибири XVIII–XX вв.

Лосунов Александр Матвеевич

Омский историк, краевед, преподаватель НОУ СПО «Сибирский казачий юридический колледж». Область научных интересов: история и краеведение Западной Сибири.

Мордкович Тамара Петровна

Заместитель председателя Омского отделения общества «Мемориал», член Президиума ОФ РФК. Область научных интересов: коллекционирование, экспозиционно-выставочная деятельность, история высшего образования.

Мусяк Вера Васильевна

Студентка 1-го курса ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Огородникова Людмила Ивановна

Археограф, заведующая отделом использования и публикации документов ГУ ИСА ОО. Область научных интересов: архивоведение, история Омска и Омской области.

Олейникова Алина Валерьевна

Выпускница историко-архивоведческого отделения факультета гуманитарных наук ОмГТУ, научный сотрудник ДМЦ ОГИК

музея. Область научных интересов: личные архивы в музейных фондах, музейная педагогика.

Татауров Сергей Филиппович

Старший научный сотрудник ОФ ИАЭт СО РАН, кандидат исторических наук, доцент. Область научных интересов: средневековая и городская археология Западной Сибири.

Сорокин Алексей Петрович

Директор ОФ РФК, научный сотрудник сектора сохранения и использования культурного наследия СФ РИК. Область научных интересов: историческое краеведение, история Омска и Западной Сибири XVIII–XX вв., история общественного движения XIX – нач. XXI вв.

Хахаева Жанна Михайловна

Архитектор-реставратор, инженер отдела по охране культурного наследия ОАО ТПИ «Омскгражданпроект». Область научных интересов: история омской архитектуры, изучение, сохранение и реставрация недвижимых памятников истории и архитектуры.

Черднякова Ася Сергеевна

Выпускница философского факультета ОмГПУ по специальности «культурология». Область научных интересов: омская городская скульптура.

Шкурихина Алиса Сергеевна

Выпускница Троицкой средней школы Омского района Омской области.

Научное издание

ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Сборник научных трудов

ВЫПУСК Ч(2)

Корректор *Горбунова Г. А.*
Технический редактор *Макарова О. Ю.*
Дизайн обложки *Макарова О. Ю.*

Подписано в печать 26.02.2010	Формат 60×84/16
Бумага офсетная	Ризография
Печ. л. 14,8	Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 300 экз.	Заказ М011

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Наука”»,
Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс (3812) 24-58-84